
ЭНН ТАЙЛЕР
Лауреат Пулитцеровской премии
КЛОК ДАНС
роман
Если не Энн Тайлер
лучший писатель в мире,
то кто тогда?
BBC Radio 4

Клок-Данс
Энн Тайлер

Аннотация
Энн Тайлер. Клок-Данс
Часть первая
  1967
  1977
  1997
Часть вторая
  2017

Аннотация

Жизнь Уиллы Дрейк шла от вехи к вехе. 1967-й: она школьница и пытается как-то примириться с внезапным исчезновением матери. 1977-й: студентке Уилле делают предложение руки и сердца. 1997-й: молодая вдова пытается собрать свою жизнь, разлетевшуюся на осколки. 2017-й: Уилла жаждет стать бабушкой, но не уверена, что это случится. «Неужели это все? Неужели это и была моя жизнь?» – спрашивает себя Уилла. Она уже смирилась с тем, что мечты ее так и остались мечтами, как вдруг раздается странный телефонный звонок – незнакомец делает ей необычное предложение. И, не понимая своего внезапного порыва, Уилла мчится через всю страну, чтобы заботиться о молодой женщине, с которой никогда не встречалась, о ее маленькой дочери и их собаке. Это импульсивное решение приведет Уиллу в мир эксцентричных людей, которые относятся друг к другу, как к родственникам, и именно там она неожиданно найдет покой, утешение и исполнение своих желаний.

«Клок-данс» – остроумный, смешной и немножко горький роман о надеждах и внезапных переменах, о том, что судьба вертит нас в своем танце, и, танцуя этот клок-данс, мы словно запускаем время назад, чтобы найти наконец путь к себе. И тогда мы, подобно Уилле Дрейк, можем увидеть себя словно со стороны: «Она себе видится фигуркой… что бежит по земному шару, плывущему через космос».

Энн Тайлер
Клок-Данс

Clock Dance by Anne Tyler

Copyright © 2018 by Anne Tyler

Эта книга публикуется по договоренности с Hannigan Salky Getzler (HSG) Оформление обложки Елены Сергеевой

© Александр Сафронов, перевод, 2018
© «Фантом Пресс», оформление, издание, 2019

Часть первая

1967

Уилла Дрейк и Соня Бейли отправились торговать шоколадными батончиками вразнос. Затея эта возникла ради школьного оркестра. Если денег наберется достаточно, музыканты начальной школы имени Герберта Мэлоуна поедут на региональный конкурс в Гаррисберге. В этом городе Уилла еще не бывала, но ей нравилось его шершавое имя. Соню туда возили совсем малышкой, и потому никаких воспоминаний о Гаррисберге у нее не сохранилось. Если нынче поездка не выгорит, переживали девочки, это будет смерти подобно.

Уилла играла на кларнете, Соня — на флейте. Им было по одиннадцать лет. Неподалеку друг от друга они жили в Ларк-Сити, Пенсильвания, который был никакой не сити и даже не городок, ибо не имел тротуаров, если не считать единственную панель торговой улицы. В представлении Уиллы тротуары должны быть *огромные*. Когда вырасту, мечтала она, ни за что не стану жить там, где их вовсе нет.

Из-за отсутствия тротуаров девочкам запрещалось разгуливать по городским дорогам после

наступления темноты, посему торговать они отправились днем. Уилла несла коробку с батончиками, Соня — пакет из оберточной бумаги, предназначавшийся для вырученных денег. Поход начался от дома Сони, но вначале подругам пришлось разделаться с домашними уроками. Сонина мать взяла с девочек слово, что они вернутся домой, как только молочно-блеклое февральское солнце скроется за корявыми деревьями на вершине горной гряды. Сонина мама была та еще трусиха, чего не скажешь о матери Уиллы.

Подруги решили начать торговлю с дальней Харпер-роуд и уже оттуда двигаться в свой район. Никто из оркестрантов не жил в тех краях, что давало надежду всех опередить и сорвать хороший куш. Нынче понедельник, первый день шоколадной кампании, однако все прочие торговцы раскачаются не раньше выходных.

Наградой трем лучшим продавцам станет оплаченный обед из трех блюд в гаррисбергском ресторане в компании мистера Бадда, учителя музыки.

Дома на Харпер-роуд были сравнительно новые, в так называемом стиле ранчо. И жили в этих одноэтажных кирпичных строениях относительные новоселы — работники мебельной

фабрики, пару лет назад открывшейся в Гарреттвиле. Никого из местных жителей Уилла и Соня не знали, и это было к лучшему, ибо девочки немного стеснялись своей торгашеской роли.

Прежде чем позвонить в первый дом, они постояли за раскидистым вечнозеленым кустом, собираясь с духом. Перед походом обе ополоснули руки и умылись, а Соня еще расчесала темные волосы, прямые и послушные, сквозь которые гребень скользил легко. Для золотистой курчавой копны ее подруги требовалась щетка, но у Сони ее не нашлось, и Уилла просто ладонями пригладила свои кудряшки. Обе девочки были в одинаковых куртках с капюшонами, отороченными фальшивым мехом, и джинсах, подвернутые штанины которых выставляли напоказ клетчатую фланелевую подкладку. Соня переобулась в кроссовки, а Уилла так и осталась в школьных коричневых «оксфордах» на шнурках, ибо нарочно не зашла домой, иначе с ней непременно увязалась бы младшая сестренка.

— Когда дверь откроется, выставь всю коробку, а не просто один батончик, — сказала Соня. — И спроси: не желаете купить шоколадки?

– *Мне* спрашивать? Я думала, спросишь ты.

— Не, я буду себя чувствовать глупо.

— Ничего себе! А я не буду, что ли?

— Со взрослыми ты общаешься лучше.

— А ты что будешь делать?

— Я отвечаю за деньги. — Соня помахала пакетом.

— Ладно, только в следующем доме спросишь ты.

— Хорошо.

Ну да, второй-то раз оно всегда легче. Уилла крепче ухватила коробку и следом за подругой вышла на мощенную плиткой дорожку.

Перед домом стояла металлическая скульптура, нечто ультрасовременное: взметнувшаяся ввысь дуга. Дверной звонок имел подсветку, горевшую даже днем. Соня ткнула кнопку. Где-то в нутре жилища прозвучало сочное «динь-дон», а затем наступила мертвая тишина, вселявшая надежду, что хозяев нет дома. Однако вскоре послышались шаги и на пороге возникла улыбающаяся женщина, моложе и несравнимо эффектнее матерей Уиллы и Сони: короткие каштановые волосы, яркая помада, мини-юбка.

— О, привет, девочки, — сказала она.

За спиной ее появился малыш, тащивший игрушку на веревочке:

— Кто там, мама? Кто там?

Подруги переглянулись. Сонин вид — доверчивый распахнутый взгляд, влажный, чуть приоткрытый рот, словно она вот-вот заговорит, — показался таким потешным, что в горле Уиллы щекотно забулькал смех. Неожиданно для себя она пискнула, что тоже показалось просто уморительным, и тогда смешинки превратились в хохот, хлынувший неудержимым водопадом, а следом и Соня взвизгнула и от смеха перегнулась пополам. Женщина все еще недоуменно улыбалась.

— Не желаете… не желаете… — выговорила Уилла, но закончить не смогла, захлебнувшись смехом.

— Вы что-то продаете? — ласково спросила женщина.

Наверное, подумала Уилла, в детстве и с ней случались подобные приступы, но, конечно, не столь истерические и безнадежно неудержимые, когда от смеха, затопившего тебя целиком, слезы текут ручьем и приходится, вцепившись в коробку, сжимать колени, чтобы не описаться. От стыда хотелось провалиться сквозь землю (отчаянный, безумный взгляд Сони говорил, что подругу снедает похожее желание), но вместе с тем накатило изумительно приятное облегчение. Скулы своди-

ло, а живот размяк. Казалось, еще немного — и Уилла лужей растечется по крыльцу.

Первой сдалась Соня. Она вяло отмахнулась от женщины и пошла прочь, Уилла молча последовала за ней. Входная дверь тихо закрылась.

Девочки уже не смеялись. Уилла вдруг почувствовала жуткую усталость, опустошенность и легкую грусть. Видимо, Соню одолевали такие же чувства, ибо она взглянула на солнце, серебряной монеткой висевшее над горной грядой, и сказала:

— Пожалуй, лучше дождаться выходных. Сил нет, когда столько задают на дом.

Уилла не возразила.

Когда отец впустил ее в дом, вид у него был расстроенный. Бледно-голубые глаза за стеклышками очков без оправы казались погасшими, ладонь растерянно потирала лысину, что всегда было признаком огорчения. Мелькнула мысль: он уже знает о приступе смеха. Конечно, это маловероятно (и потом, он не из тех, кто осуждает веселье), но чем еще объяснить его вид?

— Привет, милая, — уныло сказал он.

— Привет, пап.

Отец прошел в гостиную, предоставив ей самой закрыть дверь. Он был в белой рубашке и серых

брюках, в которых ходил на работу, но уже переобулся в вельветовые тапки, а значит, не только что вернулся домой. В гарретвильской средней школе он вел уроки труда, и его рабочий день заканчивался гораздо раньше, чем у других отцов.

Сестренка сидела на ковре, разглядывала комиксы в газете. Ей стукнуло шесть лет, и в одночасье она превратилась из ангелочка в страшилу с обгрызенными ногтями, щербатым ртом и противно тощими каштановыми косичками.

— Сколько продала? Все, что ли? — спросила она, увидев в руках Уиллы только портфель, но не коробку с батончиками, которую та оставила у Сони.

Уилла бросила портфель на кушетку и стянула куртку, следя за отцом, прошедшим прямиком в кухню. Уилла последовала за ним. С крючка над плитой отец снял сковородку и наигранно бодро возвестил:

— На ужин горячие сэндвичи с сыром!

— А где мама?

— Мамы с нами не будет.

Уилла ждала, что отец скажет еще что-нибудь, но тот захлопотал у плиты: зажег горелку, бросил шмат масла на сковородку и убавил пламя, когда масло зашипело. Потом вдруг стал тихонько вы-

свистывать какую-то мелодию.

Уилла вернулась в гостиную. Элейн закончила с комиксами и теперь складывала газету — этакая неожиданная аккуратность тоже была дурным знаком.

— Мама наверху? — шепотом спросила Уилла.

Элейн чуть заметно качнула головой.

— Она ушла?

— М-м-м…

— Что случилось?

Элейн пожала плечами.

— Она разозлилась?

— М-м-м…

— На что?

Опять пожатье плечами.

Да что ж такое? Их мама, самая красивая, самая энергичная и умная среди школьных мам, иногда вдруг ни с того ни с сего взрывалась. Обычно доставалось отцу. Порой — Уилле или Элейн, но отцу чаще. Ведь мог бы извлечь урок, думала Уилла. Но чего извлекать-то? Для Уиллы он был идеален, она его любила больше всех на свете. Забавный, добрый, мягкий, он никогда не брюзжал, как Сонин отец, и не рыгал за столом, как папаша Мэдлин. «Меня не проведешь! — кричала мама. — Я вижу тебя насквозь! Все эти твои “да,

милая, нет, милая” — просто агнец божий!»

Агнец божий. Уилла не вполне понимала, что это значит. Видимо, папа в чем-то напортачил. Уилла плюхнулась на кушетку и посмотрела на сестру, которая укладывала аккуратненько свернутую газету на стопку журналов.

— Она сказала, с нее хватит, — чуть слышно проговорила Элейн, почти не разжимая губ, словно чревовещательница. — Мол, пускай сам управляется с хозяйством, раз такой умный. Назвала его ханжой. И святошей.

— Святошей? — Уилла нахмурилась. Вроде это *хорошее* слово, нет? — А он что?

— Сперва молчал. Потом — жаль, говорит, если ты так думаешь. — Элейн подсела к сестре на самый краешек кушетки.

Недавно гостиная подверглась обновлению и теперь выглядела современно. В гарретвильской библиотеке мать набрала книг по декору, а ее подруга по Маленькому театру[1] принесла образцы тканей, которые они разложили на кушетке и двух одинаковых креслах. Одинаковость — это прошлый век, сказала мама. Теперь одно

[1] Примечания: 1

Движение Маленьких театров началось в США в 1912 г. Эти экспериментальные центры драматических искусств были некоммерческими и прогрессивными — *Здесь и далее примеч. ред.*

кресло было обито голубоватым твидом, другое — в сине-зеленую полоску. На смену ковру от стены до стены пришел белесый палас с бахромой, сквозь которую проглядывали темные половицы. Уилла скучала по ковру. Когда их старый дом в белой дощатой обшивке содрогался под порывами ветра, с ковром в нем было как-то надежнее и теплее. И по картине над камином — корабль под всеми парусами в блеклом море — она тоже скучала. Теперь там висел какой-то расплывчатый круг. Но всем прочим Уилла гордилась. Вот бы твоя мама переделала *нашу* убогую гостиную, говорила Соня.

В дверном проеме возник отец с лопаткой в руке:

— Горошек или зеленая фасоль?

— Пап, давай поедем в закусочную Бинга, — сказала Элейн. — Ну пожалуйста.

— Что? — наигранно оскорбился отец. — Ты променяешь горячие сэндвичи с сыром по-домашнему на столовские харчи?

Он умел готовить только горячие сэндвичи с сыром. Сильно поджаренные, они источали острый солоноватый запах, который уже стал знаком маминого отсутствия — мигрень, репетиция или очередной уход из дома, сопровождаемый

грохотом двери.

— Тэмми Дентон ездит к Бингу каждую пятницу, — сказала Элейн. — Там они ужинают всей семьей.

Отец закатил глаза:

— Тэмми Дентон выиграла на скачках?

— Что?

— Или померла богатая тетушка, которая завещала ей свое состояние? А может, на заднем дворе Тэмми нашла клад?

Сделав пальцами «козу», отец наступал на Элейн, та взвизгнула и, хохоча, спряталась за сестру. Уилла отстранилась.

— Когда мама вернется? — спросила она.

Отец выпрямился:

— Скоро, скоро.

— Она сказала, куда идет?

— Нет. Знаете что? Пожалуй, мы побалуем себя колой.

Элейн выглянула из-за сестры:

— Ура!

— Она взяла машину? — спросила Уилла.

Отец погладил лысину.

— Да.

Это плохо. Стало быть, мать не у своей подруги Мими Прентис, а неведомо где.

— Значит, в закусочную не поедем, — опечалилась Элейн.

— Уймись ты со своей закусочной! — рявкнула Уилла.

Элейн разинула рот.

— Ох ты… — опешил отец, но, учуяв запах горелого, метнулся в кухню, где загремел сковородками.

Старую машину с разноцветными крыльями (как-то раз на Ист-Уэст-Паркуэй мама врезалась в отбойник) отец вечно захламлял всякой дрянью — бумажными стаканчиками, затрепанными журналами, фантиками и конвертами в следах кофейных кружек. Мама давно мечтала о собственной машине, но они были слишком бедные. Так она говорила. Отец же считал, что у них все хорошо. «На еду-то нам хватает, правда?» — говорил он. Верно, а еще у них красивая обновленная гостиная, думала Уилла, но от этих неожиданно взрослых мыслей накатывала горькая обида.

Сэндвичи с отскобленными подгоревшими краями выглядели так себе, но были вкусные. Особенно с колой. А вот замороженная зеленая фасоль потомилась недостаточно и теперь склизко скрипела на зубах. Уилла спрятала ее под хлебными корками.

Заведуя ужином, отец не утруждался тем, чтобы убрать со стола посуду, оставшуюся после завтрака, подложить под вилки свернутые треугольником салфетки и спустить жалюзи на окнах, за которыми копошилась промозглая тьма. И оттого возникала какая-то неприкаянность. Да еще он как будто выдохся — умолк и почти не притронулся к еде.

После ужина отец, как всегда, ушел в гостиную и включил теленовости. Обычно Элейн составляла ему компанию, но сегодня осталась с сестрой, в чьи обязанности входило убрать со стола. Уилла составила грязные тарелки на столешницу возле раковины, вынула кастрюлю из духовки и заглянула в гостиную:

— Что делать с фасолью?

— М-м-м? — Отец смотрел сюжет про Вьетнам.

— Оставить?

— Что? Нет. Не знаю.

Уилла ждала, за спиной чувствуя сестру, мотавшуюся за ней, точно щенок.

— Вдруг мама вернется поздно и захочет поесть? — наконец сказала она.

— Выбрось, — не сразу ответил отец.

Уилла развернулась обратно в кухню и наткнулась на Элейн, стоявшую к ней вплотную.

Высыпав фасоль в мусорное ведро, она поставила кастрюлю к раковине, влажной тряпкой протерла стол, повесила тряпку на кран и выключила свет в кухне. В гостиной они с Элейн подсели к отцу и вместе с ним досмотрели скучные новости. Отец их обнял и время от времени прижимал к себе, но все еще был какой-то пришибленный.

Однако после новостей он как будто ожил и, потирая руки, спросил:

— Кто готов сразиться в лудо?

Уилла вроде как выросла из настольных игр, но подхватила его жизнерадостный тон:

— Я!

Элейн побежала за игральной доской.

Играли за журнальным столиком: девочки сидели на полу, отец — на кушетке (для пола я слишком старый и заржавевший, говорил он). Подразумевалось, что игра поможет Элейн, которая до сих пор считала на пальцах, освоить сложение. Однако нынче та не особо старалась овладеть арифметикой. Бросила кости, выпали «четверка» и «двойка».

— Один, два, три, четыре; один, два, — объявила она, шагая своей фишкой так решительно, что другие фишки подпрыгивали на доске.

— Шесть, — поправил отец. — Сложи, милая.

Но Элейн лишь села на пятки удобнее и на следующем броске посчитала до пяти и до трех. Отец промолчал.

Восемь вечера было временем отбоя для Элейн, девять — для Уиллы. Однако нынче, когда отец велел сестренке укладываться, Уилла вместе с ней поднялась в спальню и переоделась в пижаму. Они спали в одной комнате, в двух одинаковых кроватях, стоявших у противоположных стен.

— Кто мне почитает? — улегшись, спросила Элейн. Обычно перед сном ей читала мама.

— Я почитаю. — Уилла забралась к ней под одеяло и взяла с тумбочки «Домик в лесной чаще».

Папа из книги всегда казался ей похожим на отца. Смешно, конечно, потому что на обложке был изображен бородатый дяденька с копной волос. Но выглядел он таким же спокойным и рассудительным, и потому Уилла, читая реплики книжного папы, старалась подражать бархатистому голосу отца и его манере проглатывать окончания слов.

— Еще, — сказала Элейн, когда закончилась глава, но Уилла захлопнула книжку:

— Нетушки, потерпи до завтра.

— Утром мама уже будет дома?

— Конечно. А ты как думала? Наверное, еще

ночью вернется.

Уилла вылезла из постели и подошла к двери, намереваясь сказать отцу, что они готовы услышать «спокойной ночи», но тот, похоже, разговаривал по телефону — голос его был излишне громок, а между фразами возникали паузы.

— Отлично! — выкрикнул отец и через паузу добавил: — Семь пятнадцать — годится. Завтра и мне надо приехать пораньше.

Наверное, он говорил с мистером Ло, учителем алгебры, или с миссис Беллоуз, завучем. Они жили в Ларк-Сити и подвозили его до школы, если мама забирала машину.

Значит, и завтра мамы не будет. Раньше она всегда ночевала дома.

Уилла выключила свет и забралась в кровать. Легла навзничь, таращась в темноту. Сна ни в одном глазу.

Что, если мама вообще не вернется?

Злилась она *не всегда*. Часто бывала в хорошем настроении. И тогда придумывала всякие интересные затеи — что-нибудь разрисовать, украсить дом, подготовить сценку к празднику. А еще у нее чудесный голос, такой чистый и переливчатый. Порой она, уступив просьбам дочек, пела им перед сном. Когда они засыпали, мама,

все еще напевая, тихонько выходила из комнаты, спускалась по лестнице, и голос ее растворялся в тишине. Уилла обожала песню «В долине», особенно то место, где узник просит написать ему в бирмингемскую тюрьму. Такая грустная песенка. Уилла вспомнила мелодию, и у нее сжалось сердце. Но это была очень сладкая грусть.

Утром отец просунулся в дверь и разбудил их своим особым посвистом. Его «фью-фьють!» напоминало две первые ноты народной песни «Дикси». Уилла давно проснулась, но устроила целое представление: разлепляла глаза, потягивалась и зевала. Она уже поняла, что мама не вернулась. Дом казался гулким и безжалостно светлым.

— Привет, дорогуши, — сказал отец. — Я дал вам поспать, но проводить уже не успею. В школу сами соберетесь?

— Ладно. — Уилла села в кровати и посмотрела на сестру. Элейн лежала на боку — открыла глаза, сморгнула. Похоже, и она уже давно не спит.

— Ключ я оставил на кухонном столе. Повесь его на шею, хорошо? На случай, если вернетесь, а дома еще никого не будет.

— Ладно, — повторила Уилла.

Удостоверившись, что она уже встает, отец

помахал рукой и сошел вниз. Через секунду на улице просигналила машина, потом хлопнула входная дверь.

Канителиться с выбором одежды не хотелось, поэтому сестры надели то, в чем ходили вчера. Уилла протащила щетку сквозь свои кудряшки. Элейн заверила, что ее тощие косички в полном порядке.

— Смеешься? — сказала Уилла. — Ты ж прям растрепа.

Она распустила ей волосы, расчесала — Элейн ежилась и морщилась — и снова заплела в косицы. Приладив на концах резинки, Уилла решила, что достойно справилась с задачей, но сестра сказала:

— Они не такие.

— Что значит — не такие?

— Слабые.

— Точно такие же, как заплетает мама, — отрезала Уилла.

Так оно и было, но Элейн посмотрелась в зеркальную дверцу шкафа, и глаза ее наполнились слезами.

— Вовсе не такие! Они болтаются!

— Я сделала как сумела! Отстань!

По щекам Элейн покатились слезы, но она

промолчала.

Позавтракали овсяными хлопьями, апельсиновым соком и жевательными витаминками. Потом Уилла собрала тарелки и протерла стол. Возле мойки уже скопилась угнетающая гора грязной посуды.

Уилла подметила, что отец выпил кофе, но ничего не поел.

Не привыкшая самостоятельно рассчитывать время, она боялась опоздать на школьный автобус, а потому торопливо затолкала сестру в куртку и варежки и оделась сама. Девочки выскочили из дома и побежали к автобусной остановке. Оказалось, пришли они слишком рано. Под навесом со старой отваливающейся рекламой средства от насморка стояла скамейка. Сестры уселись и, для тепла обхватив портфели, разглядывали облачка пара, вылетавшие изо рта. Стало веселее, когда подошли другие ребята — Юла Прэтт с братом и трое мальчишек Тернстайлов. Все они сгрудились под навесом и, притоптывая, зябко кряхтели; глядя на них, Уилла даже немного согрелась.

Обычно Элейн подсаживалась к Натали Дин, но сегодня вместе с сестрой прошла в хвост автобуса, где Соня заняла место для Уиллы, и забралась на свободное сиденье через проход от

подруг. Косички ее и впрямь выглядели не очень, незаплетенные кончики были чересчур длинные. Мама всегда оставляла хвостик не больше дюйма.

Соня поделилась своей идеей: если сбагрить батончики родственникам, не придется ходить по чужим домам.

— У меня четыре дяди с маминой стороны, — поведала она. — А еще дядя и две тетки по папиной линии, только живут они далеко. Но это не страшно — деньги пусть переведут по почте, а батончики я отдам, когда приедут в гости.

— У нас нет такой кучи родственников, — сказала Уилла.

— А еще, само собой, бабушка Бэйли. Правда, другие бабушка с дедушкой уже умерли.

Все бабушки и дедушки Уиллы были живы, но видела она их редко. С папиными родителями не встречалась вообще — мама говорила, у нее с ними ничего общего. И потом, деревенские жители, они не могли бросить скотину. Мамины родители, жившие в Филадельфии, иногда приезжали на праздники, но нечасто и ненадолго, а брат и сестра, которых она не любила, не показывались вообще. Брат, говорила мама, всегда был любимчиком, потому что он мальчик, а младшую

сестру-красавицу избаловали до крайности. От идеи продать им батончики мама, наверное, только презрительно фыркнет. Да они, скорее всего, откажутся покупать, раз такие плохие.

— Может, я пройдусь по соседям, — сказала Уилла. — Это легче, чем соваться к чужим.

— Только помни, что Билли Тернстайл живет в твоем квартале. Поторопись, а то он первый всех окучит.

Уилла сощурилась на Билли: тот возился с братом, отнимая у него какую-то снедь в целлофановой обертке.

— Билл Тернстайл лоботряс, — сказала она. — Когда еще раскачается.

— А еще же моя крестная! — вспомнила Соня.

— Везет тебе.

Вот вырасту, мечтала Уилла, и выйду за мужчину из большой, дружной и веселой семьи, в которой он со всеми ладит. Муж, конечно, будет в точности как папа — такой же добрый и спокойный, а все его родичи ее тотчас полюбят и примут как свою. У нее родится шесть или восемь детей — три-четыре мальчика и три-четыре девочки, и все детство они будут играть с уймой кузенов.

— Элейн плачет, — сказала Соня.

Уилла глянула на сестру, рукавичкой утирав-

шую нос:

— Что такое?

— Ничего, — чуть слышно ответила Элейн. На рукавичке остался блестящий след, похожий на клей.

— Все нормально, — сказала Уилла.

На большой перемене в класс вошла медичка и попросила отпустить Уиллу Дрейк с урока.

— У твоей сестры разболелся живот, — по дороге в изолятор сказала она. — Думаю, ничего серьезного. С вашей матерью связаться не удалось, но девочка просит, чтоб ты с ней посидела.

Уилла сразу ощутила свою значимость.

— Наверное, сестра все себе напридумала, — уверенно сказала она.

Увидев ее, Элейн обрадованно приподнялась на кушетке. Медичка поставила стул для Уиллы. Потом Элейн опять улеглась, локтем прикрыв глаза. Заняться было нечем. Уилла посмотрела, как медсестра что-то пишет за столом. Изучила цветастый плакат, извещавший о важности мытья рук. В дверь постучали, и заглянула миссис Портер, учительница шестых классов. Медичка вышла в коридор, оставив дверь приоткрытой; Уилла видела семиклассников, толпой направлявшихся в столовую. Один мальчишка пихнул

товарища, тот споткнулся.

— Я все вижу, Дикки Бонд! — сказала миссис Портер.

В коридоре голос ее звучал гулко, словно она говорила из морской раковины, и перемежался с эхом семиклассницы, рассказывавшей подруге:

— …Какого-то странного розовато-оранжевого оттенка, из-за чего зубы кажутся желтыми…

И что, все эти ребята из абсолютно счастливых семей? Никто не скрывает домашних неурядиц? Похоже, нет. Хотя с виду их заботят только обед, друзья и губная помада.

Медичка вернулась в кабинет и притворила дверь, загасив коридорные звуки, но было слышно, как оркестр начал репетицию. Блин. Уилла обожала оркестр. Музыканты разучивали «Пляску девушек плавную» Бородина. Начальные ноты звучали тихо, неуверенно и даже неразборчиво (как-то *слабо*, на взгляд Уиллы), но потом мелодия «Странника в раю»[2] крепла, лоботрясы проникновенно выводили «Возьми мою руку, я карманник в строю», и тогда мистер Бадд стучал

---

[2] Примечания: 2

«Половецкие пляски» — балет во втором действии оперы «Князь Игорь» Александра Бородина. В 1953 г. Роберт Райт и Джордж Форрест адаптировали музыку Бородина для мюзикла «Кисмет», в том числе для песни «Странник в раю», которая с тех пор исполняется также отдельно.

дирижерской палочкой по пюпитру. Он очень красивый: длинные золотистые кудри, бугры мышц. Прямо рок-звезда. Если я займу первое место в торговле батончиками и заслужу обед с мистером Баддом, думала Уилла, я же от волнения двух слов не свяжу. Ей уже почти расхотелось побеждать.

Оркестр смолк и начал сызнова. Опять тихое вступление, опять «возьми мою руку…», но теперь громче и увереннее.

— Мама будет дома, когда мы придем из школы? — спросила Элейн. Она убрала руку с лица и беспокойно хмурилась.

— Конечно, — обнадежила ее Уилла.

Однако в автобусе она сказала Соне, что не зайдет к ней после уроков.

— Я должна присмотреть за сестрой, — прошептала Уилла, не желая, чтоб ее слышала Элейн, опять одиноко сидевшая через проход от них.

Не понять, есть ли кто-нибудь в доме. Окна не горят, но ведь еще светло. В палисаднике трава пожухла, от холода листья на кусте рододендрона свернулись в тугие сигары. Под курткой Уилла нащупала ключ. Можно, конечно, сперва позвонить в дверь, но не хотелось расстраивать Элейн напрасным ожиданием отклика.

В прихожей стояла тикающая тишина. Над батареей в гостиной чуть колыхались занавески, и больше никакого шевеленья.

— Ее нет, — сдавленно проговорила Элейн.

Уилла бросила портфель на кушетку.

— Дай ей время.

— Но мы уже дали ей время! Мы дали ей целую ночь!

«Время, чтоб одуматься», — говорил отец. Бывало, мать на него орала и топала ногами, или залепляла пощечину Уилле — ужасно больно и стыдно, когда при всех тебя бьют по лицу, — или трясла Элейн, точно тряпичную куклу, и так вцеплялась в свои волосы, что они еще долго стояли торчком. Потом мама уходила и дом заполняла потрясенная тишина.

— Ничего, ей нужно капельку времени, чтоб одуматься, — невозмутимо говорил отец. — Она переутомилась.

— Другие тоже переутомляются, но так себя не ведут, — однажды сказала Уилла.

— Понимаешь, она очень нервная.

Уилла поражалась его всепрощению. Сам он никогда не выходил из себя. Не припомнить даже, чтоб он повысил голос.

Жалко, что отца нет дома. Обычно он прихо-

дит к четырем, но сегодня вряд ли — он же без машины.

— Хочешь перекусить? — спросила Уилла. — Как насчет молока с печеньем?

— Ну, печенье, пожалуй.

— Без молока нет печенья.

Так всегда говорила мама, и сейчас Уилла подражала ее веселой певучей интонации. Во всяком случае, пыталась.

В кухне она поставила на стол стакан молока, рядом положила две штучки «Орео». Самой есть не хотелось, потому что в горле как будто застрял комок. Уилла взяла брошенный на кушетку портфель и села в столовой, где обычно делала уроки. Через минуту напротив нее устроилась Элейн с печеньем, но без молока. Первоклашкам на дом ничего не задавали.

— Дать тебе раскраску? — спросила Уилла.

Элейн только помотала головой.

Уилла решила не обращать на нее внимания. Она раскрыла задачник по математике, но все время чувствовала на себе взгляд Элейн и временами слышала, как та, словно мышка, хрустит печеньем.

Когда Уилла взялась за вопросы по истории, сестра уже расправилась с печеньем и теперь

просто сидела, порой глубоко вздыхая. Уилла притворилась, будто этого не замечает. Потом зазвонил телефон.

— Я отвечу! — Элейн кинулась в кухню, но Уилла ее опередила и сама цапнула трубку:

— Алло?

— Привет, милая, — сказал отец.

— Привет, пап.

— У вас все в порядке?

Она поняла, о чем он спрашивает, но сказала:

— Ага. Я делаю уроки, Элейн только что поела.

Пауза.

— Ладно, я уже скоро. Жду, когда Дуг Ло закончит классное собрание.

Значит, его подвезет мистер Ло. Это лучше, чем миссис Беллоуз, которая иногда засиживалась на работе до шести-семи вечера.

— Хорошо, пап.

— Приготовьтесь к лучшим в мире горячим бутербродам с сыром.

— Ладно. — Уилла повернулась к сестре, не сводившей с нее глаз: — Сказал, скоро приедет.

Элейн испустила очередной вздох.

Уилла оглядела кухню: горы грязной посуды на столешнице и в мойке, на столе нетронутый стакан молока.

— Надо все перемыть, — сказала она. — Поможешь мне? Я мою, ты вытираешь.

— Хорошо! — обрадовалась Элейн. Обычно посуду мыла мама, а вытирала Уилла. — Дашь мне фартук?

— Конечно.

Чтобы мамин фартук не волочился по полу, Уилла подвязала его сестре под мышки. Потом наполнила горячей водой оба резервуара мойки и подставила к столешнице табуретку для Элейн. Затем вымыла первую тарелку и, ополоснув, поставила в держатель, откуда Элейн ее осторожно вынула и принялась тщательно вытирать, на что ушла целая вечность. Ладно, спешить некуда, рассудила Уилла и сама резко сбавила темп. Покончив с посудой, она протерла все столешницы и плиту, стакан с молоком убрала в холодильник.

— Молодец я? — спросила Элейн, расправившись с последней тарелкой.

— Еще какая молодец, Лейни, — сказала Уилла.

Оказалось, хозяйничать не так уж плохо. А если они так и будут жить втроем? А что, на пару с отцом они справятся легко. Оба любят порядок и систему. И если вдруг мама вернется, она удивленно охнет, оглядится и скажет: «У вас

получается даже лучше, чем у меня».

— Знаешь что? Давай-ка приготовим десерт.

— Десерт? — Элейн улыбнулась во весь щербатый рот и огладила фартук. — А какой?

— Кекс или, может, пудинг. Шоколадный.

— Здорово! А ты знаешь, как его готовить?

— Где-нибудь есть рецепт.

Идея все больше нравилась. Десертов у них не бывало. Уилла всегда завидовала Соне, в чьем доме каждый ужин заканчивался десертом. Отец очень любил шоколадный пудинг. А еще французский шоколадный пирог, но там наверняка морока с корочкой.

— Папе ничего не скажем, а в конце ужина подадим пудинг на стол. Вот он удивится! — Уилла подставила табуретку к полке, на которой стояли мамины поваренные книги. — «Кухня новобрачной». Тут, наверное, самые простые рецепты.

Уилла сняла книгу с полки и раскрыла на столешнице. Элейн встала рядом, следя за сестриным пальцем, путешествующим вниз по оглавлению.

— Шоколадный кекс, шоколадное молоко… шоколадный пудинг. Двести шестьдесят первая. — Уилла открыла нужную страницу. — Сахар, какао-порошок, соль… в равных частях… ваниль… угу… кукурузный крахмал. — Она не

знала, как выглядит кукурузный крахмал, но подошла к шкафчику, в котором мать хранила муку и прочее. Крахмал нашелся. Уилла поставила коробку на столешницу.

— Можно я буду размешивать? — заволновалась Элейн. — Можно?

— Валяй.

Элейн пока еще не имела доступа к плите, поэтому кастрюлю со всеми ингредиентами Уилла поставила на кухонный стол. Сестренка размешивала рьяно, брызги летели во все стороны, но кукурузный крахмал и какао-порошок почему-то слиплись кусками.

— Молодчина, Лейни, — похвалила Уилла сестру и, перенеся кастрюлю на огонь, принялась помешивать сама.

Но удача не сопутствовала и ей. Куски остались даже после того, как месиво, выглядевшее молоком, в которое бросили бурый гравий, запузырилось по краям.

— Ну как там? — спросила Элейн. Ей не хватало росту заглянуть в кастрюлю. — Получается пудинг?

Уилла промолчала и прибавила огонь; месиво едва не перелилось через край, но она успела переставить кастрюлю на незажженную конфорку.

Гравий, однако, не исчез.

— Ничего не понимаю. — Уилла выключила горелку, полыхавшую темно-красным пламенем, и уставилась в кастрюлю.

— Что там, что? — наседала Элейн.

— Я не…

Из гостиной донесся голос отца:

— Привет!

Сестры переглянулись.

— Есть кто дома?

— Прячь! — прошептала Элейн. — Ставь в холодильник.

— Нет! Это еще не пудинг.

— А что?

— Чем занимаетесь, дамы? — с порога кухни спросил отец.

Уилла повернулась к нему, загораживая кастрюлю, но отец подошел ближе и заглянул через ее плечо. Он еще не разделся, от его вязаной кофты пахнуло зимним холодом.

— Какао? — спросил отец.

— Шоколадный пудинг, — сообщила Уилла своим ботинкам.

— Не понял?

— Шоколадный пудинг, папа! — радостно выкрикнула Элейн. — Мы приготовили тебе десерт!

Хотели сделать сюрприз!

— Сюрприз удался. Я и не знал, что вы умеете готовить. Это ж надо!

— Мы его загубили! — выпалила Уилла.

— Что-что?

— Все кусками! Мешали, мешали, а оно не размешивается!

— Ага. Ну давай глянем.

Уилла нехотя посторонилась, отец ложкой, торчавшей из кастрюли, пошевелил варево:

— Хм. Понятно.

— Вышла каша.

— Да нет, не каша, нечто вроде… Где рецепт?

Уилла кивнула на поваренную книгу на столешнице.

— Так… в отдельной посуде ты смешала сахар, какао-порошок и соль… потом отсыпала четверть стакана, а оставшееся подогрела, помешивая, на очень медленном огне…

— Ну…

— …потом в другой посуде развела крахмал и в него добавила остаток смеси…

— Что? Нет. Мы смешали все сразу.

— М-да.

— Поэтому так получилось?

— Видимо, да, милая.

— Но я же не знала!

— Когда берешься за неизвестное блюдо, вначале стоит прочесть инструкцию.

Чтобы отец не видел ее слез, Уилла опять уставилась на свои ботинки.

— Сперва удостоверяешься, что у тебя есть все ингредиенты…

— Я так и сделала.

— Хорошо, милая. Потом выкладываешь их на столешницу…

— Я выложила! Я старалась!

— Затем читаешь пошаговый порядок готовки. То же самое я говорю ученикам на уроках по столярному делу: прикидываешь, с чего начнешь и чем закончишь, что за чем идет…

Уиллу возмутило, что отец так ее поучает, прям тычет носом, не слушая никаких возражений.

— Я поняла! Блин! Я не тупица.

— Конечно, нет, милая. Ты только учишься. В следующий раз будешь аккуратнее.

— Я и сейчас была аккуратной! Я разложила все ингредиенты… Пойми, я хотела сделать тебе сюрприз.

— Это не важно, милая. Правда.

— Не важно? — Уилла подняла взгляд. Теперь ее не волновало, что отец увидит ее слезы. Пусть

видит. — Как ты можешь такое говорить, когда я вгрохала столько сил?

— Нет, я имел в виду…

— Ладно, проехали. — Уилла развернулась и вышла из кухни. В столовой села за уроки, схватила карандаш.

В дверном проеме возник отец, за ним тенью маячила Элейн.

— Уилла, дорогая…

— Я занимаюсь.

— Не надо так.

— Можно я сделаю домашнее задание?

Отец потоптался, но Уилла, не поднимая головы, хмуро таращилась в тетрадку. Он вернулся в кухню. Элейн посмотрела на сестру и тоже ушла.

В тетрадке по истории Уилла жирно зачеркнула свой последний ответ.

На ужин были горячие сэндвичи с сыром и горошек. Уилла, уставившись в тарелку, не проронила ни слова, отец и сестра с наигранным оживлением говорили безумолчно. Элейн поведала, что на урок «Назови предмет» Домми Маркони принесла кролика.

— Кстати, крольчонок, ешь горошек, — сказал отец.

Элейн закинула горошину в рот и попыталась

по-кроличьи пошевелить носом. Отец засмеялся. Смотреть противно.

— Можно выйти из-за стола? — спросила Уилла.

— Тебе не понравился ужин, милая? — Отец посмотрел на недоеденную половину сэндвича на ее тарелке.

— Я не голодна. — Уилла встала, скрежетнув стулом, и ушла в столовую.

Со стола убирали отец и Элейн. Из кухни доносилось звяканье посуды, потом полилась вода. Значит, моют тарелки.

Отец даже спасибо не сказал за то, что Уилла перемыла всю посуду.

Она уже закончила с уроками, но все равно сидела за книжками — предлог не помогать на кухне. В комнату заглянул отец:

— Сыграем в лудо?

— Сегодня мой банный день, — сухо сказала Уилла.

— Так еще рано.

Она не ответила. Не глядя на отца, вышла из столовой и поднялась к себе.

В зеркальной дверце шкафа отразились зареванное лицо и всклокоченные волосы — кудряшки торчали во все стороны, ресницы слиплись

от слез.

Уилла открыла дверцу, отражение исчезло. Она сняла пижаму с крючка и пошла в ванную. Напустила горячей воды и, усевшись в ванне, глядела, как сморщиваются подушечки пальцев.

«Вдруг с мамой случилось несчастье?» — подумала Уилла. Может, она хотела сразу вернуться, но попала в аварию? Им бы сообщили? А вдруг она без сознания в больнице?

Или в морге.

Почему такая мысль не пришла в голову отцу? Нет, с их семьей что-то не так. Единственный нормальный человек в ней — она, Уилла.

Покончив с мытьем, Уилла сразу улеглась в постель, хотя еще не было восьми и спать совсем не хотелось. В темноте она лежала навзничь и смотрела в потолок. Снизу доносились голос отца, хихиканье Элейн. Потом на лестнице раздались легкие шаги, Уилла прикрыла глаза. Потоптавшись на пороге, Элейн вошла в комнату и, не зажигая лампу, переоделась ко сну. Сквозь смеженные веки Уилла видела ее силуэт: подпрыгивая на одной ноге, потом на другой, сестра влезла в пижамные штанишки. Затем взяла с тумбочки «Домик в лесной чаще» и опять сошла вниз, откуда через минуту послышался невнят-

ный голос отца, читавшего вслух.

Разделавшись с главой, он вместе с Элейн поднялся в спальню. Уилла успела повернуться лицом к стене. Она слышала, как отец укрыл сестру одеялом и пожелал спокойной ночи. Потом он подошел к ее кровати и прошептал:

— Улли? Уилл? Ты спишь?

Она не ответила, отец ушел.

По лестнице он ступал так тихо и огорченно, что у Уиллы защемило сердце.

Когда она проснулась, косой солнечный луч перечеркивал одеяло, а в доме пахло беконом и тостами. По лестнице простучали стремительные шаги, в комнату вошла мама:

— Подъем, утятки!

В хорошем настроении она всегда называла их «утятками» и сама как будто превращалась в маму-утку — такими сочными счастливыми голосами в радиопостановках говорили актрисы, изображая радость. Уиллу всякий раз это веселило, но сегодня она даже не шевельнулась в кровати.

Зато Элейн радостно подскочила и заверещала: «Мамочка!»

До чего противно — ведь всегда говорила просто «мама».

— Я по тебе так соскучилась, мамочка! — Сестра спрыгнула с кровати и, лучась счастьем, обхватила мать за ноги. Улыбаясь, та ее обняла. Мать была в розовом халате — значит, вернулась еще ночью. — Где ты была, мамочка? Куда ты ходила? — не унималась Элейн.

— Так, кое-куда, — беззаботно ответила мать и лучезарно улыбнулась Уилле: — С добрым утром, соня!

— С добрым, — буркнула Уилла.

— Могу сделать яичницу, омлет или пашот. Что желает ваше высочество?

Подобное бывало часто — мать так держалась, словно ничего не произошло, и всем своим видом говорила: ну подумаешь, бросила вас, что такого-то? Не берите в голову! Наверное, застань их мертвыми, она бы воскликнула: «Господи! Чего это вы надумали?»

Правда, после самых жутких вспышек (был случай, она ударила Уиллу половником по лицу, наградив чудовищным синяком, а в другой раз сожгла любимую куклу Элейн) мать себя вела точно героиня киношной мелодрамы — тискала дочерей в объятиях и, уткнувшись в них носом, горько рыдала: «Душеньки мои! Сможете ли вы меня простить?» Странно вспоминать, что

когда-то Уилла тоже плакала и, прижимаясь к матери, бормотала: «Ну конечно, мама, я тебя уже простила». Теперь же она, застыв в кольце материнских рук, смотрела в сторону, и мать, отпрянув, говорила: «Ты ледышка, Уилла Дрейк».

Однако нынче она выглядела свежо и привлекательно, розовый халат оттенял румянец на щеках, в доме витал уютный аромат, а жизнь как будто вошла в свою колею, и потому Уилла промямлила:

— Омлет, наверное.

— Заказ принят! А тебе, Лейни?

— И мне омлет, мамоцка, — просюсюкала сестра, будто малышка.

Когда мать, выпевая «Сей момент!», развернулась к выходу, Элейн, как была в пижаме, потащилась за ней.

Уилла вылезла из постели, потом долго умывалась, одевалась и двумя заколками зашпиливала волосы, в зеркале разглядывая свое мрачное лицо.

Сойдя вниз, она увидела, что домашние уже завтракают, причем в столовой, словно нынче воскресенье. Стол был сервирован фарфоровыми тарелками, из специальной подставки торчали тосты, похожие на зубья гребешка.

— Доброе утро, милая, — поздоровался отец.

— Доброе. — Не глядя на него, Уилла проскользнула на свое место.

— Кто-то у нас копуша, — сказала мать.

Уилла искоса глянула на ее рот — не кривится ли верхняя губа, не стиснуты ли зубы. Нет, вроде все хорошо. Даже вон — подливая отцу кофе, она ласково коснулась его плеча.

Любимый омлет с тертым сыром уже был чуть теплый, но все равно вкусный, а превосходный бекон — без единой жиринки. Уилла умяла целых три куска.

— Позвоню-ка я Дугу Ло, скажу, что подвозить меня не надо… — начал отец, но мать его перебила:

— Ой, совсем забыла! Кажется, машина немножко сломалась.

— Насколько немножко?

— Только заведешь, на панели вспыхивает красный огонек.

Отец вскинул бровь:

— То есть все это время ты ездила с дурацким огоньком?

— С дурацким?

Уилла напряглась, испугавшись, что мать неправильно истолковала слово, но та спокойно

продолжила:

— Да, наверное.

— И не сообразила заехать в мастерскую?

— Знаю, я кошмарная, ничего не смыслю в технике, — весело призналась мать и скорчила глупую рожицу.

— Нет, вы представляете? — обратился отец к дочерям. Судя по его лицу, он был страшно доволен и вопрос подразумевал «Ну разве она не прелесть?».

Элейн его не услышала, поскольку увлеченно обмазывала тост джемом. Уилла промолчала и только окинула отца взглядом.

Мать посмотрела в сливочник, встряхнула его и пошла в кухню. Элейн опять начала историю про кролика Домми Маркони, теперь называя его зайчиком:

— Домми говорит, зайчики очень спокойные, кроме того, их не надо выгуливать. Пап, давай заведем зайчика? Ну пожалуйста!

Отец разглядывал Уиллу:

— Милая, ты все еще сердишься?

Уилла пожала плечами.

— Я так и не понял, что вчера произошло. Давай проясним? — Он говорил мягко, однако настойчиво.

Затевать разговор не хотелось, но Уилла знала, что отец не отвяжется, и потому снова пожала плечами:

— Наверное, я просто переутомилась.

— Ах вон что.

Похоже, ответ его удовлетворил. Во всяком случае, больше вопросов не последовало.

Повисло молчание, сестры обменялись долгими озадаченными взглядами.

1977

В колледже имелся микроавтобус, который накануне больших праздников совершал рейсы в аэропорт. Уилла никогда им не пользовалась — перелет стоил дорого, и она, если вдруг решала навестить домашних, ездила междугородным автобусом, — но в конце третьего курса ее парень решил познакомиться с ее родичами. Идея слетать к ним на пасхальные праздники исходила от него. На кой черт, сказал он, целую ночь мыкаться в автобусе и всего через два дня мучиться снова. Именно так Уилла и поступила бы, однако спорить не стала.

Из своего месячного содержания Дерек оплатил ее билет, но Уилла сказала родителям, что он подгадал под акцию «купи билет и второй получи бесплатно». Бог его знает, бывают ли такие акции, но родители, отнюдь не завзятые авиапассажиры, поверили ей на слово.

В микроавтобусе не получилось даже перемолвиться с Дереком — его сразу окружили друзья. За открытость и дружелюбие его, старосту выпускного курса и капитана теннисной команды Кинни-колледжа, любили все. Парни хлопали

друг друга по спине, острили и на весь автобус перекрикивались, а Уилла только улыбалась, вцепившись в сумочку. Для полета она принарядилась, чего не стала бы делать ради автобусной поездки, — бирюзовый шерстяной костюм, волосы собраны в пучок. Дерек говорил, с такой прической она всех краше. Сам он не изменил своим обычным джинсам и коричневому вельветовому пиджаку, ибо, уроженец Калифорнии, не считал перелет чем-то из ряда вон выходящим. По мнению Уиллы, в любом наряде он бы выглядел классно: отменный рост (на целую голову выше приятелей и на две выше ее), волевой подбородок и коротко стриженные светлые волосы.

В тот апрельский день редкие деревья на сельских угодьях Северного Иллинойса, плоских, как бильярдный стол, еще стояли голые. А дома уже настоящая весна. Мать писала, морозник распустился и отцвел, — он всегда управлялся до Пасхи. Дерек, наверное, обрадуется зелени. Он так и не свыкся с долгими зимами Среднего Запада.

В аэропорту студенты разошлись по своим рейсам, Уилла и Дерек наконец-то остались одни. Слава богу, Дерек все взял в свои руки. Уилла не знала, как пройти через металлодетектор и зарегистрировать багаж. Когда со всем этим

справились, в зале ожидания Дерек усадил ее в пластиковое кресло, а сам пошел за напитками. Без него возникло чувство, что она одна-одинешенька на всем белом свете. Другие пассажиры казались призраками, а себя она видела как бы со стороны: напряженная спина, кожаные туфли-лодочки плотно сдвинуты, в распахнутых глазах застыл испуг. Когда наконец появился Дерек с бумажными стаканами в руках, ее накрыло волной облегчения.

— Как мне называть твоих предков? — Он плюхнулся в соседнее кресло и передал ей стакан. — Мистер и миссис Дрейк или по имени?

— Поначалу — мистер и миссис. — Об этом Уилла не подумала. Родители обалдеют, если молодой парень обратится к ним запросто. Уж мама — точно. — Когда немного познакомитесь, они, возможно, сами предложат называть их по имени.

— А как их зовут?

Уилла помешкала, видимо опасаясь, что он пренебрежет ее советом, но все же ответила:

— Мелвин и Алиса.

— Здрасьте вам, Мелвин и Алиса! — звонко произнес Дерек нарочито елейным тоном, рассмешившим Уиллу. — Позвольте просить руки

вашей дочери!

Уилла перестала смеяться. Он всерьез или шутит?

— Слишком быстро? — Дерек обнял ее за плечи и посмотрел в глаза. — Чересчур неожиданно? Ты удивилась?

— Ну…

— Наверняка ты об этом думала. Я влюблен в тебя, Уилла. И захотел на тебе жениться, как только тебя увидел.

Лицо его было так близко, что она видела россыпь веснушек, мелких, как песчинки. Веснушки, считала Уилла, спасают его от красивости. И внушают доверие. Не раздумывая, она дала от ворот поворот самонадеянным футболистам, угощавшим ее коктейлями, а в тетрадке исписала целые листы строчками «Уилла Макинтайр» и «миссис Дерек Макинтайр», мечтая, что одним прекрасным вечером ей преподнесут обручальное кольцо. Можно обручиться, когда она будет на последнем курсе, прикинула Уилла, и пожениться после окончания ее учебы.

— Не представляю, что я уеду на работу, а ты останешься здесь, — сказал Дерек. — Ты должна быть со мной.

— Что? — Уилла оторопела. — Ты начинаешь

работать уже в июне.

— Ну да.

— Ты хочешь, чтоб мы поженились через два месяца?

— Пусть через три, если тебе нужно больше времени на подготовку к свадьбе.

— То есть до окончания моей учебы?

— Доучишься в Калифорнии.

— Но здесь я получаю стипендию.

— Ну и что? И там получишь. С твоими-то оценками. Любой колледж тебя с руками оторвет.

Уилла не стала его уведомлять, что стипендию получить не так-то просто.

— Еще доктор Броган.

— А что с ним?

— У него большие планы на меня. Осенью я иду к нему на спецкурс по лингвистической антропологии.

— Ты думаешь, в Сан-Диего не обучают иностранным языкам?

— Нет, просто…

— Уилла, ты не хочешь стать моей женой?

— Хочу, но…

Дерек убрал руку и понурился.

— Я все испортил, — сказал он. — Надо было сделать официальное предложение.

— Не в том дело! Я очень хочу выйти за тебя, честно. Но может, пока просто обручимся?

— Конечно.

Прозвучало это неубедительно. Лицо его было непроницаемо.

— Ты сердишься на меня? — спросила Уилла.

— Нет.

— Пожалуйста, не сердись.

— Я ничуть не сержусь, ибо надеюсь, что вскоре ты передумаешь.

— Дерек…

— Значит, так: твоих родителей я называю «мистер» и «миссис». Обращение по имени только с их разрешения. А как обращаться к твоей сестре? Мисс Дрейк?

— Нет, глупый. — Уилла выдавила улыбку. — Элейн.

— А может, мисс Элейн? — задумчиво проговорил Дерек. — Мисс Элейн и мисс Уилла, сестры-вековухи из Ларк-Сити, Пенсильвания.

Уилла шутливо шлепнула его по коленке. Однако ощущение размолвки осталось.

Журнальная реклама изображала стюардесс в ладных юбках, жакетах и стилизованных пилотках. Но простоволосая девушка, встречавшая пассажиров на входе в самолет, была в мешко-

ватом брючном (!) костюме. И салон с рядами тройных кресел выглядел не столь роскошно. Места Уиллы и Дерека оказались возле иллюминатора и в середине ряда. Дерек посторонился, пропуская Уиллу к окну, но она сказала: «Лучше сяду в середке, я же не такая длинноногая». Усевшись и застегнув ремень, Уилла опасливо нажала кнопку, откидывающую спинку кресла, и Дерек ее просветил, что делать это можно только после взлета.

Интерьер самолета оказался не гламурным, однако новизна впечатлений все равно будоражила. Здесь непривычно пахло пластиком, а еще акустика казалась странной — голоса пассажиров доносились как будто сквозь толщу воды.

В соседнее кресло уселся костлявый, сильно небритый мужчина в черно-красной клетчатой куртке и заношенных джинсах. От приветствия Уилла решила воздержаться и только улыбнулась ему, не разжимая губ, но сосед, возившийся с ремнем, этого, похоже, не заметил.

Уилла надумала ознакомиться с инструкцией по аварийным ситуациям, но тут самолет начал рулежку, и она тотчас вернула брошюру в карман кресла, что было перед ней. Как оказалось, не зря, ибо езда вышла долгой и тряской, а Уиллу тош-

нило, если она читала в движущемся транспорте. Вскоре она забеспокоилась: почему не взлетаем? Может, пилот пытается, да не выходит? Уилла посмотрела на здание аэровокзала за окном и скосила взгляд на Дерека, который читал захваченный в дорогу спортивный еженедельник. Ну коли он так расслаблен, повода беспокоиться, наверное, нет. Тут самолет дрогнул, задрал нос, и пейзаж за окном ухнул вниз. Но это еще не полет, правда? Никаких новых ощущений. Как сидела, так и сидит. Ожидалось, что они этак воспарят. Потом самолет выровнялся, чем только усугубил разочарование, ибо всякое ощущение движения исчезло. С таким же успехом под рев двигателей можно стоять на земле. Правда, за окном — ничего.

В проходе стюардесса обучала обращению с аварийным снаряжением, в которое входил надувной спасательный жилет. Ничего себе! Он-то зачем? Инструктаж не слушал никто, кроме Уиллы и ее небритого соседа. Уилла изобразила жгучий интерес, чтоб стюардессе было не так обидно.

Затем другая стюардесса прикатила тележку с бесплатными напитками. Дерек взял колу, а Уилла сказала «спасибо, не надо», потому что

стеснялась потревожить соседа, если вдруг захочется в туалет. Сосед тоже ничего не взял, лишь помотал головой и опять мрачно уставился перед собой.

— Жалко, на этом рейсе не кормят, — сказала Уилла.

— Отнюдь не жалко, — ответил Дерек, — уверяю тебя.

— Моя соседка по комнате летала в Нью-Йорк, им выдавали крохотные солонки. Я бы тоже хотела такую.

Дерек снисходительно усмехнулся и вновь погрузился в чтение.

Уилла с собой взяла книжку, но, решив, что не сможет сосредоточиться, так и оставила ее в сумке и опять стала смотреть в окно, за которым проплывали клочья облаков, похожие на табачный дым. В детстве облака казались пухлыми подушками, на которых можно попрыгать, но сейчас убедить себя в том не удалось. Вспомнилась песня Джуди Коллинс «Теперь с обеих сторон»[3], и слова ее вдруг обрели больший смысл.

Уилла глянула на увлеченно читавшего Де-

---

[3] Примечания: 3

В этой песне речь идет как раз о том, как смотреть на облака.

река. Безмятежное лицо его — на бархатистой коже легкая тень от ресниц — казалось детским. Вот он, значит, какой, ее суженый! А столько лет гадала, за кого выйдет замуж. К этому надо привыкнуть — вроде как в зеркале привыкаешь к своему облику с новой прической. Мысль эта всегда будоражила, однако… Никто не предупредил, что в человеке, за которого собираешься замуж, может нравиться не все. Скажем, оголтелое увлечение спортом, а еще вспыльчивость, дважды приводившая к стычкам с футбольными болельщиками. Но в этом, конечно, нет ничего дурного. Это вам не голливудское кино.

Что-то твердое уперлось ей в правый бок. Уилла подвинулась, но помеха последовала за ней. Уилла глянула на соседа.

— Смотри перед собой, — прошептал тот, едва шевеля губами. Он и сам смотрел перед собой. Твердое упорно вжималось в бок.

Уилла сморгнула и уставилась в спинку кресла.

— У меня пистолет, — чуть слышно произнес сосед. — Заряженный. Дернешься — выстрелю. Сиди на месте и парню своему скажи, чтоб не вставал.

— И как я это объясню? — Уилла не узнала свой

писклявый голос.

— А? — повернулся к ней Дерек.

Тычок в бок.

— Я ничего не говорила.

Дерек уткнулся в журнал.

В проходе опять появилась стюардесса, на этот раз с пластиковым мешком.

— Мусор? — спрашивала она, двигаясь по рядам. — Мусор есть?

Уилла встретилась с ней взглядом и послала безмолвный призыв: помогите! пожалуйста!

Девушка тряхнула мешком:

— Мусор?

Не отрываясь от журнала, Дерек протянул пустой стаканчик, Уилла хотела передать его стюардессе, но вновь ощутила тычок и громко охнула. Дерек сам подал стакан стюардессе, и та пошла дальше.

Уилла видела, что правая рука соседа лежит на его животе, но кисть скрывал подлокотник кресла. Мысли скакали. Уилла часто слышала это выражение, однако только сейчас поняла, насколько точно оно передает лихорадочный поиск выхода. Закричать? Садануть локтем? Вскочить? Но тогда, наверное, застрелят Дерека.

— Уши закладывает, — сказал Дерек, не преры-

вая чтения. — А у тебя?

— Что?

— Нужно сглатывать, ты знаешь?

— Что?

Очередной злобный тычок, болезненный и требовательный. Уилла ойкнула.

Дерек посмотрел на нее, пальцем заложил журнал и, отстегнув ремень, встал:

— Давай поменяемся местами.

Уилла послала ему умоляющий взгляд.

— Ну же, вставай.

Затаив дыхание, Уилла возилась с ремнем. Расстегнула пряжку и, вцепившись в сумочку, зажмурилась, каждую секунду ожидая выстрела. Ничего не произошло. Дерек помог ей подняться, пропустил к окну, а сам сел на ее место и вновь открыл журнал.

Натянутая как струна, Уилла сидела, не касаясь спинки кресла. Скоро ли Дерек почувствует пистолет, упершийся в ребра? Но он лишь спокойно перевернул страницу. Уилла собралась с духом и скосила взгляд на соседа: пустые руки расслабленно лежали на коленях.

Она откинулась в кресле. Ее потряхивало. Уилла отвернулась к окну. Бедро Дерека касалось ее бедра, рукав его вельветового пиджака чиркал

по ее руке всякий раз, как Дерек переворачивал страницу. Уилла преисполнилась глубокой благодарности за его незыблемую уверенность в том, что он управится с любой из бесчисленных напастей на белом свете.

После пережитого былые страхи, как пройдет посадка, казались пустячными, тем более что все свелось к легкому удару и долгому ощущению, будто тебя сильно вжимают в кресло. Голос в динамике поздравил с благополучным прибытием, поблагодарил за совместный полет и выразил надежду на новые встречи. За окном возникли далекие бледно-лиловые горы.

Небритый тотчас вскочил и начал проталкиваться к выходу, Уилла и Дерек ждали просвета в череде пассажиров. Убедившись, что бывший сосед ее не услышит, Уилла коснулась руки Дерека:

— Представляешь, что он выкинул?

Дерек чуть повернулся к ней:

— Кто и что выкинул?

— Мужик, что с нами сидел. — Уилла кивнула на незнакомца, который протискивался мимо тучной женщины. Тощая спина его в черно-красной куртке мелькнула и исчезла. — Он наставил на меня пистолет.

— Что-что? — спросил Дерек, вливаясь в поток пассажиров.

— Уткнул пистолет мне в бок. — Уилла шагнула следом за ним. — Сказал — не дергайся, а то пристрелю.

— Какой системы пистолет? — через плечо бросил Дерек.

— Какой системы? — эхом повторила Уилла. — Откуда я знаю? Я не видела, его воткнули мне в ребра.

Дерек окинул ее взглядом, но ничего не сказал.

На выходе из самолета он поблагодарил стюардессу. Уилла не знала, что так полагается, и тоже поспешно пробормотала «спасибо». Вышли на трап. Было тепло и солнечно, лицо овевал ласковый ветерок. Вдали Уилла разглядела их соседа — костлявая сутулая фигура подбежала к терминалу, первой распахнула стеклянную дверь и, не оглянувшись, скрылась внутри здания.

Спускаясь по трапу, Дерек молчал, но, ступив на бетон, сказал:

— Чего-то я не понимаю. На тебя наставили пистолет, который ты не видела?

— Его скрывал подлокотник. — Уилла шла вприпрыжку, чтоб не отстать от размашисто шагавшего спутника. — Он ткнул его мне в ребра

и сказал: дернешься — выстрелю. И я не знала, как тебя предупредить! А как ты догадался, что что-то не так?

— Догадался?

— Почему ты предложил поменяться местами?

— Ну, я читал, а ты просто глазела по сторонам. Я подумал, лучше тебе сесть к окну.

— Ты не заметил ничего странного?

— Давай проясним. — Дерек остановился. — Мужик наставил на тебя пистолет.

— Да.

— Настоящий, всамделишный пистолет.

— Наверное.

— Но зачем, Уилла? Чего он хотел? Чтоб ты села за штурвал и полетела на Кубу?

— Я не знаю!

— Понимаешь, милая, как-то не сходится. Я не вижу смысла. Может, он просто пошутил?

— Пошутил?!

— Совсем не смешно, согласен, но…

— Я до смерти испугалась, Дерек! Меня колотило! Я была с ним один на один и не знала, как сообщить тебе. Поэтому обрадовалась, когда ты сам догадался. Вернее, я думала, что ты догадался.

— Ладно, все хорошо, что хорошо кончается. —

Дерек огляделся. Воздух казался ароматным, солнышко припекало, из терминала сочился ручеек встречающих. — Славное местечко. Своих не видишь?

— Они перед главным входом. — Уилла не стала пояснять, что родные сидят в машине с работающим двигателем, чтобы не платить за парковку.

Чувство благодарности к Дереку, возникшее в самолете, почти растаяло.

В здании аэровокзала, показавшемся очень маленьким, под табличкой «Выдача багажа» они ждали, когда служитель прикатит тележку с чемоданами. Среди ожидавших пассажиров мужика того не было. Видимо, он где-то прятался. Но скорее всего, путешествовал налегке.

Дерек забрал свою спортивную сумку, Уилла — синий виниловый чемодан, и они пошли к выходу. Почти сразу Уилла увидела «шевроле», который несколько лет назад отец купил у своего ученика. Машину эту, вручную окрашенную в тусклый фиолетовый цвет, не спутать ни с какой другой.

— Вон они. — Уилла нарочно отвернулась, чтобы не видеть впечатления Дерека.

Заметив их, родители выбрались из машины.

— Девочка моя! — сказал отец. Он был в повсе-

дневной одежде, а вот мать слегка принарядилась: незнакомая цветастая блузка, мягкий бант в волосах, собранных в «конский хвост».

— Мама, папа, познакомьтесь с Дереком, — представила Уилла.

— Здравствуйте, миссис Дрейк, здравствуйте, мистер Дрейк. — Дерек поставил чемодан Уиллы на землю и подал руку.

Родители не предложили называть их по именам, но оба старательно улыбались. Уилле стало немного жалко их, с начала учебы в колледже чувство это посещало ее все чаще. Отец загрузил вещи в багажник, мать обняла Уиллу:

— Добро пожаловать домой, милая.

Отец тоже обнял ее — как всегда, застенчиво и неуклюже.

— Долетели хорошо? — спросил он.

— Прекрасно, — сказала Уилла и, вместе с Дереком усевшись на заднем сиденье, добавила: — Только один пассажир угрожал мне пистолетом.

— Что? — обернулась мать. — Пистолетом?

— Он сидел рядом со мной. Чем-то ткнул мне в бок и сказал: дернешься — пристрелю.

— Ты серьезно?

— Более чем.

— Боже мой! — ахнул отец, а мать еще больше развернулась на сиденье, чтобы видеть Дерека:

— А вы что сделали?

— Я ни о чем не ведал, — улыбнулся он.

— Ты позвала на помощь? — спросила мать.

— Нет! Я боялась рот раскрыть. Потом Дерек предложил поменяться местами, и на этом все вроде как закончилось.

— Господь милосердный! Но ты сообщила куда следует?

— Кому сообщать-то? Все это было ужасно странно и вышло как-то… шито-крыто.

Дерек кашлянул.

— Возможно, все было иначе, чем выглядело, — сказал он.

Мать опять развернулась к нему.

— Наверное, мужик тот вздумал пошутить. — Дерек глянул на Уиллу: — Может, и не было никакого пистолета, лапушка. Малый заскучал и решил: дай-ка разыграю эту воображалу-студенточку.

Мать смотрела вопросительно.

— Не знаю, может быть, — не сразу ответила Уилла. Почему-то ей стало обидно, и она сменила тему: — А где Элейн? Я думала, она приедет с вами.

— Ох уж эта Элейн! — Мать села прямо. — Ее силком не заставишь! Погоди, увидишь свою сестрицу! Теперь она одевается в комиссионке, слушает музыку, которую, на мой взгляд, музыкой-то не назовешь, и водит дружбу с очень странными типами.

— Да ладно, не преувеличивай, — сказал отец.

— Вчера я попросила ее навести порядок в своей комнате. Твоя кровать, Уилла, была завалена горой одежды, представляешь? Позже прихожу — ничего не сделано. А Элейн куда-то умотала со своим… как его назвать-то… ухажером?.. приятелем?.. подельником? Парень этот, Маркус его зовут, на целую голову ее ниже, ходит во всем черном, в ухе сережка, меня просто не замечает. Знаешь, что я сделала, увидев, в каком состоянии комната? Открыла окно и все шмотки выбросила во двор.

Дерек фыркнул, мать окинула его признательным взглядом.

— Джинсы, майки, свитера… эти ее любимые пижамы, в которые только покойников обряжать… Все полетело в окно. Во двор. Черные колготки повисли на мангале.

Дерек рассмеялся.

— Жена моя — прям Везувий, — сказал отец.

Уилла терпеть не могла, когда он так говорил, выдавая несдержанность за достоинство. В голосе отца слышалась гордость, от глаз побежали морщинки — он улыбнулся, в зеркало глянув на Дерека.

— Не понимаю я этого, — резко сказала Уилла. — Ну создала ты еще больший беспорядок, и что толку?

— Вот будет у тебя, милая, своя дочь-подросток, тогда поймешь, — ответила мать. — Моя жизнь — это сущий ад.

Уилла замкнулась в молчании. Дерек накрыл ладонью ее руку, Уилла никак не откликнулась, только неотрывно смотрела в окно.

«Наши окрестности гораздо живописнее, чем в Иллинойсе, — думала она. — Хорошо бы Дерек это отметил, а то вечно нахваливает Калифорнию». За окном мелькали зеленые холмы, похожие на пучки свежей петрушки, таинственные впадины, уже заполненные вечерними тенями, покосившиеся сарайчики и обнесенные кривыми изгородями домишки со стиральными машинами на верандах, заржавевшие тракторы и собаки, разлегшиеся в грязных дворах. Дорога из аэропорта занимала больше часа, и все это время Уилла молчала, тогда как мать была само обаяние: ве-

селая и любознательная гостеприимная хозяйка. Есть ли у Дерека братья и сестры? — Два младших брата. — Верно ли она поняла, что нынче он заканчивает учебу? — Да, и это очень вовремя, поскольку он готов к началу настоящей жизни. — Он уже знает, чем займется? — Да, он уже получил работу в Сан-Диего: приятель отца, хозяин сети спортивных магазинов, предложил ему должность управляющего. «Просто замечательно! Наверное, благодаря вашим достижениям в теннисе», — ляпнула мать, выдав, что Уилла о нем рассказывала. «Да, мэм», — ответил Дерек. Раньше он никогда не говорил «мэм». Видимо, перешел на чужеземное наречие, приноравливаясь к аборигенам. Уилла хмуро посмотрела на обогнавший их пикап, в кузове которого сидели, привалившись к кабине, три парня в комбинезонах. Вот уж, наверное, заулюлюкали бы, услышав эту благовоспитанную светскую беседу!

Уилла сразу увидела, что к их приезду в доме прошла генеральная уборка. На веранде стоял горшок с фиалками, купленными не позднее двух дней назад, ибо от заботы матери любое растение чахло мгновенно, о чем она весело поведала сама. В прихожей лимонно пахло моющими средствами, в гостевой комнате, отведенной Дереку, на

ковре виднелись свежие следы пылесоса.

— Ты будешь спать здесь, — сказала Уилла, войдя в комнату первой. Ветерок шевелил занавески открытого окна. На комоде стояла ваза с нарциссами. Мать явно расстаралась.

Обычно при виде гостевого ложа с обилием громадных подушек и пухлых валиков в изголовье Уилла представляла, как ноги упираются в кроватную спинку, от чего пальцы на ногах возмущенно поджимались.

— Славно, — сказал Дерек, поставив сумку на новенькую складную подставку для чемоданов, и тогда комната и впрямь показалась обжитой. — А где твоя спальня? — Он взял ее за руку и привлек к себе.

— Там, дальше по коридору, — невнятно ответила Уилла, уткнувшись носом ему в грудь.

— Вечерком я наведаюсь? — прошептал Дерек. Дыхание его шевелило волосы на ее макушке.

— Нельзя, глупый. Там же Элейн, — сказала Уилла, но не отстранилась.

— Тогда ты наведаешься ко мне.

— И речи быть не может! — Она рассмеялась и, подняв голову, увидела Элейн — проходя по коридору, та заглянула в комнату. На ней было что-то вроде длинного, не по сезону теплого муж-

ского пальто из коричневого твида, лицо почти полностью скрывалось за занавесью волос.

— Лейни! — Уилла отпрянула от Дерека. Сестра неохотно притормозила. — Познакомься с Дереком. А это моя сестра Элейн.

Та вскинула бровь, краешек которой едва виднелся. Жирно подведенные глаза придавали Элейн сходство с хохлатым дятлом.

— Не буду вам мешать, — молвила она и прошествовала дальше.

Дерек и Уилла искоса переглянулись.

— Ну ладно! — бодро сказала Уилла. — Значит, ванная напротив твоей комнаты, полотенца на полке…

Дерек опять взял ее за руку, она не воспротивилась, но предложила:

— Пошли посмотрим, что у нас на ужин.

В столовой мать пристраивала поднос со стаканами для сока на журнальный столик, где уже стояла неоткупоренная бутылка сливочного хереса. Уилла удивилась. Даже оторопела. Родители не пили вообще. Отец говорил, ему противен вкус любого спиртного, а мать была равнодушна к алкоголю, хотя на свадьбе могла выпить бокал шампанского. Она до краев наполнила стаканы и один подняла, изящно оттопырив мизинец:

— Желаете хереса, Дерек?

Тот принял стакан:

— Благодарю.

— Тебе, Уилла?

— Спасибо, мама.

Уилла боялась увидеть насмешку на лице Дерека: мол, ничего себе аперитив — сладкий тягучий херес, поданный в чуть липких, широких стаканах для сока. Однако тот был абсолютно серьезен и почтителен — дождался, когда из кухни появится отец Уиллы со своей выпивкой (чаем со льдом), и всем отсалютовал стаканом:

— Ваше здоровье!

— Будем здоровы, — откликнулась компания, пригубив херес.

— Надо бы позвать Лейни, — сказал отец.

— Придет она, как же. — Мать скорчила гримасу и пояснила: — Нынче ее на аркане не затащишь в семью.

Дерек усмехнулся.

Уилла не понимала, зачем мать устроила это представление. Может, потому, что Уилла наконец-то обзавелась парнем? А что, его отсутствие родителей беспокоило? Да, в школе она не пользовалась успехом у мальчишек. К ней подъезжали только очкастые ботаники, которых

она решительно отшивала. Ей нравились неблагополучные лоботрясы в кожаных куртках, те, кто в классе зевал в потолок, развалившись на задней парте, и с ревом уносился в своем пикапе, едва прозвенит звонок с урока. Но они даже не смотрели на нее.

Вероятно, все эти годы родители задавались вопросами: все ли с ней в порядке? может, что-нибудь не так? не останется ли она старой девой?

Некогда и он, поведал Дерек, бежал от родителей как от чумы («Верится с трудом», — пробурчала мать), но вот, извольте: теперь нет никого, с кем он охотнее провел бы вечер.

Уилла прихлебнула херес, обволакивавший горло, точно микстура от кашля.

О происшествии в самолете никто больше не говорил, но оно не отпускало, вдруг напоминая о себе колотьем в затылке, тенью маяча в разговорах на совершенно другие темы. Версия Дерека родителей, видимо, вполне устроила.

Перед сном принимая душ, Уилла осмотрела правый бок — нет ли там синяка, — но ничего не заметила. Чтобы не снились кошмары, в постели она постаралась думать о чем-нибудь другом — как завтра развлекать Дерека, понравился ли он родителям? Уловка вроде бы сработала,

но среди ночи Уилла как будто вновь ощутила грубый тычок в ребра и проснулась. Сердце так стучало, что, казалось, в такт ему подрагивает простыня на груди. В темноте Уилла ощупала бок. Немного саднит. Но может, сама намяла? Потом она долго лежала без сна и, уставившись в потолок, прислушивалась, как на своей кровати посапывает Элейн.

Ладно. Думай о предложении Дерека.

Он понятия не имел, какой жертвы требует, уговаривая ее бросить занятия с доктором Броганом. Для нее лингвистика — откровение. Это не просто изучение испанского и французского, которые она знала со школы, но проникновение в природу иных языков и тайны их носителей. Потрясающий факт: в разных языках много общего. Как не изумляться тому, что многие народы согласны с необходимостью отличать «делал» от «сделал». А идиомы? Забавно, что одни и те же замысловатые выражения в ходу у наций в разных концах света. Она готова целый день слушать лекции доктора Брогана.

С другой стороны, соблазнительно на секунду представить этакую авантюру: все бросить ради замужества. Отринуть все привычное и накрепко привязать себя к постороннему, в общем-то,

человеку. Вот так — бултых в воду.

Наконец она опять уснула и, кажется, спала без всяких сновидений, приятных или страшных.

После завтрака Уилла повела Дерека на прогулку по городу.

— Вот здесь живут Пирсоны, — рассказывала она. На летних каникулах Уилла работала у этих Пирсонов — присматривала за их двумя детьми, пока сами они вместе с туристами сплавлялись на плотах через пороги. — А это дом мисс Кэрролл, которая учила меня играть на кларнете. Однажды я позвонила в ее дверь, но никто не ответил. Оказалось, она сбежала с мистером Сурреем, продавцом магазина автозапчастей, у которого были жена и пятеро детей.

— Я не знал, что ты играешь на кларнете, — удивился Дерек.

Уилла уже набрала в грудь воздуху для продолжения истории, но осеклась. Ну что тут скажешь? Нет, парни, они все-таки странные, даже жалко, у нее нет парочки братьев. Вот девушка выспросила бы все подробности побега мисс Кэрролл.

— Больше не играю, — наконец сказала Уилла. — Маловато способностей.

На вершине горной гряды они, усевшись на морщинистый гранитный валун, пообедали

сэндвичами и лимонадом из термоса, которые Уилла взяла с собой. Валун тот, прозванный «Слоном», был весь разрисован именами, сердечками и датами еще с двадцатых годов. Время от времени появлялись другие туристы, нарушавшие уединение пары, однако разок-другой украдкой поцеловаться удалось. Уилла показала на видневшуюся внизу дорогу, что вела к ее дому, и шпиль приходской церкви прямо под ними.

— Славное местечко для свадьбы, — оценил Дерек.

Интересно, как он это определил, подумала Уилла. Испугавшись, что сейчас опять пойдет речь о женитьбе летом, она сказала:

— Ой, смотри, аризема! Сто лет ее не видела!

И тема церкви, слава богу, отпала.

Родители пригласили их на ужин в лучшем городском ресторане на Ист-Уэст-Паркуэй. Уилла надеялась, что Элейн пойдет с ними и разбавит беседу — так она мысленно выразилась, — но сестра даже не отвергла приглашение, поскольку вообще не появилась дома. Пошли без нее. Ресторан был в семейном стиле: посетители все вместе сидели за застеленными скатертями длинными столами, на которых стояли огромные блюда с жареными курами, мясом на ребрышках, ветчиной

и обжаренным на сале турнепсом. Мать разговорилась с женщиной, оказавшейся ее горячей поклонницей — в спектакле гарретвильского Маленького театра «Стеклянный зверинец» видела ее в роли Аманды.

— Как мило, что вы помните! — сказала мать. — Господи, это было так давно.

Само собой, отец решил поведать Дереку об ее увлечении:

— Живи мы в большом городе, из нее наверняка что-нибудь вышло. В смысле, талант не скроешь. Когда она на сцене, публика смотрит только на нее. Возьмите, скажем, этот «Стеклянный зверинец», там героиня-то не она, а та увечная девушка, но вот появляется Алиса, вся такая яркая, такая, знаете, раскованная и одухотворенная…

— Ох, перестань, Мелвин! — Мать хохотнула и ласково шлепнула его по руке.

Отцовские глаза сияли за тщательно протертыми стеклышками очков.

— Может, как-нибудь увидите ее в постановке, тогда поймете, о чем я говорю.

Он имеет в виду, что это не последний визит гостя? Значит, Дерек ему понравился?

Пока что никто из родителей не высказал своего впечатления. Несколько раз Уилла ис-

хитрилась оказаться возле них, когда Дерека не было рядом, но они хранили молчание. Как-то на них не похоже, уж тем более на мать, зоркую в том, что касалось дочкиных друзей. Но вот отец, обычно уклончивый, сейчас сказал:

— Каждое лето у них ставят шекспировскую пьесу, Алиса непременно получит роль. Приезжайте летом.

Уилла сочла это добрым знаком и кинула взгляд на Дерека — только бы не завел речь о том, что летом хочет сыграть свадьбу!

— Конечно, с радостью, — ответил тот.

Уилла облегченно выдохнула.

Еще один безответный вопрос — какое впечатление *родители* произвели на Дерека? Уилла могла бы это выяснить, но не стала — решила, без понуждения он будет искреннее.

Намазывая масло на бисквит, она вдруг ощутила свою значимость. Эти трое были здесь только из-за нее. В кои-то веки она почувствовала себя пупом земли и, наслаждаясь этим ощущением, размазывала масло по самый краешек бисквита. Даже медленные движения ножа выглядели томными, самодовольными.

На другой день, в пасхальное воскресенье, в церковь пошли все, кроме Элейн, заявившей, что

она неверующая.

— Какое это имеет значение? — сказала мать, но уговаривать не стала.

Однако после службы (по окончании которой Уилла и Дерек претерпели мучительную светскую беседу с любознательными прихожанками) она решительно прошла в гостиную, где Элейн с воскресной газетой развалилась на диване, и уведомила:

— Имей в виду, голубушка, обедаешь ты дома. Без всяких отговорок. Вечером сестра твоя уезжает, а ты за все это время не удосужилась сесть с нами за стол.

— Да пожалуйста, — сказала Элейн, не выглянув из-за газеты.

Дерек не слышал этого разговора, он поднялся к себе собрать вещи, и потому удивленно вскинул бровь, увидев, что стол сервирован на пять персон:

— Ух ты! Мартиша Аддамс почтит нас своим присутствием?

— Кто ее знает, — холодно откликнулась Уилла. Поведение сестры ее слегка задело. Мечталось, что они поболтают по-девичьи — посудачат, как бывало, о маминой взбалмошности и, наверное, обсудят Дерека. Однако Элейн, похоже, всех

родных свалила в одну кучу, никого не обделив неприязнью.

Но когда позвали к столу, сестра появилась и плюхнулась на свое место. Она так и осталась в полосатой пижаме и растянутой, побитой молью кофте, только расчесала волосы и освежила жирную подводку глаз.

— Кроличье рагу, — известила она, едва мать приподняла крышку чугунка.

— Вот как? — сказал Дерек.

— Вы не любите кролика? — спросила мать.

— Нет-нет… люблю.

— Рецепт моей тетушки Рэйчел. — Мать взяла половник и произнесла, грассируя: — Сьве де льеврё. (Уилле захотелось спрятаться под стол.) В нашей семье готовить умела только она. А все прочие… Вы не поверите, какую гадость стряпала моя мать.

Рассказы о той кормежке сестры слышали бессчетно.

— Бурда из дробленого гороха… — начала Уилла.

— Сверху кочанный салат и оранжевая приправа… — подхватила Элейн.

— В особых случаях к салату добавлялись дольки консервированного ананаса…

— А в не особых обед состоял из тушеной фасоли на ломте белого хлеба.

Девушки рассмеялись, это было что-то вроде всегдашней забавы. Даже мать улыбнулась, но одернула насмешниц:

— Хватит потешаться над бедной бабушкой.

Она передала тарелку Дереку и потянулась за тарелкой Уиллы.

— А мне нравилась ее готовка, — задумчиво произнес отец.

— Тебе нравилось, что она над тобой трясется, — возразила мать.

— Бабушка тряслась над папой? — удивилась Уилла. Что-то новенькое. Она-то думала, что дед и бабушка, коренные филадельфийцы, на провинциала смотрели свысока.

— Понимаешь, до него я встречалась с парнем, которого мои родители не выносили. Он бредил небом. Однажды решил покатать меня на отцовском двухместном самолете, и у нас произошла аварийная посадка на шоссе в Нью-Джерси.

Разложив рагу по тарелкам, мать села за стол и, всех одарив улыбкой, на коленях развернула салфетку. Дерек хлопал глазами, остальные принялись за еду.

В семье привыкли к подобным байкам. Не то

чтоб им не верили, но от восторженного тона, лихорадочной сбивчивости и театральных пауз, с какими они подавались, всем становилось неловко. Казалось, в любую секунду мать может слететь с катушек.

— Кстати, о полетах, — сказал отец. — Я тут подумал, Уилл, может, тебе стоит поговорить со службой безопасности, как приедем в аэропорт.

— О чем?

— Ну, сообщить о том мужике в самолете. У них же есть данные, кто занимал то место.

— Что за мужик в самолете?.. — заинтересовалась Элейн.

Уилла растерялась:

— Разве в здешнем аэропорту есть служба безопасности?..

— А то еще вздумает вытворять такое же с другими пассажирами, — пояснил отец.

— О чем вы говорите? — спросила Элейн.

Пока Уилла раздумывала, как изложить историю, чтоб не вышло похоже на байку матери, вмешался отец:

— В самолете сосед чем-то ткнул ей в бок, сказал, это пистолет, и велел не шевелиться.

— Что-что?

— Наверное, он просто больной, — сказал Де-

рек.

Элейн повернулась к Уилле:

— И что ты сделала?

— Ну… ничего.

— Вообще ничего?

— Дерек предложил поменяться местами, на том все закончилось.

— И ты никому не сказала? Не нажала кнопку вызова?

— Какую кнопку? — не поняла Уилла.

Элейн возмущенно фыркнула и отложила вилку.

— Вот так вот, да? Пересела и опять стала читать журнал?

— Вообще-то я…

— Поверить не могу. Как можно было не поднять шум?

— Ну это вполне объяснимо, — сказал отец. — В самолете, полном пассажиров, лучше не создавать панику. И потом, неизвестно, как бы мы поступили в такой ситуации.

— Уж я-то знаю, как поступила бы, — отрезала Элейн.

— Могло выйти только хуже, — возразила Уилла.

— Когда я учился в Филадельфии, произошел

один случай, — сказал отец. — Вечером я выносил мусор, и тут ко мне подскочил какой-то парень и приставил нож. Вот сюда, к сердцу. Сквозь майку я чувствовал острие. Гони, говорит, кошелек. Нету кошелька, отвечаю, я же вышел вынести мусор, понимаете? Он мне — хорош брехать. Правда, говорю, в кармане только пачка жвачки. Что за… э-э… В общем, парень ругнулся. Ты, говорит, просто жалкий белый слюнтяй. Думаешь, спрашиваю, я этого не знаю? Чего? — набычился он. По-твоему, говорю, я не понимаю, что я белая худосочная рохля? Парень закрыл нож, покачал головой. Блин, говорит (правда, он сказал другое слово), ты просто ничтожество. И ушел.

Уилла рассмеялась.

— Господи боже мой! — выдохнула Элейн.

— Погодите, такое нельзя спускать, — сказал Дерек.

Отец окинул его спокойным взглядом, однако промолчал. Уилла хотела поддержать отца, ведь она тоже частенько себя чувствовала белой рохлей, но мать ее перебила:

— Вы правы, Дерек. Эта история меня просто бесит.

Похоже, все были против них. Но отец держался невозмутимо. Покачиваясь на задних ножках

стула, — что тоже всегда бесило мать — он насмешливо улыбался, и только Уилла ответила ему улыбкой.

Она укладывала в чемодан туалетные принадлежности, когда с сумкой через плечо в комнату вошел Дерек.

— Это, значит, твоя спальня, — сказал он, оглядываясь.

— Угу.

Дерек поставил сумку на пол и подошел к настенной доске. Прежде там висело расписание уроков, но теперь все следы школьных времен Уиллы были скрыты под метками безалаберной жизни ее сестры: наклейка на бампер «Никто — наш президент», корешки билетов с названиями групп, о которых Уилла даже не слышала, карандашная карикатура неизвестного автора — Белоснежка курит косячок.

— Я думаю, перед отъездом надо известить твоих, что мы помолвлены, — сказал Дерек, явно обращаясь к Белоснежке.

— Что? Зачем?

Дерек обернулся.

— В смысле, прямо сейчас?

— А что, ты передумала?

— Нет, конечно. Но ведь помолвка будет долгой.

Еще успеем сообщить.

— Так что? Я думаю, они обрадуются. Или нет?

— Да, наверное.

— Наверное?

— То есть… конечно, обрадуются, но… понимаешь… Они могут сказать, что я еще только на третьем курсе.

— Господи, тебе двадцать один, мне двадцать три.

— Да, но…

В дверях возникла Элейн с банкой рутбира в руке.

— Опа! Пардоньте. — Она презрительно усмехнулась, словно застала парочку нагишом.

— За что? — Уилла захлопнула чемодан. — Пойдем, Дерек.

Она протиснулась мимо сестры, нехотя посторонившейся, Дерек подхватил сумку и вышел следом. Чуть подумав, Элейн двинулась за ними. Уилла услышала, как чпокнула вскрытая банка.

В гостиной мать собирала страницы раздраконенной воскресной газеты, отец разглядывал телевизионную карту погоды.

— Похоже, вы летите прямо в грозу, — сказал он. — Говорил же, останьтесь до понедельника.

Дерек сбросил сумку с плеча.

— Мистер Дрейк, миссис Дрейк.

Сразу все замерло. Мать застыла со спортивным разделом газеты в руках. Отец кинул взгляд на Дерека и выключил телевизор. Элейн шла в столовую, но вернулась и встала в дверном проеме гостиной, впервые за все время как будто чем-то заинтересовавшись.

— Мы с Уиллой обручились, — сказал Дерек.

Никакого отклика. Родители были непроницаемы. Уилла медленно опустила чемодан.

— Мы друг друга любим и… решили… хм… что до конца жизни хотим быть вместе… — Через слово Дерек запинался, словно говорил наобум, пытаясь заполнить неловкую тишину. — Я сделал ей предложение, и она согласилась… только сказала, что сначала закончит учебу… но, по-моему, хорошо бы пожениться этим летом… доучиться вполне можно и в Калифорнии. Я еще надеюсь ее уломать, но в любом случае…

— Мелвин? — сказала мать.

Отец шевельнулся, как будто потихоньку пробуждаясь, и откашлялся.

— Ну что же, новость, конечно, хорошая, но Уилла еще только на…

— Хорошая? — эхом откликнулась мать. — Ты считаешь его желание «уломать ее» хорошей

новостью?

— Да нет… — начала Уилла, но Дерек ее перебил:

— Я не так выразился, имелось в виду, что мы… ну… еще обсудим это вместе, но по-любому…

— Конечно, плевать на интересы Уиллы, — врезалась мать. — Плевать, что она еще не закончила учебу, плевать, что ей только-только исполнилось двадцать один, главное, что вы, мистер Бизнесмен патентованный, со своей, цитирую, должностью управляющего…

— Не надо, милая, успокойся, — сказал отец, хотя должен был лучше других понимать, что этого говорить нельзя. — Давай допустим, что Уилла, наверное, знает, что делает.

Уиллу окатило паникой. Она открыла рот, но мать ее опередила, ответив отцу:

— Да ради бога!.. Скажи, Уилла, ты хочешь уподобиться своей подружке Соне, а еще дочке Барнсов и этой Мэдди Леннокс, которые малолетками выскочили замуж и уже наплодили кучу детей?

— Я не малолетка…

— Этот человек назвал тебя воображалой-студенточкой!

— Что? — Дерек изумился, но потом, видимо,

припомнил. — Позвольте, миссис Дрейк, я никого так не называл. — Он говорил спокойно, только чуть громче обычного. Казалось, он нисколько не тушуется, в отличие от отца Уиллы, который, как всегда, щурил глаза и морщился, желая, чтобы конфликт поскорее себя исчерпал. — Речь шла о том мужике в самолете. Да и он, наверное, так только подумал.

— Какая разница? Вы сразу ей не поверили. Она сказала, что ей угрожали пистолетом, а вы отмахнулись.

Уилла посмотрела на Дерека. Вообще-то мать права.

— Да, я, слава богу, не устроил спектакль, — сказал Дерек. — У меня, миссис Дрейк, нет ваших актерских способностей, вашего вулканического темперамента и умения тянуть одеяло на себя, когда главную роль играет другой.

— В том-то и смысл, олух. — Мать как будто получала удовольствие от происходящего. Рот ее кривился в горестной усмешке, на щеках пылал румянец. — Аманда *должна* тянуть одеяло на себя, в этом суть пьесы.

Прежде мать никогда не демонстрировала свое истинное «я» постороннему. Уилла думала, что Дерек сникнет, но он тоже улыбнулся, только

весело и спокойно.

— Аманда, значит, — сказал он. — Примерьте-ка образ леди Макбет. А кто еще подаст кролика[4] к пасхальному столу?

Уилла вытаращилась, Элейн, до сих пор восхищенно молчавшая, прыснула.

— Вот что, дорогие мои, давайте-ка сядем и все обсудим, — сказал отец.

— Что тут обсуждать? — вскинулась Уилла. — Я выхожу за него, и дело с концом.

Она подхватила чемодан, Дерек перекинул сумку через плечо, и оба направились к двери.

Мать в аэропорт не поехала. Элейн, как ни странно, решила их проводить, но за всю дорогу не проронила ни слова; по-прежнему в пижаме и растянутой кофте, она, скрючившись на переднем сиденье, смотрела в окно и раскрыла рот лишь на подъезде к аэровокзалу:

— Пока, ребятки. — И, фыркнув, добавила: — Смотрите, чтоб самолет ваш не угнали.

Дерек усмехнулся, Уилла не улыбнулась.

---

[4] Примечания: 4

Есть на Пасху кролика никто не запрещал, у многих народов — например, у немцев — есть даже рецепты приготовления пасхального кролика, столь же традиционного, как рождественская индейка американцев. Но в США иной традиционный пасхальный кролик — тот, что приносит детям подарки. А потому в качестве пасхального угощения приготовить кролика может лишь отъявленный злодей.

Зарегистрировавшись на рейс, она вновь подумала о том мужике. Был ли у него пистолет? И чего он вообще хотел? Эти же вопросы ей задал Дерек, но она разозлилась. А сейчас вот вспомнила, как он спас ее, решительно пересадив на свое место, и в душе возникло нечто такое… Не просто благодарность, а подлинное обожание.

1997

Уиллу и Дерека пригласили на пикник с купанием. В Коронадо вице-президент компании «Спортс Инфинити» владел домом с бассейном олимпийского размера. Отказаться нельзя, сказал Дерек, но Уилла предпочла бы провести воскресенье иначе. С деловыми партнерами мужа общаться ей было трудно. Все они какие-то скользкие, говорила она, не ухватишь. («Да?» — усмехался Дерек.) Кроме того, совместное купание вовсе не казалось светским мероприятием. Зачем продуманный наряд — изящные шелковые брючки, персиковая блузка, мексиканские сандалии, — если все равно придется в тесной кабинке напялить купальник, а потом в хлорированной воде намочить тщательно распрямленные волосы?

Но самое главное — возникла небольшая семейная проблема, и Уилле лучше бы остаться дома. Шестнадцатилетний сын Иэн заявил, что хочет годик передохнуть от школы. Уилла знала, что порой выпускники делают паузу перед поступлением в колледж, но никто не брал отпуск, еще учась в школе. Причем у сына не было ника-

кого плана! Может, поезжу по стране, говорил он, ближе познакомлюсь с «народом». Или засяду в пустыне, понаблюдаю за кометой Хейла-Боппа. Это не внушало доверия, поскольку он называл ее кометой «Хейла-Боггса».

— Знаешь, Дерек, — сказала Уилла, — мы могли бы связаться со школьным консультантом по выбору университета. Помнишь, как она помогла Шону? Да, сейчас речь не о поступлении, но она сможет убедить Иэна, что в колледже косо посмотрят на абитуриента с запятнанной школьной характеристикой.

— Ты ужасно мягкотелая. — В раздражении Дерек всегда вел машину скверно, прибегая к мощным перегазовкам, словно двигатель джипа сам на то напросился. — Малый просто-напросто нарушает закон. Учебу бросать *нельзя*. Школьный инспектор притащит его обратно.

— Шестнадцатилетнего парня? По-моему, в этом возрасте человек имеет право бросить школу.

— Слушай, почему ты пытаешься с ним *договориться*? Мы — родители. «Нет, черт возьми! — говорим мы. — В школу будешь ходить как миленький». Бог свидетель, она обошлась нам недешево.

— Он выглядит таким несчастным, — сказала Уилла. — По-моему, так и не приспособился к школе. Шон вот сумел, а Иэн, он более… не знаю…

— Ленивый, — закончил фразу Дерек.

Иэн вовсе не был лентяем, но Уилла знала, что лучше не спорить. Мальчик не мог приспособиться и к отцу. Они друг друга не понимали.

— Ты нашла, где нам съезжать? — спросил Дерек.

— Ой! — Уилла поспешно глянула в атлас, раскрытый на коленях.

— Только не говори, что мы проскочили съезд.

— Нет-нет…

Дерек посигналил спортивной машине, которая шла перед ним и вроде бы не делала ничего дурного.

Уилла сощурилась на карту, потом, упреждая тошноту, вновь перевела взгляд на дорогу. Стоял теплый и солнечный майский день, неизменно погожий, как все другие дни в Южной Калифорнии. Уилла устала от солнца. Она скучала по разным временам года, по грозе и даже лютому зимнему бурану, когда все сидят по домам, уютно свернувшись с книжкой на диване. А здесь вечно голубое небо, ласково-теплый воздух, золотистый

глянец шоссе.

— Этот козел, наверное, уснул, — сказал Дерек.

Он говорил о фургоне слева. Уилла не видела водителя, но отметила, что машина его слишком близко от них. Дерек посигналил, фургон равнодушно отвалил в сторону.

— Иэну требуется цель в жизни, — сказал Дерек. — У него вообще нет цели, он какой-то… квелый. Если б послушал меня и занялся спортом…

— Он другого склада.

— Но почему? В его годы я безумно увлекался спортом. Шон тоже.

— Иэн — не ты и не Шон.

Он даже внешне от них отличался. Худенький, близорукий (Иэн носил очки), парень пошел в мать. Поставь его рядом с Дереком, у которого квадратный подбородок и мощный торс, и не скажешь, что они сын и отец.

— Похоже, водила решил чуток вздремнуть. Как таким вообще доверяют руль?

Дерек придавил газ, но в ту же секунду фургон стал перестраиваться в его ряд.

— Идиот! — Дерек яростно засигналил и ударил по тормозам, пропуская фургон. Уилла ухватилась за приборную панель — скорее рефлекторно,

поскольку была надежно пристегнута. — Нет, ты видела?

— Видела. Не заводись. — Она слишком хорошо знала мужа. Если его разозлить, устроит аттракционные гонки.

— Запиши его номер, — велел Дерек.

— Что толку?

— Таких нельзя выпускать на дорогу. Запиши, говорю.

Уилла вздохнула, нагнулась за сумочкой и тотчас почувствовала, что джип резко набрал скорость. Подняв голову, она увидела, что машина их, вильнув влево, с ревом пронеслась мимо фургона. Да нет, не пронеслась, ибо тот водитель тоже дал газу и поравнялся с джипом. Теперь Уилла видела ястребиный профиль худого мужчины, уставившегося на дорогу. Она подивилась внезапно возникшему азарту. «Жми!» — чуть было не крикнула Уилла, но одернула себя — только этого не хватало. К счастью, их полоса была свободна, опасность им не угрожала. Но тут Дерек включил правый поворотник.

— Не надо, — сказала Уилла.

Дерек как будто не слышал. Он подрезал фургон, оставив просвет величиной в дюйм. Даже меньше. Нет, вообще не оставив просвета. Раз-

дался скрежет. Отвратительный металлический визг. А потом время, замедлив свой ход, растянулось в нескончаемый миг, и слово это в мозгу отпечаталось по буквам: р-а-с-т-я-н-у-л-о-с-ь. На каждое повреждение уходила целая эра. Разорвало правое заднее крыло. (Ничего, это поправимо.) Вспучило правую заднюю дверцу. (М-да, это уже серьезнее.) Вдавило переднюю пассажирскую дверцу. (Вдруг теперь не выйти?) Потом машину резко развернуло поперек дороги и она вылетела в кювет, уткнувшись носом в разогретую солнцем высокую, покачивающуюся траву.

Во время заноса что-то щелкнуло в шее, но в остальном Уилла была невредима. И даже не испугалась. Такое впечатление, будто ее запечатали в огромном пузыре.

Абсолютно одну. Ибо недвижимую оболочку, уронившую голову на руль, спутником не назовешь.

Сорок три года — не тот возраст, чтобы заранее распорядиться о собственных похоронах. Все это легло на Уиллу, а ей хотелось одного — забиться в темный угол, прижав к себе детей. Утрата отзывалась физической болью. Внутри пустота, словно тебя выскребли до донышка. Злость, правда, осталась. Чем он думал? Как посмел ей такое

устроить? Почему на коленях не вымаливает прощения?

Злость придавала сил. Уилла признала вину мужа в аварии — после опережения не выдержал дистанцию, сказала она полицейским. Вы же знаете, как отец реагировал на «чайников», сказала она сыновьям. Те кивнули — Шон вроде бы одобрительно, — не требуя пояснений.

Прежде Уилла всего раз была на похоронах — двенадцать лет назад она хоронила мать, но тогда в церкви, знакомой с детства, ее окружали родные и бывшие соседи. А сейчас — храм, в который она никогда не ходила, из мужниных родственников — два деверя с женами, которых она едва знала. Пришлось полагаться на подруг, сочувствующих, но малоопытных в скорбном деле, и похоронного распорядителя мистера Персиваля, бледного хрупкого юношу, не имевшего собственного мнения. Если предложенные им варианты церемонии вызывали сомнения («Ох, даже не знаю…»), он робко говорил, что многие предпочитают, чтоб было так-то и так-то, и тогда она соглашалась.

— Но может, вы хотите… — блеял мистер Персиваль, и Уилла его прерывала:

— Нет, пусть так и будет.

В одном она была тверда: Дерека кремируют, ибо виденные ею калифорнийские кладбища ничуть не напоминали маленькие церковные погосты на ее родине. Затем небольшой фуршет в ритуальном зале и никаких поминок дома. Хотелось со всеми распрощаться, как только все закончится.

Учебный год еще продолжался, но Шон перестал ходить в школу, что, в общем-то, не имело значения, поскольку от выпуска его отделяло всего несколько дней. А вот Иэн, обычно не упускавший возможности прогулять уроки, занятия посещал исправно. Видимо, домашняя обстановка его тяготила. Об отце он не говорил вообще, избегал общения с матерью и братом и вечерами, запершись в своей комнате, немелодично бренчал на гитаре. Шон же, напротив, выпытывал подробности отцовской гибели: он успел понять, что произошло? Какие были его последние слова? А тот водитель пострадал? Он что-нибудь сказал, попросил прощения?

— Не знаю, не помню, — отвечала Уилла.

— Конечно, и тот мужик виноват, — наседал Шон. Вот и Дерек так сказал бы, если б мог.

Со своим отцом Уилле удалось связаться лишь через два дня, хотя он был первый, кому она по-

звонила. Выйдя на пенсию, почти все свое время отец проводил в подвальной мастерской, где не было телефона. Он говорил, ему так удобнее — не слышно звонков от соседей, желающих пригласить его на ужин. И автоответчиком он не обзавелся. Однако Уилла не оставляла попыток, звонила спозаранку и к ночи, и наконец во вторник вечером дозвонилась.

— Алло? — ответил отец в своей всегдашней манере — неохотно и как будто испуганно; уже на втором слоге голос его затухал, словно он изготовился повесить трубку.

— Пап… — начала Уилла и смолкла. Заволокло слезами глаза, задрожали губы.

— Уилл?

— Дерек умер, — выговорила она, и тотчас муж как будто заполнил собою комнату — послышалась его быстрая уверенная поступь, он отвел прядь с ее лица и чмокнул в щеку. Вспомнилась его привычка подать ей пальто и застегнуть верхнюю пуговицу. Никто уже не будет с ней так заботлив. Никто уже не встретит ее таким внимательным любящим взглядом.

— Я не понимаю… — растерялся отец.

Я тоже, хотела сказать она, но заставила себя произнести другое:

— Погиб в аварии.

— Ох, бедная моя…

— Ты сможешь приехать?

— Да, конечно. Когда похороны?

— Послезавтра. Успеешь найти рейс? Я пыталась до тебя дозвониться, но…

— Я приеду. Сестре сообщила?

— Да.

Уилла уже связалась с Элейн. Дозвониться до нее оказалось почти так же трудно, у мичиганской лаборантки были непредсказуемые рабочие часы. Наконец она подошла к телефону, на известие никак не откликнулась, но обещала приехать на похороны. Уилла ее поблагодарила. Последнее время общались они редко, но Уилла поймала себя на том, что с нетерпением ждет приезда своей невозмутимой, рассудочной сестры.

Однако та была настолько невозмутима и рассудочна, что приехала накануне похорон и сразу после них улетела обратно. Уилла расстроилась, но сказала себе: она ведь и просила сестру «приехать на похороны», точка. Да уж, им никогда не стать сестрами из «Маленьких женщин» Луизы Мэй Олкотт!

Раньше было обидно, что сестра, поступив в колледж, отдалилась от родителей, что ей не

приходит в голову поддерживать отношения с Уиллой — хоть изредка написать, позвонить, а то и приехать в гости на каникулах. Ведь должна бы смекнуть, что из всех людей на свете только Уилла ее понимает! Но нет, она отдалилась от всех родных, и в редкие встречи все ее разговоры напоминали навязчивые воспоминания того, кто пережил стихийное бедствие.

— Раннее утро, я в пижамке стою перед комодом, — рассказывала Элейн. — Мне три года, я еще никогда не одевалась сама. А ну-ка попробую, думаю я, вот мама удивится! Открываю ящик, ищу свои любимые штанишки, такие, с оборками на попе. Входит мама: «Это что ж такое, я старалась, складывала, а ты все тут переворошила!» Нет, отвечаю, и хочу быстренько все расправить. Мать подходит ближе: «Как же нет, вон какой кавардак устроила!» В руке у нее щетка для волос, она бьет меня по голове — раз, другой, я уклоняюсь, прикрывшись руками…

— Согласна, иногда она… — говорила Уилла.

— Знаешь, что самое печальное? Мать лупит ребенка, а он все равно тянет к ней ручонки, ищет утешения. Разве не грустно?

— Ладно, Элейн, проехали.

Потом ей было неловко за свою резкость.

Почему-то она всегда чувствовала себя виноватой перед Элейн. Но что она делала не так? У нее самой было непростое детство.

Наверное, виноватость — ее естественное состояние. Она винила себя и в смерти Дерека — должна была сообразить, что не надо заводить разговор об Иэне, когда муж за рулем. Винила себя в том секундном азарте, когда они обгоняли фургон. И то был даже не азарт. Почти что злость. Да, в груди гадюкой проскользнула ярость. «Жми!» — мысленно взмолилась она. И Дерек поднажал.

Уилла согнулась в кресле, ладонями придавив глаза. Кто-то из мальчиков вошел в комнату, коснулся ее плеча и отступил. Она думала, это Шон, но, подняв голову, уже в дверях увидела Иэна.

На панихиду приехали хозяин «Спортс Инфинити» и его вице-президенты с женами. Пришли Уиллины подруги с мужьями, несколько одноклассников Шона и Иэна (что было трогательно) и еще всякие люди вроде партнера Дерека по сквошу, его секретарши и женщина, некогда служившая домработницей у Макинтайров.

Уилла сидела во втором ряду, на скамье из светлого дерева, которым была отделана вся церковь; справа от нее расположился отец, слева — Иэн. За отцом сидела Элейн, а Шон сел в конце ряда

— чтоб было проще выйти к алтарю и произнести речь. Он выступит от лица всех близких родственников. Уилла не смогла бы говорить.

Она гордилась сыновьями, в черных костюмах и белых накрахмаленных рубашках выглядевшими очень представительно. Как так вышло, что они превратились в *мужчин*, которые умеют завязать галстук и носят туфли, похожие на длинных блестящих жуков? А вот отец ее беспокоил. Возраст его как будто стирал: жиденький венчик не поседевших волос почти исчез, черты стали какими-то размытыми. Элейн же выглядела случайной прохожей, заглянувшей всего на минутку: каштановые волосы в небрежной стрижке «боб», строгое лицо без всякой косметики, а коричневые брюки и свободная мятая блуза — будто умышленный укор стильному черному костюму старшей сестры.

Народ еще подъезжал, органист играл что-то незнакомое и очень пресное. Уилла терпеть не могла орган, но забыла уведомить об этом мистера Персиваля.

— Нытье какое-то, скажи? — шепнула она отцу.

Тот вздрогнул:

— Что, прости?

— Орган.

— А-а.

— С грустью вспоминаю нашу церковь, — вздохнула Уилла. (В пресвитерианском храме Ларк-Сити стояло пианино.)

— Могли бы и там все устроить, — неуверенно сказал отец.

— Но было бы непросто объяснить всем этим калифорнийцам, что им придется слетать в Пенсильванию.

— Кроме того, я больше не хожу в нашу церковь.

Уилла взглянула на отца:

— Не ходишь?

— Уже давненько. Я написал преподобному Сэндсу: по причине неверия прошу исключить меня из числа прихожан.

— Ничего себе! А что пошатнуло твою веру?

— Да я, в общем-то, никогда и не верил.

— Вот как?

— Преподобный Сэндс пришел ко мне и спросил: может, я еще передумаю? Не в смысле веры, а в смысле посещения служб. Наверное, многие мои прихожане не верят, сказал он, однако в церкви вы создаете себе *условия* для веры, а иначе лишаете себя последней возможности.

— Разумно, — задумчиво проговорила Уилла.

— Да, согласен. Но этой разумности я отдал шестьдесят с лишним лет и решил, что уже вряд ли изменюсь к лучшему.

Уилла усмехнулась и на миг накрыла ладонью его руку. Она была так рада отцу, что даже затаила дыхание, боясь его спугнуть.

Шон произнес хорошую речь, проникнутую любовью и печалью, но отнюдь не слащавую. Он поблагодарил всех, кто пришел на панихиду, помянул готовность Дерека в любой момент с сыновьями погонять мяч. Иэн слушал брата, уставившись на свои колени. Может, жалел, что наотрез отказался от слова об отце? Уже не в первый раз Уилла подумала, что отношения между ее сыновьями — один в один ее отношения с сестрой. Этакая формула «Шон и Иэн равно Уилла и Элейн». Но почему сейчас она сочувствует Иэну?

В своей речи хозяин «Спортс Инфинити» воссоздал образ «толкового хваткого парня», которого он взял на работу сразу после колледжа. Один из деверей сказал несколько слов о том, каким хорошим братом был Дерек. Потом говорили старинные друзья, вспоминавшие о мальчишеских шалостях и проказах покойного. Их выступления Уилле понравились, в них Дерек не выглядел

почившим святым угодником. В финале священник, предоставленный похоронным бюро, прочел короткую дежурную молитву, все встали и спели «Пребудь со мною». На том все закончилось.

Элейн улетала в семь вечера, почти сразу после поминального фуршета, а потому Уилла заказала ей такси. И опять почувствовала себя виноватой. Дома было принято всей семьей провожать гостей до аэропорта, однако теперь осталась только ее маленькая «тойота», за руль которой она, дерганый водитель, без крайней нужды не садилась. Все равно в этакую кроху, рассудила Уилла, всем не уместиться.

Стыдно сказать, но она вздохнула свободнее, когда сестра пошла собираться. Ее безмолвные, а то и высказанные упреки уже достали. К примеру, Элейн поинтересовалась, не было ли декрета, обязывающего всех женщин Калифорнии носить белые брюки. Потом, явно подначивая, назвала прическу Уиллы «клонированной». А еще чуралась отца. Наконец Уилла спросила прямо:

— Лейни, ты зла на папу?

— Я? Как можно злиться на мистера Хорошего Парня? — театрально изумилась Элейн.

Уилла не поняла ее язвительности — отец и впрямь хороший человек, что не так-то? И по-

чти обрадовалась, когда с улицы просигналило такси.

— Пока, Элейн. Спасибо, что приехала, — сказала Уилла, наскоро обняв сестру.

Но едва за той закрылась дверь, возникло чувство чего-то упущенного.

Потом Уилла переоделась в свой самый старый и мягкий халат, а отец, сняв пиджак и галстук, влез в тапочки. Уилла разогрела что-то в кастрюльках, принесенных подругами, и поставила на стол. Появился Иэн, за ним Шон, оба уже в джинсах, сказали, что ужинать не будут. В другое время Уилла их отчитала бы, но сейчас смолчала. Она устала от разговоров, соболезнований, от необходимости быть отзывчивой и признательной. Поели молча, только в конце ужина отец спросил:

— Может, я сварю какао?

— Давай. — Уилла даже не шевельнулась, пока он рыскал по шкафам в поисках ингредиентов и кастрюли.

Давеча отец сказал, что немного поживет у нее, но она не спросила, сколько именно, боясь сглазить мечту, чтоб он остался насовсем. А что, вместе им было бы хорошо. Главное, его не тормошить, пусть живет себе помаленьку. И он

прекрасно ладит с ребятами.

В детстве Уилла представляла, что мать вдруг раз — и умрет, и тогда отец женится на чудесной спокойной женщине, которая подсядет к ней на кровать, положит прохладную ладонь на ее лоб и отгонит страшные сны. Женщина эта почему-то виделась в развевающемся многослойном белом шифоне. И звали ее Клара или Клэр. Как-то ласково.

Что ж, этого не случилось. Но вот есть план номер два.

Отец поставил перед ней кружку с какао и сел напротив.

— Поначалу будет тяжело, — сказал он.

— Будет невыносимо, — поправила Уилла, завуалировав просьбу остаться и помочь ей пережить это время.

— Когда я потерял нашу маму, я думал, уже не оправлюсь. Каждое утро одна и та же мысль: зачем вставать?

Уилла помнила, как смерть матери его подрубила. (Все случилось внезапно — обширный инсульт.) Она прилетела домой и увидела серое лицо онемевшего, неподвижного отца. Но через месяц-другой он вроде как пришел в себя. Ничего удивительного. Он очень стойкий.

— Застыну с зубной щеткой в руке и думаю: какой смысл чистить зубы? Открою холодильник — зачем есть?

Уилла его понимала. Нынче утром, перед зеркалом крася губы, она посмотрела на свое отражение и поняла, что ей абсолютно все равно, как она выглядит. Однако сейчас не могла изгнать мысль, что отец понес не столь тяжелую утрату. Мать была тот еще подарочек! Но он, видимо, считал иначе. Глаза его увлажнились, он уставился в кружку и долго молчал.

— Могу поделиться, что мне помогло, — проговорил отец. — Сказать?

— Да, конечно. — Уилла замерла.

— Я дробил день на крохотные кусочки. Жизнь, конечно, закончилась, но в ней еще остались кое-какие хорошие мелочи. Вроде утренней чашки кофе. Какой-нибудь поделки в мастерской. Бейсбола по телику.

Уилла задумалась.

— Но…

Отец ждал.

— Но разве этого… *достаточно*?

— Выходит, да.

Насовсем он не остался. Уехал в следующую среду. Уилла и мальчики отвезли его в аэропорт

— машину вел Шон, — но отец не позволил проводить его до выхода на посадку. На тротуаре обняв дочь и пожав руки внукам, он подхватил чемодан и один вошел в терминал.

Теперь Уилла окунулась в каждодневность горя, когда первоначальная пронзительная боль сменяется тупой и ноющей, сродни фантомной. Дерек уже не хлопнет Шона по плечу, поздравляя с окончанием школы. И не узнает, что Иэн оставил всякие разговоры о годичной передышке.

Однажды она увидела молодую женщину и трех мальчиков, на лужайке перед домом гонявших мяч. Потом к дому подрулила машина, женщина вся засветилась и крикнула детям: «Смотрите, кто приехал!» Мальчишки кинулись к мужчине, вылезавшему из машины.

Уилле была знакома эта волна радости, когда твой муж возвращается с работы.

Если подруги приглашали в кино, на обед или ужин, она изо всех сил старалась поддержать беседу. Одни не затрагивали тему смерти, притворяясь, будто ничего не случилось, и тогда Уилла с каким-то извращенным наслаждением через слово поминала мужа: «Дерек считал… Дерек всегда говорил…» Другие были чрезмерно заботливы, беспрестанно названивали и держались

с ней как с беспомощным инвалидом. Но она понимала, что замыкаться нельзя. По крайней мере, так говорили все вокруг.

На лето Шон устроился спасателем в бассейн, Иэн работал уборщиком посуды в кафе, и Уилла записалась на два курса в колледже неподалеку от дома. Она даже подумывала получить диплом, отложенный из-за первой беременности. А потом она сможет преподавать французский и испанский в какой-нибудь местной школе. Дело-то не в деньгах — дед Дерека оставил солидный капитал, — но чем заполнить время, когда Иэн окончит школу и уедет?

Уцелеет ли связь с сыновьями, после того как они разлетятся из дома? Сохранят ли мальчики теплые воспоминания о детстве? Или накоплено слишком много обид? Уилла очень старалась быть хорошей матерью, что в ее понимании означало *предсказуемой*. Она поклялась себе, что ее дети никогда не будут гадать, в каком нынче настроении мама, и, по утрам заглядывая в щелку спальни, пытаться понять, что за день их ожидает. У какой еще матери главная цель — быть неотъемлемой частью жизни своих детей?

У Шона появилась постоянная девушка, Иэн подвизался в любительском оркестре, и потому

вечерами их почти никогда не бывало дома. Ложась спать, Уилла оставляла свет в прихожей; проснувшись ночью и увидев, что во всем доме темно, она знала, что мальчики дома. Но вот снова заснуть было проблемой. Слово «бессонница» тут, пожалуй, не годилось, она просто уже не спала до рассвета. И если раньше жалела, что сон прервался в четыре утра (для нее пять часов были верхним пределом раннего вставания), то теперь просыпалась и в два, и в час, и даже в двенадцать ночи, когда сыновья еще не вернулись. Может, все потому, что впервые в жизни она спала одна. Из спальни, которую делила с сестрой, она переселилась в университетскую общагу, где обитала в комнате с соседкой, а затем перебралась в супружескую постель. С мужем хорошо: обнимешь его, прижмешься щекой к его спине — и спи себе дальше. А вот одной… Все думаешь, тревожишься, переживаешь из-за сказанного вчера и со страхом ждешь дел завтрашних.

Уилла часто вспоминала, как они с Дереком познакомилась. Это было на ежегодной вечеринке «Подпольная лотерея», которую старшекурсники устраивали в честь первокурсниц. Из круглой стеклянной банки каждый парень доставал записку с номером, обладательница которого

становилась его дамой на вечер. Уилла была под номером 45. Когда Дерек его выкрикнул, она испугалась. Такой раскованный красавец наверняка огорчится, увидев, кто ему достался. Но все же робко подняла свой номер, и Дерек к ней подошел.

— Это ты! — улыбнулся он.

Оказалось, еще днем Дерек заприметил ее в университетской библиотеке и спросил приятеля, кто она такая. Без понятия, ответил тот. И вот вечером Дерек вытянул ее номер. Ничего этого Уилла, конечно, не знала, но в возгласе его ей почудилось признание: «Это ты, кого я искал всю жизнь!» Может, так оно и было, ибо отныне они стали парой.

Такое не повторяется. Она это знала. Из добрых побуждений одна подруга сказала: пусть сейчас это кажется невозможным, но придет время, и кто-нибудь тебя полюбит, и ты ответишь взаимностью. Уилла тупо смотрела на нее, не веря ни единому слову.

Способ отца (дробить день на кусочки) не сработал. Хотя она очень старалась. Помогало иное. На оживленной улице или в магазинной толпе она смотрела на людей и думала: наверняка почти каждый из них понес какую-нибудь тяжелую

утрату. Многие даже не одну. Эти люди потеряли любимых близких, но как-то справились с горем. Вон, шагают себе потихоньку. Некоторые даже улыбаются.

Значит, горе одолимо.

В дверь позвонили, когда Уилла готовилась к контрольной работе. На пороге стоял мужчина лет пятидесяти с лишним, высокий, темноволосый, скуластый.

— Миссис Макинтайр? — спросил он.

— Да.

Судя по обыденному наряду — ладные хаки, рубашка поло, популярная у окрестных мужчин, — он ничего не продавал, однако этакая выжидательность во взгляде уведомляла, что от Уиллы ему что-то нужно.

— Я Карл Декстер, — сказал мужчина.

— И что?

— Я водитель той самой…

Он замялся, подыскивая слова, но Уилла его уже узнала. Перед глазами возникли картинки из кладовой памяти: он держит ее за плечо и спрашивает: «Как вы? Не ранены? Лучше вам отойти от машины…» На травянистой обочине он разговаривает с двумя полицейскими, по щеке его стекает яркая струйка крови…

— Ах вон что.

— На работе вашего мужа я узнал адрес. Надеюсь, вы не против.

— Нет, ничего.

— Не хочу вас беспокоить.

— Ничуть не беспокоите, — сказала Уилла. — Зайдете?

Замешкавшись на пороге, он как будто мял в руках шляпу. Никакой шляпы, конечно, не было, просто он жутко нервничал. Уилла собралась проводить его в гостиную, но, подумав, спросила:

— Кофе хотите? Или, может, чаю?

— Воды, — жадно попросил он. Уилла чуть удивилась, но потом подметила его пересохшие губы, из-за которых слова давались ему с трудом. — Пожалуйста, — добавил Декстер и, отперхавшись, присовокупил: — Если не трудно.

— Нисколько. — Уилла провела его в кухню, решив, что там ему, наверное, будет спокойнее. — Присаживайтесь. Лед положить?

— Просто чистой воды.

Декстер подсел к столу; он был очень напряжен — сидел, не касаясь спинки стула. Уилла достала из холодильника бутылку воды, наполнила стакан и, подав его гостю, села напротив. Залпом осушив стакан, Декстер опустил его на стол.

— Кажется, тогда я даже не спросила, что с вами-то, — сказала Уилла. — Я плохо помню.

Декстер чуть шевельнул рукой — мол, сейчас не о том.

— Я хотел сказать, мне очень жаль. В смысле, я сочувствую вашей утрате.

— Спасибо, — кивнула Уилла. Первое время она ловила себя за язык, чтоб не ответить «ничего, все нормально». Теперь уже освоилась.

— Я все время об этом думаю. Все из-за меня, да? Виноват я? Правда, он меня подрезал, но я тоже внес свою лепту, так?

Похоже, он не ждал ответа, но, уставившись в одну точку, мысленно перебирал моменты трагедии.

— Знаю, теперь я вожу плохо. Хуже, чем раньше. Отвлекаюсь, я это подметил. Еду-еду и вдруг — бах! — понимаю, что вот-вот поцелую другую машину. Потом заезжаю в гараж и благодарю бога, что нынче обошлось без аварии.

— Я молюсь всякий раз, как я за рулем, — сказала Уилла.

Видимо, Декстер счел это шуткой, потому что невесело усмехнулся краешком рта.

— Прежде я водил весьма сносно. Отвлекался не часто. А потом… не подумайте, что я ищу ка-

ких-нибудь оправданий, но этой зимой от меня ушла жена.

— О господи!

— Я не пытаюсь вас разжалобить или чего там.

— Нет, конечно, я понимаю.

— Мы с ней прожили двадцать восемь лет. Я думал, все у нас хорошо. Детей нет… но я всегда считал наш брак счастливым. И вдруг однажды она говорит: «Я должна кое-что тебе сообщить. Я полюбила другого».

Уилла сочувственно покачала головой.

— Сперва я хотел ее урезонить — мол, ерунда, любой может увлечься. Но не стал. А то еще решит, что я проговорился, понимаете? Одно только сказал: может, говорю, это пройдет? Нет, отвечает, мы хотим пожениться, я уже переговорила с адвокатом.

— Да, это очень и очень тяжело.

— Боже мой, я пришел сказать, что переживаю из-за вашей утраты, а вы слушаете мою болтовню о всяких личных мелочах.

— Развод — вовсе не мелочь.

Декстер вытряхнул в рот последние капли воды и молча уставился в стакан.

— Еще налить? — спросила Уилла.

— Знаете, я думал, я с этим справился, но как

будто живу на автомате. До сих пор. Питаюсь в основном хлопьями с холодным молоком.

— Так не годится.

— Забываю отправить почту, все роняю и разливаю, несколько раз заблудился на дороге, которую знаю как свои пять пальцев.

— После смерти мужа со мной то же самое, — сказала Уилла. — Порой думаю, у меня Альцгеймер! Наверное, и развод — своего рода утрата.

— Вот только друзья не знают, что говорить по этому поводу.

— Они не знают, что сказать и о смерти.

— Обычно меня коробило, когда после развода кто-нибудь говорил: «Да мы вот разбежались…» или «Просто решили, что каждый пойдет своим путем». Да ладно! — хотелось сказать. Почему не признаться, что жена невыносимая командирша или муж гулял налево и направо?

— Я понимаю. Кто поверит, что супруги разводятся только, скажем, из-за разных хобби?

— Поэтому на вопросы знакомых я отвечал честно: она полюбила другого. Ведь правда все равно всплывет, верно?

— Да, рано или поздно.

— А знакомцы смущались и сразу меняли тему. Или кто-нибудь ляпнет: вот же шлюха! А Мириам

вовсе не шлюха.

— Нет, конечно, — сказала Уилла.

Впервые за все время Декстер посмотрел ей в глаза:

— Он знал, что я сзади?

— Что?..

— Он меня видел? В смысле, мою машину. Или подрезал, не сознавая, что я совсем близко?

— Да нет, видел. Я думаю, он… психанул.

— Господи! Значит, дело во мне.

Уилла предпочла бы говорить о его разводе. В последнее время все разговоры непременно касались гибели Дерека («Боже мой, какой ужас! Да как же так!»), и от темы смерти ее уже мутило.

— Понимаете, муж был очень вспыльчивый, — сказала Уилла. — Вечно орал на другие машины: ты уж реши, левый ряд или правый, чего раскорячился-то? Ой, зеленый зажегся, что бы это значило?

Карл Декстер только криво усмехнулся.

— Он взялся обучить младшего сына вождению, но однажды высадил его из машины и отправил домой пешком, хотя они уехали уже черт-те куда. Из-за того, что сын пропускал вперед всех и каждого.

— Вы очень добрый человек, — вдруг сказал

Декстер.

— Дети считают меня чересчур доброй.

— Нет, серьезно. Я бы понял, если б вы меня погнали взашей. Дескать, был бы внимательнее, ничего бы не случилось.

— Так можно сказать о любой ситуации. — Уилла встала.

Декстер тоже поднялся и протянул руку:

— Спасибо, что поговорили со мной.

— Вам спасибо, что зашли.

В сентябре Шона проводили в университет Санта-Барбары. Туда машину вел он, а на обратном пути за руль «тойоты», вдруг показавшейся слишком пустой, сел Иэн. Он начал свой предпоследний год в школе, Уилла записалась на полную университетскую программу. Всю одежду Дерека она упаковала в коробки и передала благотворительной организации. Кабинет его, где обычно он лишь смотрел телевизор, отошел Иэну и стал местом тусовок с друзьями. Поняв, что мать не возражает против репетиций оркестра, Иэн чаще бывал дома.

По ночам Уилла по-прежнему просыпалась, ворочалась и переживала по всякому поводу, но, час-другой промаявшись, засыпала опять и утром себя чувствовала отдохнувшей. Похоже,

она более или менее пришла в норму.

В памяти возникали дни из детства: с утра зарядит дождь, ты вынужденно торчишь дома — читаешь или пялишься в телик, а после обеда вдруг выглянет солнце и ты мигом собираешься гулять, думая: «Вот же счастье привалило!»

В октябре они с Иэном слетали на восток к ее отцу, вечно находившему отговорки, чтобы не приезжать к ним. Визиту он, похоже, обрадовался, хоть и в своей безмолвной манере, а Уилла наслаждалась возможностью быть полезной — устроила генеральную уборку и забила холодильник упаковками со всяческой едой. Погостили недолго — выходные на День Колумба — и уже во вторник вернулись домой, где Уилла, подкошенная трехдневной суетой и сменой часовых поясов, средь бела дня уснула на диване.

Ей приснился Дерек, чего раньше не бывало, хотя она очень этого хотела. Оказалось, произошло недоразумение и он вовсе не умер. Звякнул дверной звонок, и вот он, Дерек, ничуть не изменившийся — милое веснушчатое лицо, гусиные лапки возле глаз. Однако он был рассержен. Уилла знала этот его взгляд.

— Что за дела? — сказал он. — Ты выбросила всю мою одежду?

— Ой, прости, пожалуйста! Я думала…

— На секунду отвернешься, и все мои вещи на помойке!

А дверной звонок все тренькал. Что-то непонятное.

Уилла проснулась. Звонок и впрямь голосил. Еще сонная, она села, пригладила волосы. Покачнувшись, встала с дивана, прошла в прихожую и открыла дверь. На крыльце стоял Карл Декстер. Уилла ойкнула.

— Здравствуйте, — сказал он.

— Добрый день.

— Я не вовремя?

— Нет, ничего.

Наверное, надо было пригласить его в дом, но она еще не вполне очнулась и только моргала.

— Я тут подумал, вдруг вы согласитесь поужинать со мной. Может, сегодня или в другой день, когда вам будет удобно.

Опять ойкнув, Уилла секунду помешкала.

— Спасибо, но, думаю, нет, — сказала она.

— Ладно.

— Извините.

— Нет, я понимаю. — Декстер неловко взмахнул рукой и ушел.

Закрыв дверь, Уилла вернулась в гостиную.

Села на диван, потом улеглась и, закрыв глаза, попыталась восстановить сон, прокрутить его, так сказать, заново. Вот Дерек звонит в дверь, она встает, идет в прихожую… Однако сон упрямо не шел, словно она выдула целый кофейник кофе.

Но Уилла не сдавалась. Вот она в прихожей. Открывает дверь. На крыльце Дерек, злой как черт.

— Что за хрень, Уилла?

— Это ты. — Она его обнимает, уткнувшись головой ему в грудь.

Часть вторая

2017

1

Телефон затрезвонил во второй половине июльского вторника, когда Уилла разбирала свои ленты. На кровати разложив их по цвету, каждую она разглаживала и затем укладывала в обтянутую тканью шкатулку, специально для того купленную. И тут вдруг — *дзынь-дзынь*!

Уилла прошла к телефону и глянула на определитель номера: код Балтимора. Шон? Нет, номер не его, однако сердце царапнула когтистая лапка тревоги. Уилла взяла трубку:

— Алло?

— Миссис Макинтайр? — спросил женский голос.

Уже больше десяти лет Уилла носила другую фамилию, но ответила утвердительно.

— Вы меня не знаете, — сказала женщина. Начало не обнадеживало. Бесцветный голос ее казался *сытым*, а балтиморский выговор превращал «вы меня» в «вымя». — Я Кэлли Монтгомери, соседка Денизы.

— Какой Денизы?

— Вашей невестки.

Как ни печально, невесток у Уиллы не было, но спорить она не стала, поскольку одно время Шон жил с некоей Денизой.

— Ах да.

— Вчера ее подстрелили.

— Что-что?

— Ранили в ногу.

— Да кто же?

— Вот уж чего не скажу. — Кэлли дыхнула в трубку. Сперва это показалось смешком, но потом Уилла догадалась, что собеседница курит. Она уже подзабыла эти шумные паузы, возникающие в телефонном разговоре с курильщиком. — Наверное, случайность. Знаете, как оно бывает.

— Ну да.

— Так вот, Денизу увезли на «скорой», и я по доброте душевной забрала ее дочку к себе, хотя, честно сказать, совсем ее не знаю. Да и с Денизой-то мы едва знакомы! Сюда я переехала только в прошлый День благодарения, когда бросила это жалкое подобие мужа и спешно сняла себе жилье. Но то совсем другая история, вам, наверное, не интересная. Я-то думала, понянчусь с Шерил пару часиков, и все. Подумаешь, пуля в ноге. И тут нате вам: Денизу прооперировали, девчонка ночует у

меня, а утром мамаша ее звонит — мол, оставляют в больнице и неизвестно когда выпишут.

— Ох ты…

— А у меня же работа! Я служу в банке! Звонок застал меня уже на пороге. И потом, я не умею обращаться с детьми. Вчерашний день, знаете, тянулся просто нескончаемо.

Уилла вспомнила, что Дениза — мать-одиночка, но понятия не имела, сколько лет ее ребенку, и лишь краем уха слышала об отце, про которого говорилось как-то невнятно: «Давно сгинул».

— Вот уж… проблема, — беспомощно сказала она.

— Да еще этот Аэроплан, а у меня, кажется, на него аллергия.

— Не поняла?

— Я, значит, вошла в дом Денизы и посмотрела список номеров над телефоном, а там врачи, ветеринары и всякое такое. Позвоню, думаю, Шону, раз такое дело, хотя всем известно, что Дениза его на порог не пустит, но тут вижу запись «Мама Шона» и говорю себе: ладно, позвоню этой маме Шона, пускай приедет и заберет свою внучку.

Уилла и представить не могла, с какой стати ее номер оказался в списке Денизы.

— Вообще-то… — начала она, но ее перебили:

— Между прочим, какой это штат?

— Что?

— Код пять-два-ноль у какого штата?

— Аризона.

— Ну что, подберете рейс, чтоб к вечеру сюда добраться? У вас же там еще полдень, да? А то я тут просто с ума схожу, ей-богу. Жду вас не дождусь. Я, Шерил и Аэроплан прижались носами к оконному стеклу и глядим на дорогу.

— Послушайте, я не… — опять начала Уилла, но теперь осеклась сама.

Повисла короткая пауза, Кэлли выдохнула дым.

— Я живу через два дома от Денизы, — сказала она. — Доркас-роуд, триста четырнадцать.

— Триста четырнадцать, — вяло повторила Уилла.

— Мой номер у вас отразился, да? Сообщите, в котором часу прилетаете.

— Погодите!

Но Кэлли повесила трубку.

Разумеется, никуда она не поедет. Это просто безумие. Надо перезвонить и сказать, что никакая она не бабушка. Хотя, в принципе, это было бы совсем неплохо.

Надо признать, последнее время в ее жизни

мало что происходило. Прошлой осенью они с мужем переехали в пригород Тусона, где обитали поклонники гольфа. (Питер заядлый игрок, а Уилла даже правил не знала.) Ей пришлось бросить любимую работу — преподавание английского иностранцам, — но она рассчитывала что-нибудь себе подыскать, хотя пока что не особо старалась. Ее словно парализовало. Питер часами пропадал на поле для гольфа, сыновья жили далеко — Шон заведовал филиалом «Спортс Инфинити» в Таусоне, Мэриленд, Иэн занимался чем-то климатическим в горах Сьерра-Невады, — родители умерли, с сестрой почти не виделись. Даже близких подруг здесь не было, одни приятельницы.

Интересно, что брать с собой, если вдруг соберешься в Балтимор? Никаких официальных нарядов, конечно, не надо. А платье-трапецию, в котором она любила путешествовать, доставили из химчистки? Уилла пошла глянуть в шкафу.

К возвращению мужа из гольф-клуба она уже забронировала билет на завтрашний рейс, где еще были свободные места.

— Не понимаю, — сказал Питер. Он стоял в дверях спальни и смотрел, как Уилла пакует чемодан, раскрытый на кровати. — Ты никогда словом не обмолвилась об этой Денизе.

— Да миллион раз я о ней говорила! Пару лет они с Шоном жили вместе, вспомнил?

— Но кто она *тебе*? Почему тебя она просит приехать?

— Ты что, не слушал? Попросила соседка. Кэлли. Дениза в больнице, и ее дочка…

— Но это не дочка *Шона*.

— Нет.

— Кстати, сколько лет девочке?

— Точно не знаю.

Питер смолк, терпеливо ожидая, когда она сама осознает всю абсурдность своего поведения.

Он был на одиннадцать лет старше, и порой Уилла, глядя на этого серьезного ухоженного мужчину — загорелое чеканное лицо, серебристый ежик волос, — чувствовала себя наивным несмышленышем. К тому же он частенько называл ее «маленькой». Вот и сейчас.

— Послушай, маленькая, — сказал он, — я понимаю, после переезда ты осталась не у дел. И тебе хочется больше общаться с сыновьями. Но сейчас это просто глупость. Ты же никогда не встречалась с этой женщиной!

— Зато… я с ней разговаривала.

— Вот как?

— Раз-другой по телефону, когда звонила Шо-

ну.

Муж опять одарил ее терпеливым взглядом.

— Ох, Питер, ну встань на мое место! Я уже сто лет не чувствовала себя нужной! А тут эти люди говорят, что нуждаются во мне… Кэлли, Шерил и Аэроплан прижались носами к оконному стеклу! Неужели так трудно понять?

— Какой еще Аэроплан?

— Собака, — наугад сказала Уилла.

— Ладно, — наконец сказал Питер, помолчав. — Я еду с тобой.

— Поедешь в Балтимор?

— Когда последний раз ты путешествовала одна? Вообще было такое, чтоб куда-нибудь ты поехала в одиночку? И потом, кто-то должен присмотреть, чтоб тебя там не облапошили.

Конечно, надо было ответить: «Боже мой, мне шестьдесят один, и я пока еще в своем уме! Да, случалось, я путешествовала одна. Правда, давно». Но от мысли, что о ней позаботятся, сразу стало легче, и потому Уилла лишь слабо возразила:

— Еще неизвестно, удастся ли тебе достать билет.

— Не волнуйся. Это всегда можно устроить.

И он пошел устраивать.

Дождавшись, когда муж усядется смотреть

вечерние новости, Уилла позвонила Шону. В спальне набрала номер и через французское окно вышла на террасу с видом на поле для гольфа. Жара, слава богу, понемногу спадала. Уилла никак не могла привыкнуть к тому, что без кондиционера здесь не прожить. От него зависишь, как астронавт — от кислородного баллона. Если вдруг вырубят электричество, все, наверное, погибнут. Стоило об этом задуматься, как накатывала легкая паника.

Шон ответил на третьем гудке:

— Мам?

— Здравствуй, милый. Я не слишком поздно?

— Не, нормально. — Эту манеру чуть растягивать слова он перенял от отца; Уилла тотчас ее узнавала, и всякий раз ее охватывала грусть.

— Я только хотела сказать, что завтра лечу в Балтимор.

— Да? Зачем?

— Ты помнишь Денизу?

— Денизу… Денизу… Мою Денизу?

— Да. Она… ты, наверное, не знаешь, ее подстрелили… и я вот согласилась…

— Подстрелили?!

— Видимо, несчастный случай. Деталей я не знаю. Но я согласилась присмотреть за ее дочкой,

пока Дениза в больнице.

— Что?

— Ну, дочка у нее. Шерил. Скажи, Аэроплан — это собака?

— Что? Какой еще Аэроплан?

— Вот я тебя и спрашиваю.

— Мам, зачем тебе все это?

Уилла вздохнула:

— Так и знала, что ты не поймешь.

— Как она вообще связалась с тобой?

— Не она, соседка ее позвонила. Кэлли.

— Как же ее фамилия-то… Жирная такая?

— По телефону не видно.

С террасы Уилла сошла во двор, вернее, в то, что здесь считалось двором, — узор четких гравийных дорожек, петляющих меж пышных кустов. Разговор уже слегка досаждал. Уилла перехватила трубку, услышав очередной вопрос сына:

— Но почему она позвонила тебе? И как вообще узнала твой номер?

— Он был в телефонном списке Денизы.

— Как он там оказался?

— Вот этого я не знаю.

— Фигня какая-то! — сказал Шон. Уилла знала, что сейчас он взъерошил волосы, как сделал бы Дерек.

— В любом случае, нам надо быть на связи, — поспешно проговорила Уилла.

— Ладно.

— Мы улетаем завтра днем.

— Питер тоже едет?

— Да. Я там устроюсь, потом все вместе где-нибудь поужинаем, и я тебе позвоню.

— Ладно, — повторил Шон. — Договорились. Может, познакомишься с Элиссой.

— Кто это?

— Ну, подруга моя.

— Да, конечно. Не терпится ее увидеть.

Уилла сбилась со счета его подружкам. Ничего, рано или поздно он остепенится и к кому-нибудь прилипнет. Тогда можно надеяться на внуков. Ужасно хотелось их понянчить.

Закончив разговор, она подошла к гигантскому, раза в три выше ее, кактусу карнегия, вскинувшему симметричные лапы к темнеющему небу. Уилла обожала эти кактусы за их достоинство и стойкость. Ничто другое в Аризоне ей не нравилось. Впервые Уилла увидела их прошлым летом, когда они с Питером приехали подыскать дом, — возле аэропорта маячила целая рощица карнегий, похожих на таинственное племя. Она сразу сказала мужу, что какой бы дом они

ни купили, во дворе непременно должна быть карнегия. Питер засмеялся. Он счел это женской блажью — мол, желаю сад! Но Уилла никогда не увлекалась садоводством. Просто влюбилась в карнегии, вот и все. Она приложила ладонь к стволу кактуса, где не было колючек. На ощупь он был как огурец — прохладный, гладкий, упругий. Кактус словно почуял ее и слегка напрягся.

— Ма-лень-ка-я! — с террасы позвал Питер.

— Иду! — откликнулась Уилла и, на прощанье погладив кактус, пошла к дому.

2

— Когда я первый раз летела на самолете, один мужик уткнул мне в ребра пистолет, — сказала Уилла.

— Повтори-ка, — попросил Питер.

Конечно, он все прекрасно слышал, хоть их места разъединял проход. Уилла только молча улыбнулась.

— Пистолет, говоришь?

— По крайней мере, так было заявлено. Сама я его не видела.

— И что ты сделала?

О господи, опять она выставит себя полной рохлей.

— М-м-м… ничего.

— Ничего?

— Это было непросто.

Питер вытаращился. На секунду его перекрыла стюардесса, катившая тележку с напитками обратно в бортовую кухню. Она прошла, а Питер по-прежнему не сводил глаз с Уиллы.

— Мужик сказал: дернешься — выстрелю. Я не шевелилась, он не стрелял.

— Но чего он добивался?

— Не знаю, чего он добивался.

— И чем все закончилось?

— Я была с Дереком — тогда мы еще только встречались, — и он решил, что нам надо поменяться местами. Вот и все.

Питер задумчиво откинулся в кресле.

Уилла вспомнила эту историю, потому что он брюзжал из-за досмотра в аэропорту. И вечно спорил с сотрудниками службы безопасности.

— По-моему, досмотр очень полезен, — сказала Уилла. — Если бы тогда его проводили, никто бы не ткнул в меня пистолетом.

— Но ты же не знала, был ли вообще пистолет.

— Не знала.

— Никакой досмотр не обезопасит от *выдуманного* пистолета.

— Конечно, но я бы *знала*, что он выдуманный, если бы перед посадкой того мужика просветили рентгеном.

— Я не понимаю твоей логики. Если уж убедился, что в службе безопасности сплошь идиоты, как можно им доверять? — Питер высунулся в проход и показал бортпроводнице свой пустой стакан.

В нем говорил юрист, он любил подискутировать.

Брюзжал он еще и по другой причине: попытки поменяться местами, чтобы сидеть рядом с Уиллой, окончились неудачей. Все отказались наотрез. Сосед Питера, с виду совсем еще подросток, сказал, что хочет смотреть в окно. Питер скривился и, глянув на Уиллу, кивнул на ее соседа — мол, спроси его. Но та помотала головой — она не любила причинять беспокойство другим.

— Интересно, почему этот сосунок летит первым классом, — прошептал Питер.

— А что, существуют возрастные ограничения? — с наигранным простодушием спросила Уилла.

Питер юмора не оценил.

Вскоре выяснилось, что их соседи знакомы друг с другом. Едва взлетели, как мальчишка рядом с Питером крикнул через проход:

— Эй, чувак! Выпивку будешь заказывать?

— А что, пожалуй, — ответил сосед Уиллы.

Питер удивленно вскинул бровь: так они приятели? Почему же не захотели сидеть вместе?

— В смысле, выпивку с градусом, — уточнил его сосед.

— Ну да.

До сих пор Уилла не смотрела на своего попутчика, отсекая возможность беседы, но теперь скосила глаза. Еще один молоденький парнишка — пушок над верхней губой, майка с персонажами комикса «Дикие коты». Да уж, он не попытается втянуть в разговор даму в цветастом шифоновом шарфике, игриво завязанном на шее.

— Не знаешь, в самолетах проверяют возраст при заказе спиртного? — излишне громко спросил Питер.

Уилла сухо улыбнулась и достала из сумочки книжку.

Весь вчерашний вечер и нынешнее утро она себя чувствовала, как накануне Рождества. Поди знай, что уготовила ей эта поездка. В душе разом бурлили волнение, боязнь и надежда. «Господи, что я затеяла?» — то и дело спрашивала себя Уилла. Признательность за то, что муж поехал с ней, смешивалась с беспокойством: вдруг его

присутствие снизит радость встречи… нет, не с внучкой, конечно, но…

— Чувак! — вновь подал голос сосед Питера. — Тут в кармане кресла бесплатный журнал!

— Да ну? — откликнулся попутчик Уиллы.

— С кроссвордом!

— Ух ты!

Чтоб не мешать этому диалогу, Питер чуть откинулся в кресле, печатая в ноутбуке (он все еще участвовал в делах фирмы). Сосед Уиллы отыскал журнал и, пролистав его, раскрыл на странице с кроссвордом. Потом нагнулся и стал шарить в рюкзаке. Когда он выпрямился, лицо его порозовело, как бывает у людей с очень тонкой кожей.

— Извините, у вас ручки не найдется? — спросил он.

— Найдется. — Уилла выудила из сумочки шариковую ручку.

— Спасибо.

Парень занялся кроссвордом. Начал вписывать слово, остановился, задумался. Что-то написал. Потом еще. Уилла покосилась на журнал, но слов не разобрала. На двух пальцах парня она заметила мелкие бородавки. Как у Иэна в этом возрасте.

Уилла перевернула страницу довольно скучного детектива.

— Я угадал! — крикнул сосед Питера.

— Да? Что?

— Бейсбольная команда Детройта.

— Это я знаю.

— Знаешь? Облом.

Похоже, Уиллин попутчик с задачей справлялся успешно. Временами он задумчиво пыхтел, а потом, найдя ответ, шепотом вскрикивал: «Есть!»

— Эй, чувак! — снова окликнул его приятель.

Питер опять вжался в кресло, всем своим видом показывая, что ему мешают.

— Французский десерт. Пять по вертикали.

— Вот это я не соображу.

— Наверное, чего-нибудь типа «райского наслаждения». А может, это песня какая?

— Эклер, — сказала Уилла.

— Чего?

— Пирожное такое, французское.

— О, подходит.

Парень согнулся над журналом. Уиллин сосед тоже вписал слово. Питер одарил ее взглядом — да неужто? Уилла улыбнулась.

— А вот еще, мэм: «дорожный набор», начинается на «н», много букв.

— Несессер, — ответила Уилла. Кроссворд, похоже, не первой свежести.

— Не… как?
— Не-сес-сер.
— Спасибо.
— Ну хватит уже, Уилла, — сказал Питер.
— Дать тебе беруши? Я захватила.
Питер вздохнул и уткнулся в ноутбук.
Уилла отметила, что к прежним ее чувствам добавилась радость.

Приземлились они уже на закате и, когда, покинув аэровокзал, вышли ловить такси, воздух был приятно прохладен. Всю дорогу водитель в тюрбане болтал в телефонную гарнитуру, однако Уилла так и не смогла распознать его мелодично журчащий язык. Но, судя по всему, город таксист знал хорошо. Он лихо проскочил через окраины, где желтоватый свет уходящего дня придавал необъяснимую прелесть крышам пакгаузов и фабричным трубам, и, обогнув гавань, вырулил на улицу, по которой группы ярко разодетых людей, обремененных младенцами, пакетами подгузников, сидушками и самодельными плакатами, неспешно вышагивали к бейсбольному стадиону. Покинув городской центр, такси довольно не скоро добралось до района грязно-белых домиков с невысокими крылечками, кое-где украшенных вывеской страховой компании или

ортопедического кабинета. Питер безмолвно смотрел в окошко. Уилла обеспокоенно поправила волосы. Вдруг Шерил окажется вполне взрослой девочкой, которая знает, что они ей вовсе не бабушка с дедушкой? «Кто, говорите, это? — скажет она. — Да я их в глаза не видела!»

Такси подъехало к дому, неотличимому от других.

— Здесь? — спросил водитель.

— Кажется, да. — Уилла посмотрела на покосившиеся цифры на стойке крыльца. 314.

Питер расплатился, таксист достал из багажника их вещи. Чемодан Уиллы, в поездку всегда бравшей много нарядов, был средней величины, максимально допустимой для ручной клади, но сейчас казался несуразно огромным. Наверное, думала Уилла, по дорожке катя чемодан, я выгляжу беженкой, которая со всем своим скарбом прибыла в чужие края. Уже стемнело, однако свет на крыльце не горел. Питер нажал кнопку звонка, и Уилла слегка успокоилась, когда за дверью послышались шаги.

Именно такой она и представляла себе Кэлли: грузная блондинка за пятьдесят, лосины, балетки на крохотных ступнях.

— Ну наконец-то! — Кэлли благодарственно

запрокинула к небу рыхлое бледно-розовое лицо. — Сбылось!

Скорее всего, она имела в виду, что вахта ее чрезмерно затянулась, но Уилла решила трактовать эти слова как искреннюю радость их приезду.

— У вас тут славно, — сказала она, заходя в дом.

Из-за Кэлли выглянул песик, коричневый в белых пятнах, и приветственно завилял хвостом, его потешно огромные уши и впрямь смахивали на крылья аэроплана. В глубине прихожей маячила девочка лет восьми-девяти: пухлые щеки, рыжеватые волосы чуть ниже ушей, обтянутый майкой живот бочонком и такие толстые ляжки, что шорты врезались в промежность. Если честно, Уилла надеялась увидеть кого-то худее и симпатичнее. Но устыдилась этой мысли, которая не возникла бы у *настоящей* бабушки.

— Здравствуй, Шерил, — сказала она.

— Здрасьте.

— Я Уилла.

— Знаю.

— А это Питер, мой муж.

— Здрасьте.

— Привет, — ответил Питер. С небольшой

дорожной сумкой через плечо он выглядел проезжим туристом, а не нахлебником, как Уилла.

— Ой, я себя чувствую полной дурой, — сказала Кэлли. — Вчера я позвонила Денизе, чтоб сообщить о вашем приезде. А она мне: кто-кто едет? Ты рехнулась, что ли? Уму, говорит, непостижимо! Мать Шона, говорит, к Шерил никаким боком! Но мне-то откуда знать, правда? Я вижу список телефонов, где значится «мама Шона», чего же еще-то?

— Конечно, конечно, — успокоила ее Уилла.

— Дениза говорит, перезвони, что не надо ей приезжать, но уж поезд ушел, да и потом… — Видимо, Кэлли не желала распрощаться с шансом на спасение. — Я прям с ног валюсь, — добавила она в свое оправдание. — На работу не хожу, второй день, как взяла больничный! И потом, вы бы сразу сказали, что не желаете ехать, верно?

— Истинная правда. Мы рады помочь. Как там Дениза?

— Говорит, боль жуткая. Я-то с ней только по телефону общалась, а вот Бен, сосед наш, нынче вместе с Шерил съездил в больницу. Сказал, она еще молодцом после этакой передряги.

— А как это произошло? — спросил Питер.

— История — чистый кошмар! Шерил, иди со-

бирай вещи.

Девочка, не спускавшая оценивающего взгляда с Уиллы и Питера, неохотно пошла к лестнице на второй этаж. Следом за ней затрусил песик.

— Нет, она милая, но все ж таки ребенок, понимаете? Господи, я вся измочалилась! — доверительно прошептала Кэлли, а потом заговорила в полный голос: — Так вот, в прошлый вторник мы все тут высыпали на улицу, потому как услыхали невообразимый шум. Что-то тарахтит, аж барабанные перепонки лопаются! Сперва ничего не поймем, потом видим ржавую колымагу с надписью: «Мойка высокого давления». Вы о таком слыхали? Выясняется, что умники из дома напротив удумали в шесть вечера помыть свою террасу. Пристройка эта размером с целый дом — дурь несусветная, никто не видел, чтоб ею пользовались. Мы, значит, переглядываемся и говорим: ну и ну! Никто не желает завести себе террасу, которой требуется помывка? И тут что-то как бабахнет, похоже на выхлоп грузовика, и Дениза брякается на землю, словно ее подстрелили. Мы смеемся: ну Дениза, ну юмористка! А потом глядим — у нее нога в крови. Мать честная! Ее же и вправду подстрелили! «Мамочка!» — вопит Шерил, а Дениза, такая, сама ничего не поймет:

«Погодите, что за дела?» Мы все просто опупели.

— Но кто стрелял-то? — спросила Уилла.

Ответ пришел от Шерил — в обнимку с зеленым мусорным мешком, на каждом шагу хлопавшим ее по коленкам, она спускалась по лестнице. В ногах ее путался пес, но девочка умудрилась не споткнуться.

— Какой-нибудь бандит, это уж точно, — сказала она. — На нашей улице живет Дейв, он частный детектив, у него объявление в окне. Наверное, бандит, которого он выследил, стрельнул в него, а попал в маму.

— Не говори, чего не знаешь, — возразила Кэлли. — Дэйва и дома-то не было.

— А бандит думал, что он дома.

— Конечно, конечно, я полностью с тобой согласна! — проворковала Уилла и тотчас подумала: о господи, я же сама терпеть не могу, когда взрослые сюсюкают с детьми. Просто она обрадовалась, что Шерил с ней заговорила. Однако девочка сюсюканья не пропустила и сощурилась на Уиллу.

— Выходит, паршивый он бандит, если так мажет, — сказал Питер.

Вот он не сюсюкал, и Шерил окинула его одобрительным взглядом:

— Потому-то его и выследили. Дейв сам-то не шибко ловок.

— Логично, — кивнул Питер.

Они друг другу улыбнулись.

Питер нравился детям, что было забавно: Уилла вырастила двух сыновей, тогда как Питер с его первой женой решили не заводить потомство.

— Нет, вряд ли, — сказала Кэлли. — Скорее уж это дело рук Сэр Джо.

— Он на такое не способен, — возразила Шерил.

— Кто это — Сэр Джо? — спросила Уилла.

— Живет в соседнем доме, — пояснила Кэлли. — Такой весь из себя «бунтарь без причины»: гоняет на мотоцикле, пачка сигарет в подвернутом рукаве рубашки…

— Он в жизни этого не сделает, — упрямо повторила Шерил.

— …да еще на бицепсах наколка в виде колючей проволоки. Не забудь собачью посуду, Шерил.

Девочка выронила мусорный мешок и, бросив хмурый взгляд на Кэлли, ушла вглубь дома.

— Скорее бы избавиться от этого хлама, — сказала Кэлли и, понизив голос, обратилась к Уилле: — Это что ж выходит — Шон и Дениза не были женаты? Я знать не знала! Тогда его уход

предстает совсем в ином свете. В смысле, не то, *как* он ушел, но все равно…

Уилла понятия не имела, о чем речь. Ей до смерти хотелось это выяснить, ведь Шон просто уведомил, что съехал от Денизы, и просил больше не звонить по ее номеру, но многозначительное покашливание Питера ее остановило. Мужчины никогда не дадут посплетничать. («Ибо мы деликатны», — сказал бы Питер.)

Уилла вздохнула и ограничилась сентенцией:

— Ох уж эти пары! Поди знай, что у них происходит.

Появилась Шерил с большим пакетом корма и двумя мисками в руках; шагнув к ней, Питер принял поклажу. Супруги пожелали Кэлли доброй ночи, но та закуривала сигарету, а потому в ответ лишь сделала ручкой и с наслаждением затянулась.

По тротуару первым целеустремленно трусил Аэроплан, за ним шла Шерил с мусорным мешком, следом катила чемодан Уилла, замыкал процессию Питер.

— Может, пса взять на поводок? — спросила Уилла.

— Не надо, он тут все знает.

— А вдруг выскочит на дорогу?

— Не-а. Мама говорит, раньше он, наверное, жил у крутого хозяина. Такого, кто считает, что собаки должны подчиняться беспрекословно. Мы его взяли из приюта. Мама разрешила выбрать любую собаку, чтоб я не так сильно переживала из-за ухода Шона.

Уилла как-то не подумала, что девочка, возможно, не хотела разлучаться с Шоном. В ней шевельнулось нечто вроде стыда за сына. Хотя кто его знает, как оно все было.

Фонари перед домом не горели, но его обветшалость была заметна даже в нерешительном сумраке летнего вечера: облупившаяся краска на стойках крыльца, ржавые потеки на черных цифрах железного номера. Давно истрепавшийся коврик перед входной дверью распался на веревочные пряди.

Из-под майки Шерил выудила повешенный на шею ключ, отперла дверь и зажгла верхний свет в прихожей. Справа глазам предстала лестница на второй этаж, слева — арочный вход в гостиную. Жилье умудрялось выглядеть захламленным и пустым одновременно. На полу под дверью кучка корреспонденции, единственный предмет мебели в прихожей — раскладной столик со старомодным черным телефоном, рядом коробка с

крекерами.

— Куда девать собачьи пожитки? — спросил Питер, скинув сумку с плеча.

— Сюда. — Шерил провела гостей в кухню.

Линолеум с абстрактным узором в духе пятидесятых годов прошлого века, устарелая громоздкая утварь. Точно такая кухня была в родительском доме, с теплым чувством подумала Уилла. Она огляделась и подошла к настенному телефону, над которым скотчем был приклеен бумажный листок. В отпечатанной колонке имен никакой «мамы Шона» не значилось. Она обнаружилась на краю листа, где была от руки коряво записана рядом с номером «Королевской пиццы».

Пакет с кормом и собачьи миски Питер поставил на стол. Аэроплан улегся на клетчатую фланелевую подстилку возле черного хода и звучно зевнул.

— Шерил, ты ужинала? — спросила Уилла.

— Ну вроде как.

— То есть?

— Съела китайскую еду на вынос, что нашлась в холодильнике Кэлли.

— Хочешь, я что-нибудь приготовлю?

— Я сыта.

— А ты, Питер?

— После столь обильной самолетной кормежки глаза на еду не смотрят.

Незадолго до посадки им подали кусочек сыра и крекеры.

— Очень смешно, — сказала Уилла. — Шерил, в доме есть гостевая комната?

— Конечно. Я покажу.

В прихожей взяв свой багаж, Уилла и Питер следом за девочкой поднялись на второй этаж. Гостевая комната была в конце коридора, рядом с ванной. Две односпальные кровати, между ними комод, для иной мебели места уже не осталось. Розовые обои с узором в виде белых маргариток.

— Надо же, раздельные кровати, — притворно опечалился Питер.

Уилла утешительно похлопала его по руке.

— Где взять белье? — спросила она.

— Кровати уже застелены. — Шерил приподняла покрывало. — Мама говорит, если вдруг ночью у соседей сгорит дом, мы должны быть готовы их приютить.

— И часто это бывает? — поинтересовался Питер.

— Пока что ни разу.

Уилле понравилось, что девочка все время ссылается на мать. Похоже, Дениза не равнодушная

мамаша, она занимается дочерью.

Шерил открыла дверь крохотного чуланчика:

— Вешалки. — Величественный жест. — Мешок для обуви.

— Прелестно. — На кровати Уилла раскрыла свой чемодан.

— А телевизор у вас есть? — спросил Питер.

— Внизу, в гостиной.

— Си-эн-эн принимает?

— Не знаю.

— Пойду проверю. — Питер вышел из комнаты.

При ближайшем рассмотрении выяснилось, что у Шерил лицо слегка одутловато, но кожа нежного золотистого оттенка, а глаза перламутрово-серые. Видимо, девочка проводила собственный осмотр, потому что вдруг спросила:

— Вы пользуетесь карандашом для губ?

— Э-э… да.

— Так я и думала.

Уилла подавила желание справиться, хорошо ли это.

Девочкой в возрасте Шерил она боялась пожилых женщин. Просто до ужаса. Встретив какую-нибудь старуху, Уилла внутренне вздрагивала и отводила взгляд. Хотя однажды в супермаркете

смело взглянула в лицо пожилой продавщице, отругавшей ее за то, что она «лапает груши», но только благодаря большим солнечным очкам, скрывавшим ее глаза. Теперь, постарев, Уилла опасалась, что сама превратилась в пугало, которого боятся дети. Но у нее отлегло от сердца, когда Шерил, не скрывая любопытства, заглянула в ее чемодан.

— Почему у вас вся одежда завернута в гигиенические салфетки? — спросила девочка.

Видимо, она имела в виду папиросную бумагу.

— Так поступают женщины, которым некуда девать время.

— Хм.

Уилла рассмеялась. Приезд ее не был ошибкой. Она бы не смогла объяснить, откуда взялось это ощущение, но оно возникло.

— «На северо-востоке Балтимора неизвестный преступник ранил женщину», — прочла Уилла заголовок газетной вырезки, которую подобрала с пола вместе с рекламными листовками и счетом за электричество. Вообще-то в кипе корреспонденции было три таких одинаковых вырезки. Видимо, соседи накидали в почтовую щель.

Полиция сообщает об очередном случае стрель-

бы в Балтиморе. Во вторник около 5.45 пополудни тридцатиоднолетняя женщина вышла во двор своего дома № 300 по Доркас-роуд и получила огнестрельное ранение в ногу.

Женщина госпитализирована, жизни ее ничто не угрожает. Подозреваемых нет.

«Скоро уж на улицу не выйти, чтоб глянуть мойку высокого давления, — высказался один местный житель. — Доколе?»

Всех, кто располагает сведениями о данном инциденте, просят обратиться в полицию.

Уилла положила газетные вырезки к вещам, которые завтра они отнесут в больницу. На столике в прихожей уже лежали махровые тапочки, сборник словесных головоломок и список звонков, печатными буквами старательно составленный Шерил: «Миссис Минтон звонила узнать, как ты», «Дантист напомнил, что нам пора на осмотр», «Звонил Хаул».

Что за Хаул?

По лестнице кубарем скатилась Шерил:

— Давайте посмотрим «Космический мусор»?

— А что это?

— Вы не знаете?!

— Да как-то пропустила.

— Ой, вам понравится! Лучший на свете сериал.

Посмотрим вместе? Ну пожалуйста!

— Во сколько начинается?

— Да в записи, глупышка!

Уилла хотела обидеться, но потом решила, что столь быстрый переход к панибратству — добрый знак.

— Давай проверим, не смотрит ли Питер новости.

Они прошли в гостиную. Телевизор был включен на канал Си-эн-эн, но Питер, закинув ноги на журнальный столик, разглядывал свой смартфон.

— У вас случайно нет вай-фая? — спросил он.

— Конечно, есть.

— Но пароля ты, наверное, не знаешь?

— «Шерил 2008». Не хотите с нами посмотреть «Космический мусор»?

— Нет, спасибо. — Колдуя над смартфоном, Питер пересел в кресло в углу комнаты.

Шерил плюхнулась на его место и похлопала по кушетке, приглашая Уиллу:

— Садитесь, садитесь!

Кушетка, обитая коричневым вельветом, на котором были хорошо заметны крошки и жирные пятна, кое-как сочеталась с креслом в коричневых цветах, где устроился Питер. Из обстановки

в комнате еще были качалка и овальный зеленовато-коричневый плетеный коврик. Все обшарпанное и явно из комиссионки. А вот телевизор с плоским экраном, располагавшийся на тумбочке с колесиками, выглядел относительно новым; на полке под ним кучей громоздились всякие электронные приспособления. С журнального столика Шерил взяла дистанционный пульт, лежавший рядом с пожелтевшим филодендроном в горшке, и уверенно потыкала кнопки. На темно-синем фоне возникла серебристая летающая тарелка, зазвучала зловещая космическая музыка. Точно по команде, в комнату притрусил Аэроплан и, забравшись на кушетку, уселся между Шерил и Уиллой.

— Это его любимый сериал, — сказала Шерил.

Пес и вправду не сводил глаз с экрана, развесив уши. Хотя они и так всегда торчали в стороны.

Питер на секунду оторвался от смартфона:

— У жены Боба Грэма инсульт.

— Какое несчастье, — откликнулась Уилла, стараясь вспомнить, кто такой Боб Грэм.

— Сейчас я вам расскажу, в чем там дело, — сказала Шерил. — Люди обедают в закусочной. Друг с другом они не знакомы, просто у них обеденный перерыв. И тут их похищают космические

пришельцы, которые подумали, что все они — семья. Понятно? Инопланетяне хотят их изучить и выяснить, что такое земная семья. Усекли?

— Усекла.

На экране пришелец, выглядевший совсем как землянин, если не считать антенны во лбу, слушал немолодую негритянку в деловом костюме и смуглого мужчину в полосатом комбинезоне, говоривших одновременно. Полосатый изъяснялся по-испански.

В прихожей зазвонил телефон.

— Блин! — Шерил вперилась в экран.

Телефон звонил.

— Может, надо ответить? — сказала Уилла.

Шерил глубоко вздохнула, нажала кнопку паузы и встала с кушетки. Аэроплан не шелохнулся; он напряженно смотрел в экран, как будто стараясь усилием воли оживить картинку.

— Рон говорит, меня ждут на августовскую встречу с клиентами в Сан-Диего, — сообщил Питер.

Из прихожей донесся голос Шерил:

— Дом Карлайлов… Привет, мам… Да, она здесь. И он тоже… Что?.. Ну муж ее, Питер. Мой дедушка.

Видимо, Дениза ее поправила, потому что Ше-

рил сказала:

— Да, знаю, но он *вроде как* дедушка… Что?.. Да, я показала, что кровати застелены, и все остальное.

Уилла ждала, что ее позовут к телефону, что Дениза захочет с ней перемолвиться, но Шерил попрощалась:

— Ладно, передам. Пока.

Клацнули телефонные рычаги. Шерил вернулась в гостиную.

— Мама сказала, ключи от машины на крючке возле кухонной двери. Завтра после десяти можно ее навестить.

— Как она?

— Не сказала. — Шерил уселась на кушетку и включила «воспроизведение». — Здоровское кино, правда?

— Правда, — согласилась Уилла.

На экране подросток в белом фартуке через слово матерился, но Шерил с Аэропланом даже глазом не моргнули.

По словам Шерил, у нее не было установленного времени отбоя, но спорить она не стала, когда в девять часов Уилла предложила ей укладываться.

— Только Аэроплану надо пописать, — сказала

девочка. — Мама всегда его выводит, перед тем как он придет ко мне спать.

— Хорошо, я его прогуляю, а ты пока переоденься в пижаму.

Питер поднял голову от ноутбука:

— Ты спятила?

— А что?

— Собираешься одна разгуливать в темноте, хотя недавно здесь подстрелили человека?

Шерил задержалась в дверях:

— Тот бандит не станет торчать тут вечно.

— Я пойду с тобой. — Питер отложил ноутбук и встал.

Непонятно, как он сумеет защитить ее от шальной пули, но Уилла была ему признательна за готовность.

На улице было тепло и душно, слышался стрекот цикад.

— Не представляю, как люди живут в такой влажности, — сказал Питер.

— Я видела, в нашей комнате есть кондиционер. Если что, включим.

— Без всяких «если».

Уилла несла пластиковый пакет, выданный ей для собачьих какашек, однако надеялась, что он не понадобится. Выгуливать пса без поводка

как-то боязно. А если он не станет слушаться? А если убежит?

Но Аэроплан покорно трусил впереди, лишь изредка останавливаясь, дабы исследовать нечто невидимое. На кошку, тенью проплывшую в сумраке, он только покосился, но и та не одарила его вниманием. Перед домом Кэлли пес задрал лапу, после чего посмотрел на Уиллу. Видимо, закончил моцион.

— Хороший мальчик, — сказала Уилла и развернулась обратно.

— Как думаешь, сколько Дениза пробудет в больнице? — спросил Питер.

— Завтра, наверное, узнаем.

— У меня не так много времени.

— И что теперь?

«Я же не просила ехать со мной», — хотела она сказать, но это было бы грубо. Уилла взяла мужа под руку:

— Я думаю, она там ненадолго.

В доме Питер опять раскрыл ноутбук, а Уилла с Аэропланом поднялись в спальню Шерил. Для детской комната казалась очень опрятной. Единственный беспорядок, если так можно сказать, — скопище лошадиных статуэток на комоде. Сидя в кровати, Шерил во что-то играла на

мобильном устройстве. Она уже была в розовой пижаме с короткими рукавами, открывавшими ее плечи, мягкие и пухлые, как у взрослой женщины. Уилла укорила себя за это сравнение.

— Уилла, я хотела спросить…

— Да, милая?

— Может, Шон заедет повидаться с вами, раз уж вы в Балтиморе?

— Сомневаюсь, дорогая, — сказала Уилла, хотя всей душой хотела обнадежить девочку.

Аэроплан вскочил на кровать и деликатно улегся в ногах хозяйки. Пожелав им обоим спокойной ночи, Уилла сошла вниз.

3

— Ужасно неловко, — сказала Дениза. — Чем только Кэлли думала?

Она сидела в кровати и казалась совершенно здоровой, если не считать ногу, загипсованную от колена до лодыжки. Увидев Денизу, Уилла поменяла свой взгляд на ее дочку, ибо теперь стало ясно, как та будет выглядеть взрослой, — не толстушкой, но соблазнительной пышкой, которой легкий излишек веса только добавляет прелести. Не вполне четкий пробор, разделявший темно-русые волосы длиной ровно до плеч, и полное

отсутствие косметики придавали Денизе весьма домашний облик.

— Очень хорошо, что она позвонила. — Уилла долго усаживалась в пластиковое кресло, отвлекая внимание от Питера, не разделявшего ее радость. Он занял позицию в дверях, словно в любую минуту готов был уйти, Шерил присела в изножье кровати. Вторая койка была свободна. Маленькая, но не душная палата, щедро залитая солнцем из узкого окна, выходившего на больничную парковку, в целом производила приятное впечатление. — Правда, я удивилась, что у вас оказался мой номер.

— Да я сама не знала! Что за ерунда, говорю, когда Кэлли сказала о звонке. А потом вспомнила: вы переехали в Тусон и попросили сообщить Шону ваш новый номер, вот я его и записала.

— На листке с экстренными телефонами, — добавила Шерил. — Там, где врач, дантист, помощь при отравлении… как будто я возьму и наглотаюсь маминых таблеток от аллергии.

Рядом с матерью она выглядела очень спокойной и раскованной: поставила ногу на кровать и, обхватив ее руками, оперлась подбородком о колено. С Денизой они были удивительно похожи: одинаковый золотистый оттенок кожи и перла-

мутрово-серые глаза. Вот только у Шерил губы полнее и четче очерчены — видимо, наследие неведомого отца.

— Не понимаю, отчего Кэлли так всполошилась, — сказала Дениза. — С Шерил никаких проблем! Она часто остается дома одна. Всего-то и надо было днем позвонить — мол, как у нее дела, ну и забрать к себе на ночь.

Шерил приподняла голову:

— Или отправить меня к Сэр Джо!

— Ну вот еще!

Шерил вздохнула.

— Как бы то ни было, мы здесь, — сказала Уилла. — Питер, где вещи, которые мы принесли?

Муж передал ей бумажный пакет.

— Вот головоломки, тапочки…

— Хватило бы одного. — Дениза пошевелила пальцами левой ноги, выглядывавшими из гипсового панциря.

— Я так и хотела, но Шерил не помнила, в какую ногу вас ранили. — Уилла сунулась в пакет. — Еще всякая корреспонденция…

— По-вашему, кто это сделал? — спросил Питер.

— Что?

— Кто вас подстрелил?

— Ой, не знаю. Я даже не сразу поняла, что случилось. Смешно, подумала я, ноги почему-то не держат. И села на землю. Боли совсем не было, представляете? Поначалу. А уж потом — ой-ой-ой! Хуже нет костной боли. — Дениза повернулась к дочери: — Слушай, хорошее название для песни, а? «Костная боль», слова и музыка того-то и того-то. Первое место в списке шлягеров.

Шерил захихикала.

— Нет, серьезно, — не унимался Питер. — Может, кто-то из ваших знакомых?

— Не знаю, хоть убейте. В наших краях кто только не палит.

Питер умолк.

Дениза перебирала корреспонденцию:

— Чепуха, которую не стоит и вскрывать. — Она дошла до списка телефонных звонков и посмотрела на дочь: — Звонил Хал?

— Угу.

— Ах, Хал! — воскликнула Уилла.

Мать и дочь на нее взглянули.

— А я думала, что за Хаул? — пояснила она. В свете балтиморского выговора, превращавшего «баул» в «бал», описка Шерил стала понятной.

— Что он хотел? — спросила Дениза.

— Не сказал.

— Ну сейчас не до него. — Дениза кинула список звонков в почтовую кипу.

— Хал, он, это, сосед наш, — объяснила Шерил. — Ужасно мрачный и злой.

— А на что он злится? — спросила Уилла.

— На что он только не злится, — сказала Дениза. — Понимаете, одно время я дружила с его женой. По крайней мере, старалась дружить, потому что других девушек моего возраста в округе не было. Я до смерти обрадовалась, когда они с Халом поселились в нашем квартале. Хотя он, конечно, не подарок… Раз-другой я пригласила ее к себе на стаканчик вина. Шон приходит с работы, я ему — милый, смотри, кто у нас! А он только буркнет «вижу» и спрашивает, скоро ли ужин. Ну вот… А вы что, не знаете эту историю?

— Нет, не знаю, — ответила Уилла.

— Ну ладно. Однажды я, значит, говорю Шону: слушай, говорю, я не понимаю, отчего ты так взъелся на мою подругу? Чего, спрашиваю, она тебе сделала? У нас тут, говорю, нет вообще никаких друзей, поэтому в субботу она с мужем придет к нам в гости, и я очень надеюсь, что ты будешь с ней мил, понятно? Ладно, отвечает, как скажешь. В субботу они приходят к нам на ужин, и весь вечер Шон — сама вежливость. А утром в

воскресенье он с ней съезжается.

— Что? — не поняла Уилла. Питер насторожился. — Извините, кто с кем съезжается?

— Шон с Элиссой.

— Погодите. С женой, то есть, Хала?

— Так вы ее знаете.

— Нет-нет, я только слышала, что есть какая-то Элисса. Что-то я не соображу…

— Он как будто сказал: значит, быть с ней милым? На, получай! И сбежал к ней. Нет, конечно, все было по-другому. Сейчас-то я понимаю, что у них уже были отношения и он нарочно изображал холодность. Неужели не мог сказать прямо? В таких делах мужчины ужасно неуклюжи. И теперь у меня ни парня, ни подруги. Никого не осталось.

— Мам, у тебя есть я, — возразила Шерил.

— Вот на что злится Хал, — безучастно сказала Дениза.

— О господи! — выдохнула Уилла.

— Пойду посмотрю, не продают ли здесь «Нью-Йорк таймс», — вдруг сказал Питер и вышел.

Да уж, мужчины и впрямь ужасно неуклюжи, подумала Уилла. Она посмотрела вслед мужу и повернулась к Денизе, которая украдкой вытирала глаза простыней. Из сумочки Уилла достала

салфетку и подала ей.

— Глупо, глупо, глупо. — Дениза высморкалась. — Я реву не от печали. Больше, пожалуй, от злости. — Казалось, она обращается к Шерил, которая поглаживала ее по загипсованной ноге.

— Я просто в ужасе, — сказала Уилла.

Ситуация была, мягко сказать, неловкая. Уилла не могла даже извиниться за сына, хоть очень хотелось. Она беспомощно посмотрела на Шерил.

— Успокойся, мама, — сказала девочка. — Он вернется, вот увидишь.

— Господь с тобой, я этого вовсе не хочу! Смеешься, что ли? Он мне даром не нужен! — Дениза взглянула на Уиллу и добавила: — Извините.

— Ничего, все в порядке. Должна признать, Шон всегда был не особо… прямолинеен.

Грузно топая, медсестра — огромная негритянка — вкатила в палату какой-то агрегат. Ее униформа с аппликацией медвежат напоминала пижаму.

— Что такое? — спросила она. — Мы расстроены, дорогуша?

— Просто нервы, — в салфетку буркнула Дениза.

— Нахлынули грустные воспоминания, — пояснила Шерил.

— Вона! Так не годится. — Сестра сунула цифровой термометр Денизе в рот. — Благодари судьбу, все могло обернуться куда как хуже! Угадай пуля в позвоночник, нате вам паралич. Знаешь, сколько повидала я молодых, что лежат мешком?

Дениза помотала головой, во рту ее звякнул термометр.

— Уж все привыкли, что на улицах палят. Тут привезли к нам двух подстреленных братцев, так они еще в приемном покое заявили, что хотят навороченную инвалидную коляску, какая у их старшего брата, кузенов и закадычных друзей.

Уилла сокрушенно крякнула, сестра перевела взгляд на нее:

— Не так часто к нам доставляют подраненного европеоида. — Последнее слово она выговорила старательно — наверное, с тем же усердием Уилла произнесла бы «афроамериканец».

Пикнул термометр. Сестра его забрала, но лишь мазнула по нему взглядом, сдернула и отправила в мусор защитную пленку, а сам градусник сунула в банку к другим термометрам.

— Болит сильно? — спросила она. — Если по шкале от одного до десяти.

— Одиннадцать, — сказала Дениза.

— Не ври. По глазам вижу, не так уж больно. Не

жди, что увеличу тебе дозу.

— Да мне и не нужно. Тем более толку никакого, от ваших лекарств только тошнит.

Сестра покачала головой и занялась агрегатом: крутанула диски, нажала кнопки.

— Я даже не желаю знать, во что обойдется лечение, — добавила Дениза.

— А страховка есть? — спросила Уилла.

— Ну вроде как.

Уилла решила не уточнять, что это значит.

— Конечно, сейчас лето, но даже летом мне надо иногда появляться на работе.

«Как же я не сообразила, что она работает?» — подумала Уилла. Конечно, мать-одиночка должна зарабатывать.

— Чем вы занимаетесь? — спросила она.

— Я секретарша в школе, где учится Шерил.

— Очень удобно.

— Да, ей разрешено болтаться в школе, пока я не закончу работу. Нынче утром звонила миссис Андерсон, директор, сказала, чтоб я не парилась — мол, лечись сколько надо. Но я должна помочь им подготовиться к учебному году!

— По крайней мере, у тебя *есть* работа, — сказала сестра, сматывая электрошнур.

— Слушай, хватит меня подбадривать, а?

Медсестра поцокала языком и выкатила агрегат из палаты.

— Мам, у нас там шастает коп, — доложила Шерил. — Ходит по домам, расспрашивает, не видел ли кто, как тебя подстрелили.

— Да, он и сюда приходил. Бугай. Такой вид, будто все это ему жутко надоело. Может, вы, спрашивает, кому задолжали? А я ему — чего? Еще скажите, мой наркодилер вот так вот потребовал должок за кокаин! А он — мэм, говорит, я лишь задаю вопросы, какие велено задать. Не ерепеньтесь.

— О господи! — вздохнула Уилла.

— Терпеть не могу, когда меня называют «мэм».

Повисла пауза. В коридоре слышался женский голос: «Не то чтоб я ошалела, но и не сказать, что мне фиолетово. Наверное, я просто опупела».

— Могло быть хуже, — сказала Уилла. — Он мог назвать вас «леди».

— Фу! — сморщилась Дениза, однако настроение ее, похоже, исправилось. Она посмотрела на дочь: — Ты хорошо себя вела, голубушка?

— Ага.

— С ней очень легко, — вставила Уилла.

— Ой, мам, что я тебе расскажу! На завтрак

Уилла мне сделала «Яичный пузырь»!

— Вон как? — сказала Дениза.

— В сковородке растапливаешь большой кусок масла, потом туда разбиваешь яйцо и поливаешь его маслом, пока оно не раздуется, как… воздушный шар! Ничего вкуснее я не ела!

— Везет тебе! Похоже, ты хорошо проводишь время, — улыбнулась Дениза. — Надо, чтоб меня подстреливали почаще.

Уилла заерзала, собираясь сказать что-нибудь вроде «типун вам на язык», но Шерил только рассмеялась и ласково похлопала мать по загипсованной ноге:

— Ты глупышка!

Какой замечательный, уравновешенный ребенок, подумала Уилла.

Вернулся Питер, в руках он держал газету и пластмассовый горшочек.

— Посмотри, что я нашел в сувенирном киоске. — Он передал Уилле горшочек, в котором сидел маленький кактус карнегия — единственная колючая лапка не выше большого пальца.

Уилла ойкнула, принимая подарок. Малыш, у которого колючки еще были очень близко друг к другу, смахивал на старичка в седой щетине.

— Дениза, вы когда-нибудь видели карне-

гию? — спросила Уилла.

— Вживую — нет.

— Обычно они огромные, двадцать-тридцать футов в высоту.

Уилла как будто оправдывалась. Она жалела этот кактус, словно тигра, посаженного в клетку. Карнегии не должны быть крохотными! В них ничего умилительного! Они, спокойные и терпеливые, стойко выдержали все — от стрел апачей до торговых центров. Но Питер был так доволен своим приобретением, что пришлось сказать:

— Спасибо, дорогой.

— На здоровье. — Он хлопнул себя газетой по ноге. — Ну так что, Дениза, когда вас выпишут?

— Через пару дней, наверное.

— Не считая сегодняшнего?

— Видимо, так.

Питер посмотрел на жену:

— А еще говорят, больницы спешат вытурить пациентов. Вот вам, пожалуйста.

— Я после операции, чего вы хотите? — сказала Дениза.

— У Шерил есть настоящие бабушки-дедушки? — спросил Питер.

Уилла была готова его убить. Он все испортит!

— Да, есть моя мама, — ответила Дениза. — Но

у нее болезнь Паркинсона, она живет в Род-Айленде у моего брата и его жены.

Даже Питеру не хватило наглости справиться о родственниках со стороны отца девочки. Он только многозначительно посмотрел на Уиллу, и та прочла его взгляд: «Все ты! Загнала нас в ловушку!» Она ответила своей самой милой улыбкой и спросила Денизу, что принести ей в следующий раз.

4

Аэроплан был невероятный симпатяга. Кустистые темные брови над умными карими глазами придавали ему чрезвычайно озабоченный вид, а черные точки на карамельного оттенка усатой морде напоминали испещренную дырочками голову куклы с «натуральными волосами», какая была у Уиллы в детстве. Да еще неподражаемые уши, торчавшие в стороны, словно держались на подпорках. Но они были вовсе не жесткие.

Уилла пропустила собачье ухо меж пальцев, ощущая его необычайную мягкость. Потом для ровного счета погладила второе ухо и, сунувшись лицом к бархатистому песьему носу, спросила:

— Ну как оно ничего, Аэроплан?

Пес радостно задышал, обдав ее мясным духом

и заставив отстраниться.

В руке Уилла держала мобильник, которым пользовалась редко, но сейчас она звонила Шону, а номер его был в списке контактов. Прижав телефон к уху, Уилла слушала гудки. Во второй половине дня поймать сына реальнее, ибо вечером он, как правило, недоступен. Но, видимо, она просчиталась, поскольку Шон не отвечал.

А потом вдруг взял трубку:

— Мам?

— Здравствуй, милый. Извини, что звоню на работу. Я подумала, хорошо бы нам сговориться об ужине.

— Ты в Балтиморе?

— Да.

— Как Дениза?

— Ничего. — Уилла обрадовалась вопросу — ведь мог и не поинтересоваться, он такой. — Она все еще в больнице, мы присматриваем за Шерил.

О ней Шон не спросил.

— Ужин, значит, — пробурчал он. — Выходные у нас, похоже, заняты… Как насчет понедельника?

Уилла растерялась. До понедельника еще пять дней, они с Питером, возможно, уже уедут.

— А раньше никак? — спросила она.

— Ты же не предупредила заранее.

— Да, но… Хорошо, понедельник.

— Я где-нибудь закажу столик. На четверых, да? Питер придет?

— Да, конечно… но, может, нам придется взять с собой Шерил, если Денизу еще не выпишут.

— А что, пару часов она не побудет одна?

Уилла расстроилась.

— Мне кажется, она была бы рада повидаться с тобой.

— Боюсь, мам, это не совсем удобно.

— Да?

— И Дениза наверняка будет против.

Пожалуй, он прав.

— Да, извини, я не подумала.

— Ничего страшного, если девочка посидит одна. Она самостоятельная.

— Вечером — одна? Она же ребенок.

— Ничего, устроим ранний ужин. Ты вернешься засветло.

— Ну ладно. Что-нибудь придумаем. Буду ждать твоего звонка.

— Свяжемся, — сказал Шон и повесил трубку.

Уилла положила телефон на кушетку и опять ткнулась носом в собачью морду.

— Ох, Аэроплан, — сказала она.

Пес негромко заскулил. Уилла его обняла и прижалась щекой к теплой шелковистой макушке.

За день она лучше узнала обитателей дома и его уклад. Шерил выглядела аккуратисткой с привычками степенной пожилой дамы — например, она сама стирала свои вещи, потому что мать, по ее словам, долго держала белье в сушилке, и оно сморщивалось. А вот комната Денизы выставила свою хозяйку неряхой: незаправленная постель, разбросанная одежда вперемешку с журналами «Пипл» и банками из-под диетической пепси. Судя по всему, кухня с ее парой-тройкой кастрюль и сковородок, разномастными тарелками и стаканами предназначалась лишь для самой элементарной готовки, но вместе с тем в ней имелись электромиксер, а также большой запас форм и противней для выпечки, ибо Шерил, как выяснилось, обожала печь. Вот вырасту, поведала она, и, наверное, открою свою кондитерскую, где стану выпекать праздничные торты.

Вообще-то дом выглядел голым — небольшие комнаты были скудно обставлены мебелью, хорошо пожившей в других местах. На стене гостиной висели репродукция «Подсолнухов» Ван Гона в рамке и плакат панк-рок-группы «Рамоны».

На полке стояли только детские книги — для совсем малышей и для ребят постарше, в основном о лошадях. Казалось бы, убогость жилища должна вызывать сочувствие, однако Уиллу переполняла зависть. Она слонялась по комнатам, с удовольствием вслушиваясь в стук каблуков по истертым половицам. Через окно смотрела на неухоженный задний двор, где Питер с ноутбуком сидел за кованым столиком, покрытым ржавчиной. Подслушивала разговор Шерил с матерью, звонившей уже третий раз за день: «У нас все хорошо, мам. Мы сходили в “Гигант”, накупили продуктов. На ужин у нас свиные отбивные». Дениза сказала, что сегодня ее навещать уже не надо, но теперь Уилла засомневалась, не сходить ли к ней еще разок. А то ведь мается человек на больничной койке.

В маленьком, шага в три-четыре, запущенном палисаднике Уилла разглядела парнишку, подстригавшего изгородь из самшитовых кустов. Она сразу поняла, что это не заурядный садовник. Во-первых, он смахивал на гнома. Тощий, как стручковая фасоль, паренек был облачен в джинсы трубой, сине-белую полосатую фуфайку и вязаную шапочку в красно-белую полоску, из-под которой, опровергая закон притяжения,

почти горизонтально торчали золотистые кудри длиною, видимо, до плеч. Кроме того, он явно не знал, что нужно делать. Неловко ухватив садовые ножницы, парень срезал веточку, потом, через долгую паузу, другую. Вжик — раздумье, вжик — раздумье. Время от времени он поглядывал на дом, словно рассчитывая, что его заметят.

Уилла открыла сетчатую дверь и вышла на крыльцо:

— Добрый день.

— О, здрасьте! — с наигранной бойкостью сказал паренек.

— Подстригаешь изгородь, значит?

— Да, мэм. — На вид мальчишке было лет пятнадцать, не больше. Заостренный подбородок вкупе с островерхой шапочкой придавали его голове ромбовидную форму. — Решил, знаете ли, помочь Денизе. Я сосед ее. — Он показал на дом справа от Уиллы.

— Очень любезно с твоей стороны, — сказала Уилла. Изгородь и впрямь нуждалась в уходе — побеги устремлялись во все стороны, — вот только навыки добровольца в ландшафтном дизайне не внушали особого доверия. — Я передам Денизе. Она будет признательна.

— Скоро она вернется?

— Наверное, через пару дней.

— Сначала я хотел постричь лужайку, но тут вроде и травы-то нет. Такой, заметной глазу.

— Пожалуй, что и нет…

— Эрланд? — Шерил выскочила на крыльцо, грохнув сетчатой дверью. — Чего ты здесь затеял?

— Подравниваю изгородь, не видишь?

— Никто тебя не просил.

— Я решил помочь.

Шерил скатилась с крыльца и, подбоченившись, встала перед парнем:

— О чем вы тут говорили?

— Ни о чем! Говорю же, я решил помочь твоей маме.

— С чего ты взял, что ей нужна твоя помощь?

— Я думаю, ей будет приятно, — сказала Уилла.

— Почем знать! Может, она хотела вырастить изгородь повыше!

Она ведет себя как ревнивая младшая сестра, подумала Уилла и уж хотела заступиться за парня, но ее перебил чей-то оклик от дома слева:

— Всем привет!

Согбенная старуха в домашнем халате опиралась на ходунки, к перекладине которых был привязан поводок бассет-хаунда.

— Ай, какой же ты молодец, Эрланд Эриксон, — сказала она. — Дениза будет в восторге.

— Да я просто надумал помочь.

— А еще говорят, что нынешняя молодежь только о себе и думает. Кстати, я — Люсинда Минтон.

— Уилла Брендан. Я приглядываю за Шерил, пока Дениза в больнице.

— Ну вот, Шерил, кругом тебя добрые люди. Экая удача! Я бы и сама тебе подсобила, да вот только хожу неважно.

— У нас все хорошо, — сказала Шерил и, повернувшись к Эрланду, повторила: — Все хорошо у нас. Правда.

— Ну раз ты говоришь… — Парень опустил ножницы. Похоже, он расстроился.

— Когда Дениза выписывается? — спросила миссис Минтон.

— Еще неизвестно, — сказала Уилла. — Может, через пару дней.

— Я, знаете, как раз стояла тут с собакой и все видела. То есть стрелка-то никто не приметил, но вот прямо на моих глазах бедняжка рухнула наземь и сказала: «Убили меня!»

— Ничего такого она не говорила, — возразила Шерил.

— Нет?

— Она вообще молчала. И даже не сразу поняла, что ее ранили.

— Вот ей-же-ей, она сказала: «Убили меня».

— Не сказала.

— Ну ладно, — вмешалась Уилла, — нам пора приниматься за готовку.

— На ужин у нас свиные отбивные, — похвасталась Шерил.

— Везет вам, — сказала миссис Минтон.

— А я испеку бисквиты. По компьютеру Питер нашел рецепт, и Уилла его переписала.

— Видал, Эрланд, какие милые люди? — спросила миссис Минтон.

На том все разошлись по своим домам.

Идея свиных отбивных исходила от Питера, еще утром приметившего на заднем дворе газовый гриль. Он считал себя непревзойденным мастером этого блюда.

— Чудесное предложение! — буквально пропела Уилла, обрадовавшись, что наконец-то муж проявил инициативу. Оказалось, Шерил никогда не пробовала свиные отбивные. Во всяком случае, этого не помнила, и Уилла добавила сей факт в копилку информации. У нее уже сложилось впечатление, что Дениза специализировалась на консервированных макаронах и рыбных па-

лочках.

Пока Питер возился с грилем, Шерил занялась бисквитами, с уморительной сосредоточенностью собирая ингредиенты по списку. Через ее плечо Уилла заглянула в рецепт и предложила влить чуть больше молока, что позволило бы ложкой выкладывать тесто на противень, вместо того чтобы раскатывать и нарезать.

— А я люблю раскатывать и нарезать, — сказала Шерил, достав из ящика профессиональную мраморную скалку.

Уилла решила ей не мешать и стала прибирать за Питером. Он, свято веривший в свой маринад, все оставил на столешнице: незакупоренную бутылку уксуса, открытую пачку желтого сахарного песка, солонку…

— Я и подумать не мог, что в доме нет соли, — кипятился Питер. — Нет, я знал, что надо прикупить можжевеловых ягод, но чтоб еще и соль!

Столовое серебро (то есть ложки-вилки из нержавеющей стали) хранилось в ячейках ящика, щедро замусоренного хлебными крошками, всякими крупинками и засохшими листьями петрушки. Уиллу подмывало вытряхнуть содержимое ящика и отдраить его, но она боялась

обидеть Денизу. Однако потом решила, что хозяйка попросту ничего не заметит, и взялась за дело. Тем временем Шерил энергично смешивала масло с мукой. Передник она не надела, и майка на ее выпиравшем животе припудрилась белым.

— Почему в такую жару Эрланд ходит в вязаной шапке? — спросила Уилла.

— Наверное, потому, что козел.

— Кто его родители?

— У него нет родителей. Только Сэр Джо.

— А кто он такой, Сэр Джо? — Уилле уже давно хотелось это выяснить.

— Он Эрланду… полубрат? Как это сказать, если люди женятся, а у них уже есть дети от прежних браков?

— Сводный брат.

— Ну вот. Родители отчего-то умерли, и Сэр Джо досталась эта обуза. У него мотоцикл, — добавила Шерил, в голосе ее слышалось обожание. — А вся его одежда из черной кожи, даже штаны.

— Кожаные штаны летом? Да, видно, у них это семейное.

На шутку девочка никак не откликнулась и, вывалив приготовленную массу на столешницу, взялась за скалку. Сэр Джо явно вызывал в ней совсем иные чувства, нежели его сводный брат.

Со двора в кухню вошел Питер.

— У вас есть ершик для гриля? — спросил он, брезгливо отирая руки.

— Где-то был, только не помню, куда мама его положила, — сказала Шерил.

— Там все в нагаре и паутине. Наверное, грилем уж сто лет не пользовались.

— Им занимался Шон, — объяснила Шерил. — Мама боится газа.

Питер насмешливо хмыкнул, но девочка оставила это без внимания, поскольку приступила к нарезке кружочков. Инструкция рекомендовала воспользоваться стаканом, однако Шерил достала из ящика специальный нож с фигурным лезвием.

— Надо же, как хорошо ты оснащена, — уважительно сказала Уилла.

— У меня еще есть разные формы и формочки.

— Скажите на милость!

— Я всегда прошу, чтобы на Рождество и день рождения мне дарили что-нибудь для выпечки.

Все еще надеясь отыскать ершик, Питер рылся в хламе под раковиной, но теперь обернулся и посмотрел на Шерил:

— Слушай, а у тебя друзья-то есть?

— Полно, — невозмутимо ответила девочка. —

В школе.

— Нет, среди соседей?

— На Доркас-роуд — никого. А мои подруги Пэтти и Лори Дюмон с Бриско-роуд сейчас гостят у родственников. — Шерил выкладывала кружочки на противень — идеальными рядами, точно в полудюйме друг от друга. — На нашей улице одни взрослые, из детей только я и Эрланд. Но я не такой уж ребенок. Я гораздо взрослее, чем выгляжу.

— Это сейчас так кажется, — сказал Питер. — Погоди, скоро будешь думать иначе.

Но Уилла ее поняла. В детстве она тоже ощущала себя недоверчивым взрослым, заточенным в теле ребенка.

А вот теперь, как ни странно, ей все чаще казалось, что за ее постаревшим лицом прячется одиннадцатилетняя девочка, внимательно взирающая на мир.

Сосед, живший по другую сторону от дома миссис Минтон, заглянул после ужина, когда Уилла, Шерил и Аэроплан смотрели «Космический мусор». Питер вроде бы тоже смотрел («Ну пожалуйста!» — упрашивала его Шерил, и Уилла ее поддержала: «Попытайся, дорогой»), но как-то без души, то и дело отвлекаясь на мобильник. И

когда позвонили в дверь, он тотчас вскочил:

— Я открою!

Шерил включила паузу, на полуслове оборвав разговор двух пришельцев, Аэроплан сопроводил Питера в прихожую. Вернулись они вместе с долговязым, седым, краснолицым мужчиной лет шестидесяти в линялой ковбойке с подвернутыми рукавами и серых штанах, пузырившихся на коленях.

— Добрый вечер, — скрипуче поздоровался он. — Привет, Шерил.

— Привет, Бен!

Человек подошел к Уилле и протянул руку:

— Я Бен Голд. А вы, значит, та самая дама, что аж из Аризоны приехала позаботиться об этой юной леди.

Уилла представилась. Когда Бен Голд улыбался, его и без того узкие глаза под припухшими веками превращались в щелки. Залапанные стекла очков в прозрачной розоватой оправе напомнили Уилле о недотепах-ботаниках ее школьной поры.

— Нынче я проведал Денизу и обещал ей заглянуть к вам — узнать, как вы тут справляетесь, — сказал Бен.

— Спасибо, у нас все чудесно. Как там Дениза?

— Прекрасно, она в хороших руках. С ее хирур-

гом я когда-то учился в мединституте. Он не особо тактичен с пациентами, но дело свое знает.

— Так вы медик? — Вот уж не скажешь, подумала Уилла, но вдруг поняла, что как раз он-то и похож на врача — в нем угадывалась этакая лукавая отрешенность.

— Скромный лекарь, — ответил Голд.

— Бен принимает на дому, — встряла Шерил. — У него там маленький кабинет в пристройке.

— Если что, Дениза обратится ко мне, — сказал Бен. — Но, думаю, обойдется без осложнений.

— Не желаете выпить? — вдруг спросил Питер.

Интересно, что он собирается предложить? — удивилась Уилла, поскольку запас спиртного Денизы ограничивался бутылкой шардоне в холодильнике.

— Нет, спасибо, — отказался Бен. — Пойду что-нибудь сготовлю на ужин. А то я, как всегда, припоздниился.

— У нас были свиные отбивные! — сообщила Шерил.

— А я угощусь консервированным перцем. — Он повернулся к Уилле: — Я в триста шестом доме, обращайтесь в любое время.

— Спасибо, буду знать.

Питер и Аэроплан пошли проводить гостя,

Уилла и Шерил, вернувшись на кушетку, продолжили киносеанс. Один пришелец поведал другому, что земляне проявляют странное равнодушие к противоположному полу: «На целую неделю мы оставили розовощекого мужчину в фартуке наедине с блондинкой на высоких каблуках, но они ни разу не совокупились». Шерил покатывалась со смеху, хотя, по ее собственному признанию, уже много раз видела эту серию.

— Вы пропустили самое интересное! — воскликнула она, когда Питер вошел в комнату.

— Уж как-нибудь совладаю с огорчением.

Аэроплан запрыгнул на кушетку, но Питер не вернулся на свое место.

— Отмотать назад? — спросила Шерил.

— Не стоит беспокоиться.

У Питера чирикнул мобильник, и он отошел в сторону, читая сообщение.

— Так не поймешь, в чем там дело, если все время отвлекаться, — сказала Шерил.

— Ничего, он сориентируется, — успокоила Уилла.

— Но эта серия уже закончилась! — Шерил привалилась к стене, выронив пульт на колени, и не шелохнулась, когда после финальных титров на экране возникло приглашение к следующей

серии (господи, сколько же их?). — Терпеть не могу эсэмэски.

— Я тоже. — Уилла не очень-то умела их отправлять и даже электронной почтой пользовалась в самом крайнем случае.

— Маме сообщения приходят без конца. Только ее телефон дилидонкает.

— А мне нравится, что у Питера чириканье. Напоминает, как отец будил меня по утрам. Он всегда насвистывал две веселые нотки, похожие на вступление к «Дикси».

— Или на «Эй, Джуд», — подумав, сказала Шерил.

— Да, верно. Но тогда Пол Маккартни еще не написал эту песню.

— И эсэмэски еще не придумали.

— Это уж точно.

Уилла чуть подалась к девочке и вдохнула приятный запах попкорна от ее волос.

Наверное, это воспоминание об утреннем посвисте отца и не давало уснуть. «Фьють-фьють!» звучало в ушах, и перед мысленным взором возникало милое спокойное лицо, озаренное доброй улыбкой. Вот он стоит в дверях спальни, слегка согнув колени и склонив голову набок, точно неуклюжая, длинноногая водоплавающая птица.

Все детство Уилла жутко боялась, что отец вдруг умрет, и потом, когда это все-таки случилось, никак не могла принять, что его больше нет. Он упал перед домом, выходя из машины; слава богу, что не в своей одинокой подвальной мастерской. В чем-то смерть его стала даже большим потрясением, чем смерть Дерека. Он был такой спокойный и надежный, на него можно было положиться, когда у матери случались закидоны.

Сейчас мысль о ней отозвалась тянущей болью утраты; Уилла часто ловила себя на том, что скучает по ее робкому взгляду исподлобья, когда она за что-нибудь просила прощенья, по ее заливистому девичьему смеху и высокому звонкому голосу: «Напиши мне письмецо и отправь по почте…»

Звуки — вот что оживляло прошлое! «Возьми мою руку, я карманник в строю…» — выпевали лоботрясы… Неясно слышались другие, малознакомые голоса, похожие на радиопомехи, путешествующие в бесконечном пространстве. «Раз картошка, два картошка… э-э-это я-а-а, Джонни!.. Больной артритом непроизвольно растирает пораженный участок…»

На соседней кровати всхрапнул Питер; Уилла вздрогнула и не сразу припомнила, кто он такой.

5

В пятницу утренний поход в больницу отменился — Дениза уведомила, что у нее сеанс физиотерапии.

— Ее обучат ходить на костылях, — сообщила Шерил, повесив трубку. — Навестить ее можно после обеда.

— Во второй половине дня у меня селекторное совещание, — сказал Питер. — Так что отправитесь вдвоем.

— Может, все-таки вместе? — взмолилась Уилла. — Я и дороги-то не помню.

— А пора бы запомнить.

Для него выстроить маршрут было плевым делом, а вот ей на это как будто не хватало мозгов, не выручал даже навигатор, показывавший путь всего на два дюйма вперед. Кроме того, Уилла не любила садиться за руль и уж тем более за руль не своей машины.

Однако она не стала приводить все эти доводы, но лишь убито проговорила:

— Хорошо. Как скажешь, дорогой.

— Совещание это запланировано давно. — Питер будто оправдывался.

— Да, конечно. Я понимаю, что я как назойли-

вая муха.

— Я этого не сказал, я просто говорю, что буду занят.

— Я понимаю.

Повисла пауза. Питер прихлебнул кофе.

— Наверное, потом я бы смог вас отвезти. Если вы согласны подождать.

— Ой, да мы согласны! — воскликнула Уилла. — Правда, Шерил?

— Ну да…

— Спасибо тебе, милый.

— Не за что. — Питер покорно вздохнул, хотя вовсе не выглядел побежденным.

Опыт подсказывал Уилле, что умелое манипулирование — важный элемент супружества.

После завтрака она, Шерил и Аэроплан отправились на долгую прогулку. Нынче пса взяли на поводок — он пугается, когда переходит улицу с оживленным движением, сказала Шерил.

Дождя не обещали, но воздух казался сыроватым, а легкий ветерок что-то такое сулил. Уилла была в сандалиях и хлопчатобумажном платье. Шерил, разумеется, в шортах. И зачем-то налепила на щеку переводную картинку с крабом.

Из-за опущенных ситцевых занавесок окна в доме миссис Минтон выглядели подслеповаты-

ми. Хозяйка никогда не встает раньше полудня, сказала Шерил, и потом готовит себе еду сразу на весь день, потому что с ходунками стряпать нелегко.

— А как же она ходит за продуктами? — спросила Уилла.

— Этим занимается Бен. Каждую пятницу он все закупает по списку миссис Минтон. (Шерил произносила «Митн».)

Перед домом Бена высился столбик с деревянной вывеской в облупившейся белой краске: «Бендж. Голд, врач. Прием без предварительной записи». Очень пожилая пара брела к пристройке, где располагался врачебный кабинет. Старуха обеими руками вцепилась в локоть мужа.

— Наверняка артрит, — со знанием дела сказала Шерил. — Поможет укол кортизона.

«Сыск Реберна», — извещало объявление в окне соседнего дома. Внизу приписка мелкими буквами: «Специализация в семейном адюльтере».

— Здесь живет тот самый частный детектив, Дейв, — сказала Шерил.

«Разве бывает не семейный адюльтер?» — подумала Уилла. Интересно, знал ли Дейв о шашнях Шона с Элиссой?

Возле последнего в квартале дома пышно цве-

ли голубые гортензии.

— Жилье Барри и Ричарда, — сообщила Шерил и скороговоркой добавила: — Они голубые, ну да ладно.

На углу они пропустили полицейскую машину с включенной мигалкой, но молчавшей сиреной. В следующем квартале вывесок стало больше: изготовление рам для картин, ремонт компьютеров, подгонка одежды. Полные надежд маленькие предприятия, втиснутые в гостиную или застекленную веранду.

Далее шли солидные заведения вроде гастрономов и химчисток, и Уилла с Шерил взяли правее, к жилым домам.

— Вон там Бриско-роуд, где живут Пэтти и Лори, — сказала Шерил, когда они пережидали красный сигнал светофора. — Везет им! В доме их бабушки свой бассейн.

— Это и впрямь удача, — согласилась Уилла.

— А еще они ходят к профессиональной маникюрше. Как-нибудь сводите меня в маникюрный салон?

— Милая, я даже не знаю, где он находится.

— А вот *их* бабушка знает.

Шерил так выделила «их», словно Уилла — *ее* бабушка. Это было удивительно приятно. Уилла

вдруг представила, как разыскивает маникюрный салон, чтоб повести туда внучку.

— Мама говорит, у нас нет денег на маникюр, — сказала Шерил, когда они продолжили путь. — Мы сами обрабатываем свои ногти.

— Я тоже.

— Мама и стрижется сама.

— У нее хорошо получается.

— А вы как?

— Что?

— Сами стрижетесь?

— Нет, прибегаю к услугам других. — Уилла как будто извинялась.

— Вы красите волосы, да?

— Нет, только чуть подкрашиваю.

Шерил сощурилась на ее прическу.

— Седины еще нет, но волосы стали какие-то блеклые, — поделилась Уилла.

— Ничего, так нормально, — сказала Шерил и, помолчав, добавила: — Для пожилой женщины вы очень даже симпатичная.

— Ну спасибо.

— А в девять лет вы были симпатичная?

— В девять? Ой, нет!

Шерил улыбнулась.

Они опять свернули направо и теперь двига-

лись к дому. Им встретилась серая собачонка, лохматая, точно швабра. Она возбужденно подскакивала, заходясь иступленным тявканьем, но Аэроплан только равнодушно фыркнул и отвернулся. Хозяйкой собачонки была старуха в черном платье-балахоне. Похоже, сейчас гуляют одни старики, подумала Уилла, все остальные на работе.

Они подошли к своему кварталу, и Уилла спросила:

— А с соседями, что живут через дорогу, ты знакома?

— Нет, наша сторона улицы с ними не знается. Те, что напротив нас, жуткие задаваки, считают себя особыми, потому что чернокожие. А мальчишки из дома, где мыли веранду, ходят в частную школу и даже словом не перебросятся с Эрландом, хотя они ровесники.

Уилла хмыкнула.

На прогулке они сделали круг и теперь возвращались с другой стороны. Миновали дом с красным стикером на окне «Ваш друг агент по страхованию жилищ» («Вот тут живет Хал», — сказала Шерил), потом дом Кэлли и, наконец, дом Эрланда, перед которым стоял, хмуро разглядывая мобильник, невысокий парень лет двадцати,

смуглый, мускулистый, с шапкой темных волос.

— Сэр Джо! — обрадовалась Шерил.

Парень поднял взгляд, лицо его прояснилось.

— Привет! — сказал он.

Против ожидания, Сэр Джо вовсе не выглядел крутым мужиком. Штаны на нем были не кожаные, но из джинсы, а у тротуара был припаркован не мотоцикл, но белый фургон с надписью по борту «Теплохладотехника на любой сезон».

— Серджо Лопес, — представился парень, сунув мобильник в задний карман.

— Ах, Сер-джо! — сообразив, воскликнула Уилла.

Наверное, это вышло как у восторженной девчонки не старше Шерил, потому что парень одарил ее вялой поощрительной ухмылкой:

— Он самый, красавица.

— Ее зовут Уилла, — сурово одернула его девочка.

— Как мать-то? — спросил Серджо.

— Хорошо. Учится ходить на костылях.

— Жуть. Ладно, до встречи. — Серджо небрежно отсалютовал, приложив два пальца к виску, и вразвалочку пошел к фургону. Цокали подковки его кожаных сапог в гармошку, звякала свисавшая с ремня стальная цепочка.

Уилле стало смешно. Приоткрыв рот, Шерил не спускала с парня восхищенных глаз, и даже Аэроплан проводил его взглядом.

— Домой-то пойдем? — спросила Уилла.

— Надо, — вздохнула Шерил.

После обеда Питер ушел наверх дожидаться своего селекторного совещания, а Уилла и Шерил испекли гостинец Денизе — печенье с арахисовым маслом. Разумеется, у Шерил имелась специальная банка, куда она аккуратными слоями уложила остывшие кругляши. Тем временем Уилла проверила электронную почту — ничего, кроме спама и извещения о дне рождения дочери давнишней подруги в Сан-Диего. Уилла надеялась получить весточку от Иэна. Ну, может, откликнется на выходных. В конце недели он иногда заезжал в какой-то городок, где мобильник ловил сигнал. Уилла набрала коротенькое письмо, сообщая, где она сейчас, — на случай, если вдруг Иэн станет звонить на ее домашний телефон, хоть это маловероятно. Потом отправила такое же письмецо сестре. Элейн, конечно, не заметила бы их отсутствия, пропади они даже на полгода, но Уилле хотелось сохранить иллюзию общения. У меня ведь только одна сестра, говорила она мужу, когда тот спрашивал, ради чего

она так старается. Питер видел Элейн всего раз, когда несколько лет назад та проездом была в Сан-Диего, и потом сказал: в жизни не поверил бы, что вы родные сестры. «Противная» — вот какое словцо подобрал он для Элейн.

С селекторным совещанием что-то пошло не так — оказалось, Питера забыли включить в число участников. Потом ошибку исправили, но Питер впал в брюзгливое, как его называла Уилла, настроение и еще долго ворчал и чертыхался, костеря дуру секретаршу, все напутавшую. Только около четырех он собрался ехать в больницу. В пятницу в это время народ уже срывается с работы, а посему в палате Денизы они застали маленький сабантуй. Две молодые женщины разливали вино по пластиковым стаканам, а третья, постарше, начальственного вида негритянка, обмазывала крекеры мягким сыром.

— Ой, смотрите, кто пришел! — пропела Дениза. — Знакомьтесь: Питер и Уилла, мать Шона. А это Джинни и Шэрон, мы вместе работаем, и наш директор миссис Андерсон.

Девушки только улыбнулись и пробормотали «здрасьте», а директриса, не выпуская крекер из рук, сказала:

— Всегда рада встрече с бабушками-дедуш-

ками. Это неиссякаемый ресурс. Вы обладаете какими-нибудь навыками, которыми могли бы поделиться с нашими учениками?

— Вообще-то мы не из Балтимора, — сказала Уилла, не комментируя свой статус бабушки. — Мы живем в Аризоне.

После этого она и Питер тотчас пропали с радара директрисы. Джинни всем вручила стаканы с вином, Шерил всех обнесла печеньем, миссис Андерсон произнесла тост в честь Денизы. Уилла надеялась, никто не заметил, что Питер лишь пригубил вино.

— Схожу за газетой, — сказал он, отставив нетронутый стакан.

— Я с тобой. — Может, удастся его умиротворить?

После палаты коридор показался очень просторным и тихим.

— А что, никто из них не мог взять к себе Шерил? — вышагивая к лифту, спросил Питер.

— У них же работа. Школа.

— Все равно, — упрямо сказал он, вызывая лифт.

Сувенирный магазинчик, приютившийся в нише вестибюля, предлагал газеты, глянцевые журналы, букеты в целлофане, помещенные в

ведро с водой, и собрание кофейных кружек с дурашливыми надписями. На полке за кассой щетинился ряд крохотных карнегий, лишенных не только солнечного, но даже искусственного света. Уиллу охватило нелепое желание их выкупить и отпустить на волю.

Пока Питер расплачивался за газету, в магазин вошла непричесанная, сильно беременная женщина в розовом фланелевом халате. Глядя, как она хмуро бродит вдоль стеллажа, кассир, совсем молоденький парнишка, ее окликнул:

— Вам помочь?

Женщина ожгла его взглядом:

— Почему вы спрашиваете?

— Что, простите?

— С чего вы решили, что мне нужна помощь?

— Мэм, просто я подумал, вы что-нибудь ищете…

— По-вашему, сама я не найду?

Встретив обескураженный взгляд кассира, Уилла сочувственно вскинула брови, но тут Питер взял ее за плечо и подтолкнул к выходу:

— Пошли отсюда.

В вестибюле он, минуя лифты, направился к бессчетным креслам и кушеткам, сгруппированным парами-тройками, и, выпустив руку Уиллы,

рухнул на зеленое виниловое сиденье.

— Ненавижу этот город, — проговорил Питер.

Уилла нерешительно присела на краешек кушетки.

— Ты из-за этой женщины? — спросила она.

Питер молчал.

— В чем дело?

— Во всем. Ненавижу эту жару, эту влажность, этот кошмарный местный выговор… Не понимаю, что мы здесь делаем.

— Ну как же, милый? Ненадолго приехали помочь Денизе.

— Мы ее даже не знаем!

Уилла не понимала, с чего он так завелся. И постаралась припомнить все, что произошло с момента их приезда. Казалось, она упустила что-то важное.

— Это как-то связано с твоей работой? Тебя расстроила напортачившая секретарша?

— Какое тебе дело до моей работы?

Уилла замерла.

— По-моему, ты в полном раздрызге, — сказал Питер.

— Что?

Он не ответил.

— Мне казалось, это ты в раздрызге, — после

долгого молчания сказала Уилла.

Питер шумно выдохнул, потом свернутой газетой хлопнул себя по колену и встал:

— Ладно, пошли обратно в балаган.

Следом за ним Уилла шагала к лифтам. В животе была противная тяжесть.

В лифте ехали молча. В гудящей тишине поднялись на второй этаж. Шум веселья в палате Денизы был слышен еще в коридоре.

6

В субботу Уиллу разбудил телефонный звонок. Хотя звонить ей никто не мог, настойчивое треньканье все-таки растревожило. Даже когда телефон смолк, она уже не смогла расслабиться и под мощный вой кондиционера пыталась угадать: Шерил ответила на звонок или неведомый абонент сам бросил трубку? Щурясь в потолок, Уилла прислушалась. Но никакие звуки не могли пробиться сквозь зудение чертовой машины.

Старые электрические часы на комоде показывали без малого девять. Одеяло на пустой кровати Питера отброшено, в изножье скомканная пижама. Сочный золотистый свет за окном разительно отличался от привычной утренней бледности.

Уилла села, пригладила волосы, сунула ноги в

тапочки. Потянулась за кимоно, и тут в комнату заглянул Питер.

— А, проснулась, — сказал он.

— Что-то нынче я заспалась.

— Звонила Дениза. Сегодня ее отпустят домой.

— Вот и хорошо.

— Сказала, после обхода. Часов в десять.

Уилла встала, завязала пояс кимоно.

— А ты… отвезешь нас? — спросила она.

— Придется. Одна ты не загрузишь ее в машину.

Уилла облегченно выдохнула, постаравшись, чтоб это было не очень заметно.

— Я свяжусь с Роной, как только она откроет свою контору, — сказал Питер, имея в виду их транспортного агента.

— Может, не стоит спешить? Еще неизвестно, как Дениза управится без нас.

— С чем ей управляться-то? Есть Шерил, есть соседи. У нее же только нога покалечена, в конце-то концов!

— Да, но…

— Вообще-то я могу сам заказать билеты по интернету.

— Не надо, пусть Рона этим занимается. Ты же говорил, она лихо добывает места в бизнес-

классе.

— Пожалуй, ты права. Ладно, подождем. Черт бы побрал эти часовые пояса!

Иногда Питер заявлял — вероятно, в шутку, — что вся страна должна жить по единому времени, пусть даже некоторым штатам придется вести дела в темноте.

Уилла сомневалась, что Дениза одолеет лестницу на второй этаж, однако после завтрака они с Шерил прибрались в ее комнате и поменяли постельное белье. Маме понадобится еще одна подушка, командовала Шерил и, очищая туалетный столик от всего вплоть до щетки для волос и пузырька с духами, любовно приговаривала:

— Она у меня такая разгильдяйка!

Переводная картинка с крабом на ее щеке растаяла, оставив оранжевые точки. Нынче Шерил была в белых сапогах с кисточками (из униформы мажоретки), в шортах, как всегда врезавшихся в промежность, и короткой маечке, открывавшей круглый живот. Уилла поймала себя на том, что восхищается ее детской непосредственностью.

Выйдя из дома, в соседнем дворе они увидели Кэлли, на ногах-копытцах семенившую к своей машине. Она им помахала и крикнула:

— Как там Дениза?

— Едем забирать ее домой, — ответила Уилла.

— Привет ей! Я в «Гигант», вам ничего не нужно?

— Наверное, нет, спасибо.

Кэлли сделала ручкой и села в машину.

— Надо подарить ей какой-нибудь саженец, — сказала Шерил. — В благодарность, что заботилась обо мне.

— Отличная мысль! — поддержала Уилла.

— Мама тоже согласилась, но, боюсь, забудет.

— Мы это сделаем. Правда, Питер?

Тот что-то промычал, ключом отпирая дверцу, поскольку старая машина Денизы не имела центрального замка. Уилла села впереди, Шерил устроилась на заднем сиденье и, подавшись вперед, сказала:

— Но забота обо мне была ей в тягость, а потому не стоит покупать чересчур дорогое растение.

— Напротив, надо купить что-нибудь подороже, — сказал Питер, усаживаясь за руль. — Если б роль няньки доставила ей радость, тогда мы бы вообще ничего ей не дарили. Вон как Уилле.

Уилла обернулась к Шерил, и они чуть не столкнулись носами. Девочка смотрела внимательно и немного застенчиво.

— Питер прав, — сказала Уилла. — Я бы побла-

годарила *тебя* за доставленное удовольствие.

Шерил тихонько засмеялась и, откинувшись на сиденье, пристегнула ремень.

Дорога к больнице была уже немного знакомой: череда обшарпанных веранд, надувные бассейны и трехколесные велосипеды во дворах, вывески «Дом завивки» и «Мастер на все руки». Становилось жарко; вскоре Питер включил кондиционер и, в зеркало глянув на Шерил, попросил ее поднять стекло на своем окне. Девочка крутанула ручку, не прерывая рассказа об идее проката домашних животных:

— Не все могут позволить себе питомца. Например, коммивояжеры и прочие, кто часто в разъездах. Тогда они приходят в прокат и на пару дней берут себе собачку или кошечку.

— Флаг тебе в руки, — сказал Питер. — А об ответственности ты подумала?

— Чего?

— Вдруг собака кого-нибудь покусает? Тут дело пахнет судом.

— Я бы брала расписки, что никто не будет судиться.

— Отказ от иска.

— Да.

— Меня больше тревожит судьба животных, —

сказала Уилла. — Где гарантия, что их не обидят?

— Сперва клиенты должны представить три рекомендации, — тотчас ответила Шерил. — Если про кого-то говорят: «Ну не знаю, какой-то он неудачник», мы ему откажем.

— Как раз неудачники-то меня беспокоят меньше всего. Порой им как никому нужен питомец, и они будут с ним очень ласковы.

— Не слушай ее, Шерил, — вмешался Питер. — Уилла у нас сердобольная.

— Я это знаю, — сказала девочка.

Уилла рассмеялась. Она как будто вернулась в далекое прошлое, когда ее мальчики еще были неутомимыми балаболами.

В субботу больничная парковка была переполнена, но Питер не пожелал заехать на дополнительную стоянку на задах здания.

— Я высажу вас перед входом и подожду в машине, — сказал он.

— С нами не поднимешься? — спросила Уилла. — Смотри, это может затянуться.

— Ничего, я пока разберусь с электронной почтой.

Уилла не настаивала. После вчерашнего она старалась быть особенно тактичной.

— Только потом не ругай нас. Вдруг обход еще

не закончился, — сказала Уилла, выбираясь из машины.

Оказалось, обход закончился давно. Дениза, уже одетая в свое — белую мини-юбку из джинсовой ткани, топик с бретелькой через шею и единственную танкетку, — сидела в кресле-каталке. Загипсованная нога покоилась на поднятой колясочной подставке, у стены стояла пара металлических локтевых костылей.

— Что так долго? — тотчас спросила Дениза, хотя было только начало одиннадцатого. — Жду уже целую вечность!

Она потянулась к переговорному устройству над изголовьем кровати и нажала кнопку вызова; через секунду голос из динамика спросил:

— Да?

— За мной пришли! — крикнула Дениза и, отпустив кнопку, повернулась к Шерил: — Сумку давай.

Шерил ойкнула.

— Ну что ж ты, ей-богу! Ведь я же просила! В чем теперь все это нести? — Дениза кивнула на кучку вещей в ногах кровати: журналы, сборник головоломок, банка под печенье, тапочки и вторая танкетка, бежевая виниловая косметичка.

— Ох, простите, как же я-то не сообразила! —

повинилась Уилла. — Ну ничего, что-нибудь попросим у медсестры.

— Эти торопыги со скорой помощи даже не дали мне толком собраться, — сказала Дениза.

Шерил заглянула в ящики тумбочки, потом открыла маленький стенной шкаф, где стояло бирюзовое пластиковое судно в прозрачном пакете. Она аккуратно сняла упаковку и стала собирать в нее мамины вещи. Уиллу такая находчивость впечатлила, а Дениза только и сказала:

— При желании можно забрать и судно. После выписки пациента всю эту фигню выбрасывают и заменяют новой.

— Да? — удивилась Уилла. — Это расточительно.

— Такие вот современные порядки.

В палату вошла миниатюрная медсестра в лиловой униформе, абсолютно не сочетавшейся с ее розовым личиком и рыжими волосами.

— Ну наконец-то! — пробурчала Дениза.

— Уже покидаете нас? — спросила медсестра. — Рецепты все взяли?

— Только один, лежит в косметичке. — Дениза посмотрела на Уиллу: — Еще мне всучивали обезболивающее, но я сказала — не возьму! От него тянет блевать.

Сестра поцокала языком и сняла коляску с тормоза.

— Где стоит ваша машина? — спросила она.

— Перед главным входом, — сказала Уилла.

Всей толпой вышли в коридор. Шерил размахивала жутко трескучим пакетом. Сестра вызвала лифт.

— Вы только гляньте, что мне подсунули! — Дениза кивнула на костыли. — Кошмар, правда? С ними я себя чувствую старухой. Я хочу такие длинные деревянные, пускай бы все думали, что я сломала ногу, катаясь на лыжах.

— Летом? — спросила Шерил.

— А что, бывает и такое.

Сестра развернула коляску и задом вкатила в прибывший лифт, где уже стоял пожилой мужчина в больничном халате, не доходившем ему до колен. Старик оглядел Шерил и спросил:

— Как поживает юная леди?

— Хорошо.

Он показал на Денизу:

— Хлопот, гляжу, полон рот.

— И не говорите.

Дениза строго взглянула на дочь, в ответ Шерил ухмыльнулась.

Приехали на первый этаж. Миновав вести-

бюль, через автоматические раздвижные двери сестра выкатила коляску на улицу. Питер вылез из машины, чтобы помочь загрузить Денизу на заднее сиденье, Уилла уложила костыли и пакет с вещами в багажник. Все время, что Денизу пересаживали в машину, она беспрестанно уйкала и вскрикивала: «Черт, больно! Осторожнее!» Сестра поддерживала ее загипсованную ногу, пока Дениза, шумно дыша, втискивалась на заднее сиденье, заняв его целиком. Там же примостилась Шерил, положив ее ноги себе на колени.

— Спасибо, сестра, — сказала Уилла, перед тем как сесть рядом с Питером.

— Удачи вам, — ответила медичка.

«Интересно, она всех так напутствует? — подумала Уилла. — Или только родственников капризных пациентов?»

Питер завел мотор.

— Одному богу известно, когда я смогу сесть за руль, — проворчала Дениза.

— У вас ведь поранена левая нога, а машина с автоматической коробкой, — сказал Питер. — Хоть сейчас можете сесть.

— Сейчас? Вот еще! А гипс? Куда я такую ногу-то дену? Как по-вашему?

Никто ей не ответил.

Прибытие Денизы на Доркас-роуд вылилось в целый спектакль. Она попробовала идти на костылях, но постоянно спотыкалась и заваливалась на Питера, отчаянно старавшегося удержать ее в вертикальном положении. Уилла хотела помочь, но только мешала и раз чуть не выбила из-под нее костыль.

— Зараза! — отдуваясь, сказала Дениза. — Сволочь физиотерапевт! У меня был всего один сеанс, один! И как теперь я управлюсь с этими штуковинами?

Процессия одолела еще несколько футов, когда над живой изгородью возник колпачок гнома, а потом и сам Эрланд в футболке, испещренной дырками.

— Ой, блин… ой, блин… — всплескивая руками, повторял он.

— Хорош, а? — рявкнула Дениза.

— Ой, простите, — смутился мальчишка, и тут раздался еще чей-то голос:

— Помощь нужна?

Средних лет мужчина в брюках хаки шел от дома, соседствующего с жильем Кэлли.

— Хал, — пробурчала Дениза. — Только его не хватало.

Уилла с любопытством взглянула на незнаком-

ца — так вот он какой, обманутый муж Элиссы.

— Сейчас все сделаем, — ободряюще сказал Хал; Дениза скорчила рожицу.

Хал закинул ее руку себе на шею, Питер повторил его маневр, и таким макаром они успешно доставили Денизу к дому, однако перед крыльцом та заартачилась:

— Ступеньки я не одолею!

— Давайте подумаем… — начал Питер, но его перебил властный возглас, заставивший всех обернуться:

— Погодите!

— Сэр Джо! — пискнула Шерил.

Нынче он был в кожаных штанах, которые, видимо, носил по выходным.

— Отойдите, — приказал Сэр Джо и, подхватив Денизу на руки, легко взошел на крыльцо. Питер и Хал остались с костылями в руках. На лице Денизы застыл комичный испуг.

— Дверь.

Шерил поспешила распахнуть перед ним входную дверь, из-за которой тотчас, словно чертик из коробки, выскочил Аэроплан. Увидев Денизу, пес завертелся вьюном, а затем последовал за Сэр Джо, не спуская глаз с его ноши. Топая сапогами, Сэр Джо прошел в гостиную, опустил охнувшую

Денизу на кушетку и отступил, деловито отряхнув руки.

— А как же вечером мама доберется в спальню? — Шерил в обнимку с пакетом остановилась в дверях гостиной, создав затор. За ней сгрудились Питер, Хал, Уилла и Эрланд, к которым теперь еще добавился Бен Голд.

— Никак, — сказал Бен Голд. — Лестницу ей не осилить.

— Вот и я так думаю, — подхватила Уилла.

— А где ж я буду спать? — спросила Дениза, вытянув ноги. Аэроплан заинтересованно обнюхал гипс.

Бен подошел и, приподняв Денизе ноги, уложил ее на кушетку.

— Шерил, принеси маме пару подушек, — сказал он, и девочка, не расставаясь с пакетом, побежала наверх. — Придется арендовать медицинскую кровать.

— Никакой медицинской кровати, — надулась Дениза.

— В этом ничего зазорного. Очень многие на время берут такую кровать.

— Мне без разницы. Меня она будет угнетать.

— А если поставить ее в столовой, чтоб не маячила на глазах?

— Вы меня не уговорите.

— Кроме того, нужно позаботиться о судне и горшке, — сказал Бен.

— Фу!

— Всего на неделю-другую, пока не перейдете на гипсовую лонгету.

— На неделю-другую? — оторопел Питер.

— Я буду спать на этой кушетке, а дела справлять в туалете, — заявила Дениза.

— Либо вечерами я буду приходить, чтоб отнести вас в спальню, — сказал Сэр Джо.

— Исключено, — возразил Бен.

— А почему нет? — С подушками под мышками Шерил вернулась в гостиную и теперь не спускала обожающего взгляда со своего идола. — Ему это легко.

— Не хватало еще, чтоб ее уронили и она сломала другую ногу, — сказал Бен.

Сэр Джо пожал плечами и переключил внимание на Питера:

— Привет! Я Серджо Лопес.

— Питер Брендан. А это моя жена Уилла.

— Мы уже знакомы, — подмигнул ей Сэр Джо.

— Если поставить кровать в столовой, ее никто не увидит, — упорствовал Бен.

— Но я-то увижу, — возразила Дениза. — И по-

чувствую себя инвалидом.

— Так ты и есть инвалид, — сказала Шерил. — Привыкай.

Дениза хмуро взглянула на Бена:

— Можно подумать, в ее мать стреляют каждый день.

— Нынче такое не редкость, — вздохнул Бен. — Ладно, не хотите — как хотите.

— Дениза у нас кремень, — сказал Сэр Джо и опять подмигнул Уилле.

— Питер, вы, значит, отец Шона? — спросил Хал.

Уилла напряглась.

— Точнее, отчим, — ответил Питер.

— Я Хал Адамс. Между прочим, Шон увел у меня жену.

— Приятно познакомиться, — учтиво сказал Питер.

Следуя его примеру, Уилла протянула руку:

— Я мать Шона.

Помешкав, Хал решился на рукопожатие. Уилла отметила его глубоко посаженные глаза и обвислые щеки, напоминавшие брыли бассет-хаунда миссис Минтон. Узкое лицо казалось сплющенным, словно когда-то его защемило раздвижными дверями.

Дениза устроилась удобнее, вторую подушку подложив под раненую ногу.

— Слава богу, тут нет трансляции и никто не будет орать: «Доктор Смит, срочно пройдите в палату для реанимации умершего пациента!» Может, я наконец-то посплю. О-ох-ох!

Все восприняли это как намек, что пора уйти, и гуськом потянулись в прихожую. На прощанье Хал осторожно потрогал Денизу за пальцы, выглядывавшие из гипсового панциря, она раздраженно дрыгнула ногой.

— Если что, звони в любое время. Мигом примчусь.

— Я тоже! — из прихожей крикнул Эрланд.

Дениза лишь хмыкнула.

— Уилла, вам дали какие-нибудь рецепты? — спросил Бен.

— Только один. Я собиралась послать Питера в аптеку.

— Позвольте взглянуть. Может, кое-что у меня найдется.

Уилла заозиралась в поисках косметички Денизы.

— Шерил, где пакет с маминими вещами?

— Наверху, кажется, — рассеянно сказала девочка, неотступно следуя за своим кумиром. — Ты

еще придешь, Сэр Джо?

Ответа Уилла не разобрала и пошла наверх.

На площадке второго этажа она услышала голос Питера, доносившийся из гостевой комнаты. Уилла даже не заметила, как муж ушел из гостиной.

— Давайте на утро понедельника, — говорил Питер. — Лучше, конечно, без пересадки, но уж как получится.

Уилла вошла в комнату. Прижав телефон к уху, Питер расхаживал между кроватями.

— В понедельник нельзя! — громко прошептала Уилла. — Мы ужинаем с Шоном!

— Что? Секунду, Рона. — Питер опустил телефон и нахмурился.

— Кроме того, Денизе наверняка еще потребуется помощь.

— Если потребуется, поменяем билеты, — сказал Питер, умолчав об ужине.

— Тогда зачем бронировать сейчас?

Уилла понимала, что выбрала неверную тактику. Нахрапом мужа не взять.

— Уилла, я говорю по телефону, все обсудим позже. — Питер поднес мобильник к уху: — Извини, Рона. Что ты говорила?

На Уиллу он больше не смотрел, и она, потоптавшись, отправилась в комнату Денизы. В

пакете, лежавшем в ногах кровати, отыскала косметичку. На площадке Уилла вновь услышала голос мужа:

— Хорошо, берем этот.

Бен ждал около лестницы, Уилла подала ему рецепт.

— Так… — Бен поправил очки, читая предписание. — Обычный антибиотик. Мы избавим Питера от похода в аптеку.

— Спасибо, — сказала Уилла, хотя сейчас ей вовсе не хотелось оказать мужу любезность.

7

— Вам не кажется, что Шерил как-то равнодушна к моему увечью? — спросила Дениза.

— Вовсе нет, — сказала Уилла. — Ничуть.

Только что они совершили многотрудный поход в туалет и обратно; теперь Уилла перестилала на кушетке сбитые простыни, а Дениза сидела в кресле, пристроив костыли к подлокотнику.

— Нет, вы прикиньте: она выходит во двор, и тут что-то бабахает. На земле окровавленная мать. Это же ужас, правда? Нет, ничего подобного. Она, такая, говорит: «Значит, я переночую у Сэр Джо?»

— Просто Шерил разумная девочка. Она видит,

что ничего непоправимого не произошло, и реагирует спокойно.

Похоже, Денизу это не убедило.

Лучше бы ты тревожилась о другом, про себя подумала Уилла. Например, о том, что девочка влюблена в этого Сэр Джо. Или о том, что она сильно скучает по Шону. Ей явно недостает мужской руки. А порой и женской, ибо никакая нормальная мать не взвалит столько самостоятельности на девятилетнего ребенка.

— Другим детям снились бы кошмары, — продолжила Дениза. — Они бы беспрестанно спрашивали о маме, переживали за нее, а не закатывали глаза, стоит ей чуть-чуть пожаловаться.

Уилла не сдержала улыбки. Шерил и вправду не выносила нытья Денизы.

— А ведь кроме меня, у нее никого! Интересно, куда бы она делась, если б меня убили?

— Может, к отцу? — спросила Уилла.

— Ха! Он даже не знает о ее существовании.

— Вон как.

— Как-то раз на вечеринке я перебрала пива. Второй курс колледжа.

— Вы учились в колледже?

— Таусонский университет. Вы как будто удивлены?

— Нет, я в том смысле… вам, наверное, пришлось нелегко.

— Да уж, тяжеленько.

Уилла отвернула одеяло и подошла к Денизе. Со вчерашнего дня у них выработалась система: Уилла подавала обе руки, Дениза хваталась за них и, подтягиваясь, вставала. Потом Уилла пятилась к кушетке, а Дениза подскакивала на одной ноге, и так они благополучно обходились без костылей.

— Я всегда была слегка безалаберной, — сказала Дениза, приземлившись на кушетку. — Что беременна, поняла только на пятом месяце, когда было поздно что-либо предпринимать.

На взгляд Уиллы, это уже не вписывалось в характеристику «слегка безалаберная», но она молча помогла Денизе лечь и поудобнее положить ноги. Накануне, когда Уилла готовила ее ко сну, они сговорились, что просторные шорты и безразмерная вытянутая футболка станут бессменным дневным и ночным нарядом.

— Я как думала: рожу, а потом закончу учебу, — сообщила Дениза потолку. — Однако не вышло.

— И у меня то же самое, — сказала Уилла. — Я бросила колледж, когда вынашивала Шона. Думала, сразу после родов вернусь, а в результате

сидела дома, пока оба сына не подросли.

— Да нет, разница большая, — возразила Дениза.

Она имела в виду, что Уилле не пришлось поднимать ребенка одной. И у нее были деньги, чтобы в любой момент вернуться к учебе. Нечего даже сравнивать, хотела сказать Дениза.

Питер и Шерил исполняли третье поручение за утро — ушли за продуктами к обеду. Питер, похоже, был рад, что есть чем заняться, а Шерил нравилось его сопровождать: еще один мужчина, за кем можно ходить хвостиком.

Как выяснилось, Питер все же забронировал билеты на рейс в понедельник, хоть и с пересадкой в Денвере. Вот до чего ему не терпелось уехать. И неважно, что Дениза беспомощна, Шерил еще слишком мала, чтобы вести хозяйство, и никто из соседей не готов взять на себя этакую обузу.

После завтрака Дениза позвонила родным, но и словом не обмолвилась о своей ситуации. «У нас все хорошо, — сказала она. — Просто отлично!» Видимо, это не те люди, кого можно попросить о помощи.

— Не хочется мне завтра уезжать, — вздохнула Уилла. — Все думаю, как вы тут будете.

— И мне жалко, что вы уезжаете. Ну что ж по-

делаешь, у вас своя жизнь.

— Да никакой такой особенной жизни. Питер вроде как на пенсии. Ну, почти. Все никак не может оставить дела.

— Это понятно — мужчина.

— Вот-вот.

Иногда Уилле казалось, что полжизни она извинялась за какого-нибудь мужчину. Даже больше чем полжизни. Сначала Дерек, потом Питер вечно куда-то неслись, а она поспешала следом, подбирая за ними обломки, извиняясь и объясняя.

— Черт, в списке продуктов я забыла про мороженое, — вдруг сказала Дениза.

— Хотите, я позвоню Питеру?

— Ладно, бог с ним, лишние калории.

— Сейчас позвоню. — Уилла пошла в прихожую за своей сумкой.

— Скажите — мятное с шоколадной крошкой. Только не зеленое, слышите? Я люблю белое. Чтоб без всяких искусственных красителей.

— Мятное с шоколадной крошкой, белое, — повторила Уилла, набирая номер Питера.

— Алло? — ответил он. Фоном слышались гул голосов и писк сканера.

— Дениза просит купить мороженое, — сказала

Уилла. — Мятное с шоколадной крошкой, только белое.

— Белый шоколад?

— Мороженое белое.

— Ладно. Правда, мы уже в очереди к кассе.

— Извини.

— Пустяки.

Питер был так покладист, потому что ускорил отъезд и теперь чувствовал себя виноватым. Уилла видела его насквозь.

— Шерил знает этот сорт, — уведомила Дениза, когда Уилла закончила разговор. — Вот уж про кого не скажешь, что дитя пиццерии, «Макдоналдса» и «Бургер Кинга».

— Как-как?

— Нет, она до мозга костей дитя ресторана морепродуктов.

— Ах, в этом смысле.

— Я удивляюсь, откуда в ней это.

— От вас, наверное. Вы же избегаете искусственных красителей.

— Только из-за страха перед раком.

— Все равно это пример.

— Лучше бы мне воздержаться от мороженого. Я же почти не двигаюсь.

— Знаете, я считаю, что напряжение, боль и

тревога сжигают калорий больше, чем физические упражнения. — Уилла спрятала телефон обратно в сумку.

— Так вы вон какая — маленькая, изящная. У вас узкая кость и совсем другой обмен веществ. Кроме того, вы замужем, вам нечего волноваться. А я все еще в поиске.

— Правда? Хотите выйти замуж?

— Конечно, хочу. Что тут странного? Так положено — пройти по жизни вдвоем.

«Кажется, это реплика из пьесы Торнтона Уайлдера “Наш городок”, где мать играла помощника режиссера», — подумала Уилла. Помнится, ее, тогда совсем еще ребенка, поразила верность этих слов.

— А вы с Шоном… не думали пожениться? — Уилла постаралась спросить как можно мягче.

Вопрос этот занимал ее с тех пор, как она увидела Денизу, очень отличавшуюся от обычных подружек сына — школьных чирлидеров и университетских активисток, бойких задавак, чьих истинных чувств никогда не угадаешь.

— Я-то думала, — ответила Дениза. — А вот за Шона не скажу.

— Понятно, — опечалилась Уилла.

Что ж, может, оно и к лучшему.

Днем зашла Кэлли, принесла консервированную ветчину.

— Уж извините, готовка — это не мое, — сказала она, передавая банку Уилле.

Вся в украшениях и нарядном платье, с порога гостиной она объявила, что нынче была в церкви и записала Денизу в молебен о здравии.

— Соседку мою, говорю, подстрелили, а у нее ребенок на шее.

Кэлли вошла в комнату и звучно шлепнулась в кресло.

— Вообще-то я ближе к подростку, чем к ребенку. — Шерил по-турецки сидела на коврике и гладила Аэроплана.

— На подростка ты не тянешь, — возразила Кэлли.

— В следующем январе мне перевалит на второй десяток. И потом, я вовсе не на шее.

— Ладно, считай как хочешь, — отмахнулась Кэлли. При дневном свете казалось, что вытравленные волосы сильно старят ее. Она то и дело поправляла выбившиеся кудряшки, словно чувствуя, что с прической что-то неладно. — Ну как ты, Дениза?

— Скоро спячу.

— Так включи телик. Чего не смотришь?

— От телевизора я уж окосела.

— Кэлли, не хотите чаю со льдом? — Уилла искала повод уйти из комнаты, но гостья отказалась:

— Нет, спасибо. А где ваш красавец-муж?

— Где-то здесь. — Уилла не хотела говорить, что Питер укрылся в спальне с включенным кондиционером. — Я сейчас, вот только… — Она показала банку с ветчиной и сбежала в кухню.

Поставив банку на столешницу, она подошла к окну и проверила, влажная ли земля у маленькой карнегии. В соседнем дворе Эрланд бесцельно подкидывал волан на ракетке. В другом дворе миссис Минтон, одной рукой держась за ходунки, неловко пыталась перебросить комбинацию через бельевую веревку.

В кухню вошла Шерил:

— Вы вправду завтра уезжаете?

Уилла отвернулась от окна и посмотрела на девочку:

— Да, собираемся.

— Пожалуй, я недостаточно сильная, чтоб отводить маму в туалет.

— Вот и я об этом думаю.

— И еще мне придется одной ходить за продуктами и самой готовить.

— Ладно, я спрошу Питера, нельзя ли поменять билеты на другое число.

Однако Шерил обещанием не удовольствовалась и по-прежнему смотрела выжидающе.

— А вот прямо сейчас пойду и спрошу, — сказала Уилла. Без энтузиазма.

Минуя гостиную, она услышала голос Кэлли:

— По мне, так без них даже лучше. Как избавилась я от Дарвина, будто камень с души свалился. Свобода! Дышишь полной грудью! Я считаю, мужиков переоценивают.

Уилла притормозила, интересуясь ответом Денизы, но вместо него услыхала шумный выдох — видимо, Кэлли курила. Точно, пахнуло табачным дымом. Уилла заглянула в комнату и увидела, как Кэлли стряхивает пепел в горшок с филодендроном.

Подъем по лестнице казался перемещением в иной климат — с каждым шагом становилось все жарче. Но когда Уилла открыла дверь гостевой комнаты, ее обдало потоком холодного воздуха, а рев кондиционера резанул слух. Разутый Питер с ногами сидел на кровати и, привалившись к спинке, читал воскресный номер «Таймс мэгэзин».

— Как там дела? — спросил он, выглянув из-за

журнала.

— Кэлли пришла.

— Отлично. — Питер вернулся к чтению.

— Милый, по-моему, нам не надо уезжать.

Казалось, Питер не собирается отвечать. Но потом сказал, не отрывая глаз от страницы:

— С данным утверждением я не согласен.

— Я не представляю, как они управятся одни.

— Они не одни. Есть соседи. Есть коллеги Денизы.

— Этого мало, — возразила Уилла.

Питер поднял взгляд от журнала:

— У меня идея.

Уилла приободрилась, но услышала совсем не то, что ожидала:

— Дениза может обратиться в соответствующее агентство и нанять помощницу.

— Ты же знаешь, ей это не по карману.

— Да? Наверное, ты могла бы подкинуть ей деньжат, если речь о недельной услуге.

— Конечно, только…

Идея не понравилась. Уилла понимала, это разумное решение проблемы, но почему-то оно ее огорчило.

— Маленькая, послушай меня, — сказал Питер.

Через силу она посмотрела ему в глаза и стала

крутить ремешок часов на запястье.

— Ты прекрасно понимаешь, что происходит. Сыновья твои выросли и разлетелись, и они вроде как разочаровали тебя…

— Что? — Уилла оставила ремешок в покое. — Никто никого не разочаровал!

— Хорошо, скажем так: они не очень-то с тобой общаются.

— Нет, общаются! На завтрашний вечер намечен ужин с Шоном!

— Разве ты его не отменила?

Уилла молчала.

— И ужин этот предложила ты, не он. Что до Иэна, с ним, согласись, просто невозможно связаться.

— Да мобильная связь там не работает, вот почему! Но он звонит всякий раз, как доберется до цивилизации. Ты так говоришь, потому что у тебя нет детей. Ребята выросли… Но ведь это естественно! И потом, они же мальчики. Не жди, что мальчишки будут с тобой сплетничать и поверять свои тайны.

— Может, все проще — ты тоскуешь по материнству? Я это могу понять. Но ты вот подумай: у тебя есть я. И ничто не мешает нам насладиться нашей золотой порой.

Питер шутил, однако Уилла не улыбнулась.

— К примеру, я неоднократно предлагал тебе заняться гольфом.

— Я пробовала, — сказала Уилла. Она взяла пару уроков и даже купила комплект спортивных юбочек из быстросохнущей ткани и белых носков с помпончиками.

— Но бросила.

— Потому что не получилось! Я не виновата, что я не спортивная! Ладно… — Уилла чувствовала, что разговор уходит в сторону. — Если так хочешь уехать завтра, езжай один, а я останусь.

Она ждала ответа, но Питер молчал.

— Я тебя отпускаю, сама же останусь, пока Дениза не оправится. Бен говорит, скоро она перейдет на гипсовую лонгету и тогда сможет…

— Какой еще Бен? — не понял Питер.

— Ну сосед ее, врач, не помнишь? В лонгете она сможет ходить по лестнице, и тогда со спокойной душой я уеду.

Совсем некстати Уилла сообразила, что на лонгету, как сказал Бен, можно будет перейти недели через две. Питер, похоже, это запамятовал, вот и хорошо.

— Ладно, раз ты этого хочешь, — проговорил Питер и опять уткнулся в журнал.

Уилла мешкала, слегка ошарашенная. Муж вправду согласен, чтоб она осталась?

— Тогда, пожалуйста, разбронируй мой билет, — наконец сказала она.

Питер только кивнул и перевернул страницу.

Уилла вышла из комнаты, притворила дверь. Зной шлепнул ее по лицу, точно влажная тряпка, но с каждой ступенькой вниз становилось прохладнее.

В гостиной Дениза разогнутой проволочной вешалкой чесала ногу по краю гипса и рассказывала:

— Тебе еще повезло, говорит хирург, что пуля была не разрывная. «Повезло? — спрашиваю. — Вы так думаете?»

Кэлли исполняла трюк курильщика — выдыхала дым в сторону и рукой безуспешно его разгоняла.

— Типично, — сказала она непонятно о ком — о хирурге или мужчинах вообще.

Едва Кэлли ушла, как звонок возвестил о прибытии Бена Голда с миссис Минтон на буксире. Уилла открыла сетчатую дверь и посторонилась, пропуская их в дом. Волоча ноги, старуха вошла первой, Бен следовал по пятам, готовый, если что, ее подхватить. Ходунки остались у крыльца — ви-

димо, ими пользовались только для равновесия.

— Потихоньку, потихоньку, — остерегала себя миссис Минтон. Нынче она была в некрасиво короткой юбке, не скрывавшей бледные ноги в синих прожилках, и открытой блузке, выставлявшей напоказ костлявые руки. Уилла впервые видела ее без домашнего халата.

Добравшись до гостиной, старуха остановилась и оглядела Денизу.

— Ты смотришься вполне здоровой, — сказала она.

— Так я здорова, если не считать треклятую ногу. Шерил, кыш из кресла, пусть миссис Минтон сядет.

— Мне всегда хотелось узнать, каково это, когда в тебя стреляют? — Под приглядом Бена старуха мелкими шажками двинулась к креслу.

— Сперва ничего не чувствуешь. Толчок, и все. А вот потом боль изводит. И как будто переливается — встанешь, так она сползает по ноге и шибает в пятку.

Миссис Минтон крякнула и, ухватившись за руку Бена, медленно опустилась в кресло.

— Шерил, ты, надеюсь, помогаешь маме? — спросила она, оправляя юбку.

— Угу. — Присев на корточки, Шерил почесы-

вала пса за ушами.

— Кто хочет чаю со льдом? — предложила Уилла.

— Нет, спасибо, дорогая, — отказалась миссис Минтон.

— Я тоже не буду, — сказал Бен, усаживаясь в качалку.

— А где ваш муженек? — поинтересовалась старуха.

— Наверху, пакуется. Завтра утром он уезжает, — сказала Уилла.

Дениза и Шерил повернулись к ней.

— А вы? — спросила Дениза.

— Я подумала, что смогу остаться еще на несколько дней, если у вас, конечно, нет возражений.

— Не-е-ет! — протяжно выдохнула Шерил.

— Боже мой! — воскликнула Дениза. — Я понимаю, что должна вас отговаривать, но… Спасибо, Уилла!

— Пустяки. У меня нет срочных дел дома.

— Но супруга покидать негоже, — строго сказала миссис Минтон.

— Так всего на два-три дня.

— Его надо лелеять.

— Я лелею, — заверила Уилла.

— Вот вам мой пример: мужа я лишилась давно, но дня не проходит, чтоб я не раскаялась, что уделяла ему мало внимания. Он погиб под Геттисбергом.

— В Гражданскую войну? — опешила Уилла.

— Ну да. Любил он нарядиться в форму южан и поучаствовать в знаменитых сражениях. И однажды, когда его вроде как убили, он упал и уже не поднялся. Оказалось — инфаркт.

— Историческая реконструкция, — шепнул Бен.

— О господи! — выдохнула Уилла.

— Я утешаюсь тем, что он хотел бы так умереть, — сказала миссис Минтон.

— Однако же…

— И теперь я болтаюсь по дому одна-одинешенька. Похоже, на нашей стороне улицы живут сплошь одиночки.

— А мы с мамой? — возразила Шерил. — И Сэр Джо с Эрландом…

— Я говорю о супружеских парах, — пояснила миссис Минтон и стала считать на пальцах: — Жена Хала сбежала, Кэлли в разводе, Дейв тоже, жена Бена умерла… Погодите, а Барри и Ричард женаты?

— По-моему, нет, — ответила Дениза. — Они

голубые, ну да ладно.

— Нынче всем, у кого есть муж, я говорю: слышь, ты цени его, — сказала старуха. — Цени, говорю, пока он живой.

— Когда-то я тоже потеряла мужа, — поделилась Уилла. Дениза, наверное, об этом знала, но все другие заинтересовались. — Отец Шона погиб в автомобильной аварии, когда сын еще только заканчивал школу.

— Ну, значит, вы сами все знаете, — удовлетворенно покивала миссис Минтон.

— Знаю.

— Бывает, утром встанешь, сготовишь завтрак и вдруг осознаешь, что накрыла стол на двоих.

— Верно, — сказала Уилла. С ней такого не случалось, но она понимала, о чем говорит старуха.

— Вечер тянется бесконечно, ты думаешь: пора уж ложиться, что ли? А глянешь на часы — всего полвосьмого.

— И сам с собою разговариваешь, — с качалки откликнулся Бен. — Пойду-ка чего-нибудь придумаю на ужин, говоришь себе, и голос твой от долгого молчания скрипит как несмазанная телега.

Уилла окинула его внимательным взглядом. Бен смущенно поежился, как будто слова эти

ненароком сорвались с языка.

— Лиззи нет уже семнадцать лет, а наш единственный сын в Уганде, — проговорил он. — Думаете, почему до сих пор я вожусь с этой уймой писанины под названием медицинская практика? Чтоб хоть иногда общаться с живым человеком.

— Сын его — врач без границ, — сказала миссис Минтон.

— Это замечательно, — отозвалась Уилла.

— Да, но только он на другом краю света, — сказал Бен.

— Знаете… — Уилла запнулась, однако продолжила: — После смерти мамы отец стал дробить день на маленькие кусочки. В смысле, он не загадывал, как дожить свою жизнь, а радовался мелочам вроде бейсбольного матча по телевизору.

— Что ж, способ хороший, если срабатывает, — сказала миссис Минтон.

— Вот именно — если. У меня не получилось. Такая уж я уродилась — не умею жить моментом. Я из тех, кто на отдыхе беспрестанно мучается: а духовку-то я не забыла выключить? А как пройдет обратный перелет?

Дениза рассмеялась:

— Я бы думала только об одном: как растянуть отпуск подольше!

— Понимаете, да? Вот вы так умеете, а я нет.

— Ну мне пора, — сказала миссис Минтон. — Надо полить мои африканские фиалки.

Бен хлопнул себя по коленкам, встал и помог ей выбраться из кресла.

К ужину Питер сулился приготовить курицу на гриле, но так и не вышел из комнаты, и тогда Уилла сама запекла ее в духовке. Вечером он, ничего не объясняя, мрачно уселся за стол и расстелил салфетку на коленях; когда Уилла начала разрезать курицу, Питер не сказал ни слова, хотя обычно заявлял, что лучше него с этим никто не справится. Он явно пребывал в брюзгливом настроении.

Поскольку сейчас их было четверо, ужинали в столовой. Утром Бен принес офисное кресло на колесиках, и теперь даже Шерил могла спокойно докатить Денизу от кушетки до обеденного стола или до компьютера в углу комнаты. Бен сказал, что жесткие подлокотники — хорошая страховка от падения, но за ужином Дениза пожаловалась:

— Они мешают перебраться с кушетки в кресло. Знаете, что я думаю? Надо как-нибудь их убрать. — Она выжидающе посмотрела на Пите-

ра: — Отвинтить их, что ли?

— Я в этом не разбираюсь. — Питер вилкой подцепил кусок курицы и принялся жевать.

Дениза перевела взгляд на Уиллу.

— После ужина я посмотрю, что можно сделать, — сказала та.

Питер подцепил очередной кусок.

В основном беседу поддерживала Шерил, взбудораженная тем, что Пэтти и Лори завтра возвращаются домой.

— Не терпится их увидеть! — говорила она. — Пэтти всегда придумает что-нибудь интересненькое! Если мы с Лори бесимся от скуки, она усмехнется: «Эх, вы!» — и покажет новый карточный фокус или новое приложение в своем смартфоне. Пэтти хочет стать ведущей игрового шоу, когда вырастет.

— Мое мнение, что эта девочка не по годам развита, — сказала Дениза. — Однажды мы пригласили ее с нами в кино, и я глазам не поверила, увидев, как она вырядилась.

— Классный был прикид!

— Она выглядела потаскухой.

Питер внимательно изучал потолок.

— Представляете, Уилла, почти прозрачный топ с открытым плечом. И что это за вид? Типа,

ой, вообразите, с меня пытались сорвать одежду! Плюс шорты, обрезанные выше некуда, и туфли на каблуках! А? В одиннадцать лет! Собралась в кино!

— К твоему сведению, эти туфли для степа, — сказала Шерил. — В них танцуют.

— Ой, ради бога простите, я ошиблась! Конечно же, на сеансе мультфильмов все обязаны сплясать.

— Кому еще курицы? — спросила Уилла. У нее, похоже, собиралась разболеться голова.

Никто не ответил.

После того как они с Шерил вымыли посуду, Уилла осмотрела вертящееся кресло и решила, что подлокотники снять можно.

— Дениза, у вас есть крестовая отвертка? — спросила она.

— Посмотрите там в ящике со всяким хламом, только я не уверена.

Это не обнадежило, но Уилла прошла в кухню и выдвинула ящик, где навалом лежали разные инструменты, клейкая лента и шнур для картин. Вдруг вспомнилось, как ее родители приезжали навестить внуков. Печально покачивая головой, отец говорил: «Знаешь, в верхнем туалете труба подтекает. Если хочешь, я починю». Или: «Ты

заметила, что дверь кладовки перекосилась? Ничего, если я поправлю?» Уилла понимала, что так он выражает свою любовь к ней. И пусть она тайком вздыхала, услышав об очередном изъяне в ее хозяйстве, его желание помочь было невероятно трогательно.

А теперь вот она сама покачивала головой, роясь в ящике с хламом. Крестовая отвертка нашлась, и Уилла присела на корточки перед креслом, дабы навести порядок в этом мире.

Сразу после «60 минут» Питер ушел спать, сказав, что такси заказано на пять утра. Он попрощался с Денизой, пожелал ей скорейшего выздоровления и велел Шерил заботиться о маме.

— Огромное спасибо, что одолжили нам свою женушку, — сказала Дениза.

Питер не ответил: «Пожалуйста».

Потом они втроем сыграли несколько конов в «Верю — не верю». Дениза сидела на кушетке, Шерил — на полу, Уилла — в качалке, которую подтащила к журнальному столику. Оказалось, нынче уже не говорят «Не верю», говорят «Брехня». На первом же блефе Уиллы Шерил гаркнула: «Брехня!» Уилла испуганно вздрогнула и посмотрела на Денизу, но та лишь выдула громадный

розовый пузырь из жвачки, разглядывая свои карты. Понемногу Уилла обвыклась, но свое неверие выражала перханьем. Шерил и Дениза сочли это уморительным.

Потом Шерил отправилась в свою спальню, а Уилла вывела Аэроплана. Затем она уложила Денизу и, пожелав ей спокойной ночи, наконец-то поднялась к себе.

Умывшись в ванной, Уилла на цыпочках вошла в комнату. Предосторожность оказалась излишней, ибо кондиционер ревел во всю мощь. Свет был выключен, Питер уже уснул либо притворялся спящим. Слабая надежда, что он предложит провести последнюю ночь в тесноте, да не в обиде, не оправдалась. Ну и ладно. В темноте Уилла разделась и забралась в свою постель, от замороженного воздуха укутавшись в одеяло.

Она боялась, что спать будет плохо, но, видимо, сказался напряженный день — в сон провалилась мгновенно, а когда открыла глаза, в потемках Питер уже собирал свои вещи. Потом он выскользнул из комнаты, чиркнув сумкой по дверному косяку. Вот в ванной он бреется и одевается, представила Уилла, а теперь спускается по лестнице, выходит на улицу и ждет такси. Конечно, об этом она только догадывалась, ибо

кондиционер заглушал все звуки. «Меня будто наглухо заколотили в ящик, — подумала Уилла. Накрыло легкой паникой. — Что я здесь делаю? И вообще где я?»

Наконец она взяла себя в руки, встала и выключила кондиционер. Агрегат дрогнул и смолк. Открыв второе окно, Уилла опять залезла в постель. Вместе со стрекотом цикад в комнату вплыл далекий вой сирены «скорой помощи». Через минуту-другую к дому подкатила машина. Два мужских голоса перебросились парой фраз, хлопнула дверца, машина уехала.

Теперь слышались только цикады. Словно кто-то шкуркой зачищал доску — секунду передохнет и опять примется за работу.

8

Шон прислал сообщение на почту: «Прив. мам давай в кафе антуан в 6 час.»

«Хорошо, только я буду одна», — ответила Уилла, надеясь, что сын сообразит за ней заехать. Письмо она отправила после завтрака, а потом вместе с Шерил повела Аэроплана на прогулку. Когда вернемся, Шон, наверное, уже напишет, думала Уилла.

Утро выдалось славное, соседи околачивались

во дворах: миссис Минтон, опираясь на ходунки, уговаривала бассет-хаунда справить свои дела; Сэр Джо, из шланга поливая фургон, послал Уилле обольстительную улыбку; детектив Дейв хмуро разглядывал сорняки на лужайке. С Дейвом, рыхлым пузатым мужчиной в мятом тренировочном костюме, Уилла уже познакомилась — накануне он принес Денизе огромный пакет чипсов. Сейчас Уилла ему помахала, но он, втянув голову в плечи, так и стоял, похожий на птицу, нахохлившуюся под проливным дождем.

— Он в скверном настроении, — сказала Шерил. — Как всегда по понедельникам.

— А что не так с понедельником? — спросила Уилла.

— Из-за фейсбука его телефон молчит.

— Как это?

— Теперь никто не нуждается в услугах сыщика.

Уилла рассмеялась.

— Что смешного? — не поняла Шерил.

— Сама не знаю.

На душе было удивительно легко. Конечно, без Питера как-то странно, зато теперь здесь можно пробыть сколько хочешь, не переживая, что уделяешь ему мало внимания.

Вернувшись домой, Уилла проверила почту, но Шон так и не ответил. А вот Элейн кое-что прислала — фотографию впечатляющего горного пика в дымке облаков. Это в ее духе. Сестра считала, всем интересно увидеть места, где она побывала, ей даже не приходило в голову, что кто-то предпочел бы посмотреть на нее. Она не написала ни слова, только в строке «тема» проставила «Гора Алана».

На случай, если придется ехать самой, в «Гугле» Уилла посмотрела адрес кафе «У Антуана». Оказалось, это в Таусоне. Про городок этот Уилла только и знала, что расположен он к северу от Балтимора. Она прошла в столовую, где Дениза раскладывала компьютерный пасьянс.

— Можно я возьму вашу машину? — спросила Уилла. — Сегодня я ужинаю с Шоном.

Таиться не имело смысла — вполне естественно, что мать хочет повидаться с сыном.

— Да ради бога, — сказала Дениза, не отрываясь от монитора. Пока Уилла с Шерил выгуливали пса, она сама перебралась с кушетки в кресло и доехала до столовой, здоровой ногой отталкиваясь от пола, а руками — от стен и мебели. Дениза явно делала успехи.

— Мы встречаемся в Таусоне, в кафе. Как закон-

чите, я бы хотела посмотреть маршрут. Терпеть не могу разглядывать карту на маленьком экране телефона.

Дениза отвлеклась от пасьянса:

— Как называется кафе?

— «У Антуана».

— Вот в этом он весь. — Дениза скорчила рожицу. — Шон знать не знал про это кафе, пока я его туда не привела.

— Вон оно что, — беспомощно проговорила Уилла.

— Увидите, что он закажет. Могу спорить, крабовое суфле. В тот раз я заказала суфле себе и дала ему попробовать, а он все и умял.

— Ай, как нехорошо, — сказала Уилла. Конечно, что ж тут хорошего? Кольнула знакомая неловкость за сына.

— Да ладно. — Дениза потыкала клавиатуру и показала на монитор: — Вот карта, смотрите.

Уилла заглянула через ее плечо. Даже ей стало ясно, что дорога к Таусону проста: сначала прямо на запад, потом прямо на север. Однако сам город выглядел запутанным лабиринтом улочек.

От волос Денизы пахло шампунем, отдававшим падалицей. Вчера вечером Уилла помогла ей вымыть голову над кухонной раковиной. Запах

этот Уилле не нравился, но сейчас показался удивительно приятным.

— Возможно, Шон меня подвезет, — сказала Уилла, — однако на всякий случай лучше подготовиться.

— А почему прямо не попросить его?

— Да ну…

— Она тоже там будет?

Уилла не стала притворяться, будто не поняла, о ком речь.

— Наверное.

— Передайте, я надеюсь, что она довольна, — сказала Дениза.

Представив, как передает это послание, Уилла засмеялась; Дениза ожгла ее взглядом, но потом криво усмехнулась:

— Нет, не надо. Только если к слову придется.

Все утро Уилла мысленно сопровождала Питера: вот он летит, вот приземляется в Денвере для пересадки. До рейса в Тусон у него было время, и она ждала, что он позвонит, хоть не особенно на это рассчитывала.

Пришли Пэтти и Лори, подруги Шерил. Втроем они сходили в кулинарию и вернулись с сэндвичами к обеду: с ростбифом для взрослых и «подлодкой» для себя. Уилла и Дениза поели в

кухне, девочки — за кованым столиком во дворе. В кухню доносились пронзительные голоса гостей, наперебой рассказывавших о скучной вечеринке с чокнутыми кузенами, о походе в кино на ужастик и в торговый центр за сережками — подарком от тетушки. Шерил почти не было слышно. Странно, но происшествие с Денизой не обсуждалось. Когда девочки принесли пустые тарелки, Пэтти споткнулась о загипсованную ногу Денизы, та сморщилась и сказала: «Осторожнее!» Пэтти лишь извинилась и прошла к мойке. Старшая из сестер, она и впрямь одевалась весьма откровенно: топ бандо на плоской груди и упомянутые Денизой обрезанные шорты. Однако обе сестрички выглядели такими бледными замухрышками, что, по мнению Уиллы, беспокоиться было не о чем.

После обеда вся троица отправилась в комнату Шерил. Подъем на второй этаж сопровождался таким шумом, словно лестницу брали штурмом, потом наверху загрохотало, как будто там переставляли мебель. Затем началась какая-то игра, вызвавшая горячие споры о правилах, после чего загремело некое подобие музыки.

— Наверное, это у Пэтти, — скривилась Дениза. — Представляете, у одиннадцатилетней

девчонки свой смартфон!

— Но, кажется, им там весело. — Склонив голову набок, Уилла прислушалась. — Забавно, до чего все дети похожи, правда? Да уж, ребенок, он и в Африке ребенок: все дети одинаково дразнятся «бе-бе-бе-бе!», все с надрывом вопят «Так нечестно!».

— Спорим, Пэтти обучает подружек стриптизу? — сказала Дениза, но потом в ответ на смех Уиллы скупо улыбнулась сама.

Позже Уилла с бельевой корзиной проходила через площадку второго этажа и заглянула в детскую, любопытствуя, чем заняты девочки. Раскинув руки, Пэтти стояла лицом к двери, подруги ее, тоже вытянув руки, выстроились точно за ней, отчего она выглядела существом с шестью руками, которые дергано двигались по кругу в такт щелчкам, пробивавшимся сквозь музыку.

— Это клок-данс! — крикнула стоявшая последней Шерил, на секунду выглянув из-за Лори. — Похоже на часы?

Ах, вон оно что! Щелчки — это тиканье, а руки девочек — часовые стрелки, которые скачками движутся по циферблату, как на настенных часах в школьных классах.

— Очень похоже, — улыбнулась Уилла.

Спустившись в гостиную, она сказала:

— Жаль, вы не видите, какой забавный танец они исполняют.

— Мне уж кажется, я никогда не поднимусь на второй этаж, — хмуро ответила Дениза.

— Всему свое время.

Уилла посмотрела на часы — без четверти четыре. Питер опять в самолете, значит, уже не позвонит.

С компьютерной карты Уилла перерисовала подробный маршрут к кафе. Чтобы заранее подготовиться к поворотам в нужные улицы, она записала не только их названия, но и названия улиц на предшествующих перекрестках. Денизу это насмешило.

— Господи боже мой! — приговаривала она. — Городок-то крохотный!

— Вам легко говорить, — отвечала Уилла. — Кто хорошо ориентируется, никогда этого не поймет.

— Попросили бы Шона, чтоб забрал вас.

— Я думала, он сам предложит.

— А чего тут думать-то? Зачем миндальничать? Почему вы такая тюха?

Спору нет, тюха. Уилла молча разглядывала схему.

— Или вы решили, я буду страдать, если он

подъедет к дому?

— Нет-нет…

— Мне это никак, ей-богу! То была просто вспышка, когда он явился за вещами. Все давно прошло. Напрочь!

— Я даже не думала об этом. (Уилла не знала, что тогда произошло, но могла представить эту сцену.)

— Это уж пусть он страдает, что связался с такой цацей. Вот вы ее увидите. Вся из себя леди. Чистый платочек в рукаве. Могу спорить, она уже достала своего сожителя. Он-то, поди, кусает себе волосы.

— Локти! — рассмеялась Уилла.

— Один хрен.

— Кусает волосы и рвет локти.

Захохотали обе.

Уилла не стала говорить, что носит платочек в рукаве, если на ней одежда без карманов.

И почему же она такая тюха? Близится вечер, Питер, наверное, уже дома, но не звонит. Так почему не снять трубку самой, не спросить: «Как дела, как долетел?»

Но вдруг он прилег, встал-то рано, говорила себе Уилла, зачем беспокоить человека?

И понимала, что это просто отговорка.

На ужин она хотела пойти в платье-трапеции, но потом решила, что в нем будет жарко. Оставался только вариант хлопчатобумажного платья, которое она уже несколько раз надевала. За неимением гладильной доски Уилла прошлась по нему утюгом на обеденном столе. Нехватка нарядов уже ощущалась. (А Питер еще говорил, что она везет целый гардероб!) Нынче вот пришлось постирать в машинке белье и блузки. И маленький тюбик с тональным кремом подходит к концу. Щурясь в зеркало, Уилла нанесла крем очень экономно. Потом руками пригладила волосы. Химически усмиренные кудряшки уже требовали визита к парикмахеру.

Шерил ошивалась рядом, наблюдая за ее приготовлениями, но, услыхав дверной звонок, с криком «Я открою!» ускакала в прихожую. Пришли Барри и Ричард, чтобы выступить, по их выражению, в роли нянек. Шерил только возмущенно фыркнула. Днем они занесли корзинку с фруктами и пришли в ужас, узнав, что Шерил и Дениза на целый вечер останутся одни. Сойдя вниз, Уилла увидела, что эта потешно несхожая пара — плотник Барри, коренастый блондин с бородкой, облаченный в мятые штаны на завязках, и риелтор Ричард, высокий, смуглый, в элегант-

ном костюме с белой рубашкой и галстуком — на столе распаковывает пиццу. Сейчас перекусим и сыграем в «Скрэббл», сказали они, доску мы прихватили с собой.

— Я плохо играю, — призналась Дениза. — Вечно у меня получаются односложные либо матерные слова.

— Ничего, мама, я тебе помогу, — успокоила Шерил, но Дениза только покачала головой.

— А вот Уилла наверняка сильна в «Скрэббле», — сказал Ричард.

— Да не особенно. Но играть люблю.

Уилла отказалась от куска аппетитной пиццы с маслинами и грибами, предложенного Барри, и, взяв сумочку, направилась к двери.

— Счастливо оставаться! — сказала она, чувствуя, что охотно осталась бы и сама.

Еще не стемнело, что, конечно, облегчало поездку. Прежде чем запустить мотор, Уилла не торопясь придвинула сиденье ближе к рулю, поправила зеркала. Питер настроил приемник на волну общественного радио, но Уилла, отыскав кнопку, его выключила, дабы ничто ее не отвлекало. Потом на щелку приоткрыла окно, избавляясь от духоты, и потихоньку отъехала от тротуара.

Она опасалась плотного транспортного потока, но разъехалась лишь с одной встречной машиной на Доркас-роуд. Затем вырулила на знакомую Рубен-роуд, на углу которой уже два дня сидело чучело кролика, державшее в лапах картонку с надписью «Кто меня потерял?». А потом, оглянуться не успела, одолела левый поворот на Норд-Паркуэй и выбралась на простор шоссе. И здесь машин было мало, а потому не приходилось беспокоиться о том, что она тихоход, собравший за собой хвост из автомобилей. Для съезда на Йорк-роуд предстояло выполнить правый поворот, не представлявший никакой сложности. Уилла чуть-чуть расслабилась. За окном проплывали магазинчики, закусочные, ряды скромных домишек. Наконец возник торговый район, это, видимо, и был Таусон. Редкие встречные машины позволяли спокойно читать названия улиц. Ага, вот за этим перекрестком следующий поворот налево… Уилла свернула в нужную улицу и тотчас увидела неоновую вывеску кафе над окном со средником. Ой, а встать-то некуда! С перепугу Уилла завернула направо в ближайшую улицу, где — о чудо! — были свободные места на платной стоянке. Слава тебе господи! Даже не надо маневрировать, вставай носом к счетчику.

Уилла выключила мотор и шумно выдохнула. Потом встряхнулась, взяла сумочку и вылезла из машины. И даже не забыла накормить счетчик.

Она пошла к кафе, и тут с ней случился казус. Вдалеке Уилла заметила светловолосого мужчину в брюках хаки и рубашке с короткими рукавами, шагавшего ей навстречу. Сперва она только скользнула по нему взглядом, но потом что-то в его походке вразвалочку показалось знакомым. Уилла встала как вкопанная. Господи, это же Шон! Родной ее мальчик, которому уже стукнуло тридцать восемь. Похоже, здесь он себя чувствовал как дома. Рядом с ним шла тощая блондинка в сарафане в горошек. Увидев мать, Шон ухмыльнулся и вскинул руку. Он вовсе не обомлел, как Уилла.

— Привет, мам. — Сын чмокнул ее в щеку и кивнул на свою спутницу: — Это Элисса.

— Здравствуйте, миссис Брендан. — Женщина протянула руку.

— Просто Уилла. — Она пожала холодную ладонь с тонкими длинными пальцами. Элисса казалась лет на десять моложе Шона. Сарафан исключал платочек в рукаве, но наброшенный на плечи кардиган создавал, по мнению Уиллы, тот же эффект цацы.

— Ну что, идем? — Через стеклянную дверь Шон первым вошел в небольшой, уже почти заполненный зал и сказал администраторше: — Столик на шесть часов для Макинтайра.

Уиллу опять кольнуло странное чувство — ведь некогда это была и ее фамилия.

Их провели к угловому столику. Шон и Элисса сели рядом, Уилла — напротив них, положив сумочку на свободный стул, а сцепленные руки на колени.

— Ну что ж, дорога оказалась не такой уж страшной, — сказала она.

— Вот видишь, — ответил Шон и пояснил для Элиссы: — Мама не особо любит садиться за руль.

Та сочувственно причмокнула.

— Кое-кто из старых подруг удивляется, что у нее вообще есть права.

— Ладно тебе, не выдумывай, — сказала Уилла, вновь почувствовав себя в роли нескладной мамаши, какую ей отводили сыновья-подростки. — Элисса, вы родом из Балтимора?

— Нет, сюда я переехала не так давно. Вообще-то я из Нью-Йорка.

Однако нью-йоркский выговор в ее речи не слышался. Все слова она произносила очень

внятно, усиленно артикулируя маленьким ртом с ярко-красными, четко очерченными губами. (Шерил непременно спросила бы, пользуется ли Элисса контурным карандашом.) А вот рукава наброшенного на плечи кардигана были завязаны весьма небрежно, что предостерегало ее от резких движений.

Уилла уже скучала по Денизе.

Официантка принесла меню — слегка захватанные кремовые папки с кисточками.

— Мам, рекомендую крабовое суфле, — сказал Шон.

— А, ну да, суфле, — откликнулась Уилла.

— Вина выпьешь?

— Наверное, не стоит, раз я за рулем. Лучше чаю со льдом.

— А мы, пожалуй, возьмем бутылку «Пино Гриджио», — заказал Шон.

— Вы довольны своим приездом, Уилла? — спросила Элисса.

Шон обсуждал с официанткой достоинства вин, а Уилла, завороженная собственным чадом, восхищенно разглядывала его профиль: какой у него чудный прямой нос! какие очаровательные короткие светлые ресницы! С трудом оторвавшись от созерцания сына, она ответила:

— Да, вполне.

— В Денизу стреляли! Уму непостижимо! — сказала Элисса. — Преступника нашли?

— Нет, и, кажется, уже бросили искать.

Удивительно, что она так запросто говорит о Денизе, подумала Уилла. И как они могли дружить, если одна — вещь в себе, а другая — душа нараспашку?

Шон закончил диалог с официанткой и включился в беседу:

— А по-моему, вполне постижимо. Не забывай, что это не самый благополучный район.

— Нет, там я не чувствую никакой опасности, — сказала Уилла. — По вечерам совершенно спокойно гуляю с собакой.

— Твое мнение еще может измениться. Ты посмотри, кто там живет! Отморозок на мотоцикле, опустившийся сыщик, бывший врач, у которого куча неимущих пациентов…

Он не прав, подумала Уилла. Они не такие. Даже если такие, в них еще много другого. Но спорить не стала и сменила тему:

— Как дела на работе, милый? Все в порядке?

— Что? А, да.

Уилла не знала точно, чем занимается сын. Впрочем, так же было и с его отцом.

— Ты здесь обосновался насовсем? — спросила она.

— Наверное, — сказал Шон и углубился в меню.

— А вы, Элисса, работаете?

— Да, я агент фирмы по оформлению окон.

— Как интересно!

— Тут требуется чувство цвета и чувство стиля. Не говоря уже о такте. Вы не представляете, что люди хотят видеть на своих окнах.

— Могу вообразить, — сказала Уилла.

Официантка подала напитки и приготовилась взять заказ. Шон и Уилла выбрали крабовое суфле (он — с картошкой фри, она — с шинкованной капустой), Элисса — куриное филе под острым соусом (но без острого соуса) и салат (но чтоб приправа на краю тарелки). Уилла надеялась, что все закажут и суп и тогда ужин продлится, однако Шон и Элисса от первого отказались.

После ухода официантки повисла долгая пауза; вся их компания наблюдала за капризным малышом, который улегся под соседний столик, сложив руки на груди.

— Ну перестань, Джорджи, — упрашивала его мать. — Не надо, милый…

— Жаль, с нами нет Питера, — наконец сказала

Уилла.

— Я тоже огорчилась, — подхватила Элисса. — Было бы приятно познакомиться.

— Его позвали дела. Шон знает, как с ним это бывает.

— Я думал, он на пенсии, — сказал Шон.

— Да, верно, однако с фирмой не порывает.

— Кто бы сомневался. — Шон повернулся к подруге: — Мы с братом называем его «нескончаемым подарком».

Элисса фыркнула, но Уилла озадачилась.

— В каком смысле? — спросила она.

— Ну как, все эти его фу-ты ну-ты и придирки всегда дают богатую пищу для беседы.

— Я не понимаю, о чем ты!

— О, если б нынче он пришел! Представляешь, Элисса, он никогда не садится за столик, который ему предлагают, но просит показать другие. Затем — вино. Ему наливают глоток на пробу, он цедит вино, потом гоняет во рту и хмурится, а все ожидают его вердикта.

— Не выдумывай, пожалуйста, — сказала Уилла.

— Но это еще цветочки, а ягодки — заказ блюда. Официантка с блокнотом и ручкой стоит, стоит, стоит…

— Элисса, он преувеличивает!

— Потом говорит: может, я подойду позже? Нет-нет, отвечает Питер и продолжает ее мариновать. Наконец спрашивает: у вас спаржа со своего огорода? Ее сорвали по росе?

— Шон все сочиняет! — воскликнула Уилла. — Питер очень милый. И забавный, у него весьма… едкий юмор.

— Как вы познакомились? — спросила Элисса.

— О! — обрадовалась Уилла. — Я стояла в очереди на почте, в руках держала бутылку воды, а Питер перегнулся через мое плечо и спрашивает: «Разве не шерпа должен носить за вами воду?»

Она рассмеялась, а Элисса как будто опешила.

— Ну, теперь ты понимаешь? — спросил ее Шон.

— А что здесь плохого? — удивилась Уилла.

Официантка безмолвно поставила перед ними еду, словно почуяв, что сейчас не время интересоваться, всем ли они довольны.

— Вечно он центрит и витийствует, — сказал Шон. — Вспомни, мам, как он изощрялся в остроумии над панино. Представляешь, Элисса, на коробке с крекерами он читает «рекомендованные блюда», среди которых итальянский бутерброд с сыром, перцем, кабачком и прочим.

Только там его назвали «панини». «Надо же, панини! — фыркает Питер. — Во множественном числе, что ли? Этакая безмозглость аппетит отбивает напрочь!»

Элисса хмыкнула.

— Он просто воплощение тяжелого характера. — Шон отправил в рот добрую порцию суфле.

«Не похоже, что у тебя характер — воск», — подумала Уилла, но вслух сказала:

— Ты несправедлив к нему. Каждый имеет право на свое мнение.

Шон молча подцепил вилкой суфле.

Элисса деликатно покашляла. Она еще не притронулась к своему блюду.

— Очень жаль, что я никогда не видела отца Шона.

— И впрямь жаль. — Уилла порадовалась смене темы. — Он бы вам наверняка понравился. Знаете, он присутствовал при родах Шона и так возликовал, когда тот появился на свет. «Ребеночек!» — крикнул он. Хотел сказать «мальчик», но очень пере…

— Он погиб в дорожной аварии, — вмешался Шон.

— Да, ты говорил, — пробормотала Элисса.

Уилла склонилась к тарелке и попробовала

суфле. Вкус пригорелого блина.

— Что-нибудь еще для вас? — спросила официантка.

— Нет, все великолепно, — сказал Шон.

Уилла невольно вспомнила, что Питер терпеть не может оборот «что-нибудь для вас».

— Дайте знать, если еще что-нибудь захотите. — Официантка ушла.

Звякали вилки, шуршали кубики льда. Элисса начала есть, поминутно промокая салфеткой губы. Шон расправился с суфле и приступил к картошке. С детства он все ел поочередно.

— А вы давно знакомы? — Уилла тщательно сформулировала вопрос. Она не могла спросить: «Как вы познакомились?» — поскольку было ясно, что Дениза ей обо всем рассказала.

Помешкав, Элисса ответила за двоих:

— С год, наверное. То есть мы знакомы около года, а встречаться начали… позже.

— Ага.

— Я не плохая, поверьте.

Это было так неожиданно, что на секунду Уилла растерялась.

— Нет-нет, — сказала она.

— Я хотела терпеть мужа и дальше, честное слово. Но тут появился Шон.

Уилла могла это понять. Шон даст Халу сто очков вперед, что тут говорить.

— Когда я переехала на Доркас-роуд, мы с Шоном часто пересекались в спортзале. Поначалу я даже не знала, что мы живем на одной улице. Дениза в спортзал не ходила. Хал тоже. Вот так мы рядышком и бегали на тренажерах.

От этих подружек, подумала Уилла, несомненная польза: через них больше узнаешь о сыновьях. Она понимающе кивнула, боясь неосторожным словом оборвать рассказ. А вот Шон явно хотел, чтоб подруга замолчала.

— Да ладно, чего там, — пробурчал он.

— Вы, наверное, не знаете, но каждое воскресенье я ужинаю со свекром и свекровью, — сказала Элисса, возвращаясь, видимо, к теме, что она вовсе не плохой человек.

— Нет, не знаю, — подтвердила Уилла.

— Я это делаю ради Хала. Он не хочет, чтоб его родители знали.

— О чем?

— Они думают, мы по-прежнему вместе. «Душенька, ты пользуешься скатертью, которую я тебе подарила?» — спрашивает его мать. Все время, говорю, да вот только недавно стелила, когда к нам в гости пришел мой начальник с женой.

Теперь не знаю, что делать с Днем благодарения. Прежде родители Хала всегда отмечали этот праздник у нас.

— Значит, до этого придется оглушить их новостью, — сказал Шон.

— Почему это *я* должна оглушать? Они не мои родители.

— Так ты же его бросила.

— И вовсе нет! Понимаете, Уилла, мы собирались все сказать Денизе и Халу. Дениза пригласила нас с Халом на ужин, и я говорю Шону: вот случай поставить их в известность. Спокойно и культурно. Однако у Денизы подгорело мясо по-французски.

Уилла опять кивнула — мол, так-так, интересно.

— Все куски пригорели к сковородке. Дениза хотела разложить их по тарелкам — а никак. Она лопаткой поддевает куски, аж сковородка прыгает, но мясо не отдирается. Дениза вся побагровела, чертыхается. Наконец мы получили обугленные ломти, которые даже не проткнешь вилкой. Под столом я ногой толкнула Шона и глазами ему сказала: молчи. А то добьем ее окончательно. И с готовкой лопухнулась, и парень бросил — все в один вечер. Ведь так было?

— Нет, не так, — сказал Шон. — Одно с другим никак не связано. Я, мам, прекрасно понял, почему она меня толкнула ногой, а вернее, пнула. Вот я и прикусил язык. Но если честно, она просто хотела увильнуть. Чтоб, значит, утром я сказал Денизе: завтрака не нужно, я съезжаю. И чтоб потом мы вдвоем известили Хала.

— О господи! — вздохнула Уилла, невольно представив всю эту картину с точки зрения Денизы. И даже малоприятного Хала.

— А может, с Днем благодарения и обойдется, — задумчиво проговорила Элисса. — Если заранее дать Халу список продуктов, а в праздник с утра пораньше…

— Да просто сними трубку и позвони этим чертовым свекру и свекрови! — рявкнул Шон.

Элисса испуганно моргнула и стала крутить салфетку.

— А скажите… — поспешно заговорила Уилла, сама не зная, о чем хочет спросить, но ее охватило сочувствие к Элиссе, — у вас… э-э… дом или квартира?

— Квартира, — ответил Шон. — Неподалеку от водохранилища. (Уилле это ни о чем не говорило.) Славная такая. Есть балкон, ниша для обеденного стола, а кабинет можно использовать

как гостевую комнату…

— Иэн станет первым гостем, который у нас заночует, — вставила Элисса.

— Иэн? — изумилась Уилла.

— Я почти уговорил его приехать в сентябре, — сказал Шон.

— Приехать… сюда?

— У него будет неделя отпуска.

— Я этого не знала.

— Говорит, если отпуск не использовать, он пропадет.

— Понятно, — сказала Уилла.

Она хотела взять счет, поданный официанткой, — к ее огорчению, сотрапезники отказались от десерта и кофе, — но Шон ее остановил:

— Я заплачу.

— Нет-нет, позволь мне, — запротестовала Уилла.

— Негоже, чтоб Питер оплачивал ужин, на котором его не было.

— Почему Питер? — удивилась Уилла. — Я заплачу сама.

— Вот как? Ты не пользуешься его шикарной урановой или какой там кредиткой?

— Не пользуюсь, — раздраженно отрезала Уилла. — У меня, к твоему сведению, свои деньги. И

рабочий стаж несравнимо больше твоего.

Шон вскинул руки:

— Извини, сдаюсь!

Уилла расплатилась и, демонстрируя свою финансовую независимость, оставила чрезмерные чаевые, хоть Шон об этом не узнал.

Когда вышли на улицу, еще даже не смеркалось.

— На чем ты сейчас ездишь? — просто из вежливости спросила Уилла. По ее наблюдениям, тема эта всегда волновала мужчин, но Шон, оказалось, не придавал ей значения. Он пожал плечами:

— Да все на той же старушке.

Знать бы — на какой.

— Я припарковалась за углом, — сказала Уилла.

— А мы вон там. — Шон махнул в другую сторону и чмокнул ее в щеку. — Ну ладно, мам, рад был тебя повидать.

Элисса протянула руку, но Уилла поцеловала ее в щеку — так уж положено. Скольких подружек Шона она перецеловала на прощанье? И девиц Иэна.

— Берегите себя, — сказала Элисса.

Питер бы спросил: «От чего?»

Они разошлись, Шон и Элисса — налево, Уилла

— направо.

Обычные люди дорогу назад запоминают автоматически, но только не Уилла. Прежде чем запустить мотор, она внимательно изучила названия улиц, в обратном порядке записанные на обороте ее шпаргалки.

Потом глянула в зеркало и заметила новые морщинки возле глаз. Лицо в подсохшем тональном креме выглядело пористым. За один вечер она превратилась в развалину.

Миновав торговый район, жилой квартал и скопище магазинчиков, Уилла выехала на Норд-Паркуэй и покатила на восток. Встречных машин не было вообще. Дома вдоль дороги стали меньше и скромнее, окрестности узнаваемее.

Иэн собирается к Шону?

Мог бы навестить их с Питером!

Ведь с Шоном они не особенно близки.

Вспомнился один давний случай, когда сыновья были еще подростками. Втроем они шли по улице, и вдруг Уилла поняла, что рядом мальчиков нет. Оглянувшись, она увидела, что Иэн в одних трусах разлегся на тротуаре, а Шон стоит над ним, победно размахивая его джинсами и майкой. И ведь на минуту всего отвернулась!

Тогда Уилла рассвирепела, а сейчас губы ее

дрогнули и расползлись в улыбке.

Ладно, бог с ним. Следи за дорогой, думай, как доберешься на Доркас-роуд. Скоро будешь дома, сыграешь в «Скрэббл». Может, и пиццу не всю еще съели.

9

В среду Дениза сама осилила подъем на второй этаж: села на нижнюю ступеньку лестницы, потом приподнялась на следующую и так втянула себя на площадку.

— Снова буду спать в своей постели! — радостно возвестила она.

Уилла с Шерил перенесли ее вещи, и еще до вечера в комнате воцарился прежний беспорядок: на туалетном столике навалом косметика и щетки для волос, на полу разбросана одежда, на кровати куча глянцевых журналов.

Уже на другой день Дениза заявила, что вновь обретенная относительная мобильность позволит ей на час-другой появляться на работе.

— Вместе с Шерил вы отвезете меня в школу, а после заберете, — сказала она.

— Только вам придется меня направлять, — предупредила Уилла.

Однако уже посадка в машину оказалась непро-

стой задачей. На крыльцо Дениза выбралась на костылях, которые отставила в сторону и, придерживаясь за Шерил и Уиллу, села на верхнюю ступеньку, потом съехала на следующую и так задом пересчитала все. По прибытии ее на нижнюю ступеньку Уилла помогла ей подняться, Шерил подала костыли, и Дениза заковыляла к тротуару. Идти было недалеко (в размере палисадник уступал даже дверным коврикам в доме Уиллы), но процессия так долго добиралась до машины, что на улице успела собраться небольшая толпа сочувствующих зрителей, подававших ненужные советы, — Эрланд, миссис Минтон, Дейв Реберн и крохотная старушка, направлявшаяся на прием к Бену Голду.

— И где этот Сэр Джо? Вот когда надо, его нету! — громко возмущалась миссис Минтон, забыв, что сейчас середина рабочего дня.

— Но я-то здесь, — обиженно сказал Дейв. Осанкой он напоминал сдутый воздушный шар, и никто не посторонился, чтобы передать Денизу в его руки.

Наконец она устроилась на заднем сиденье, но вспомнила, что оставила в доме сумочку, и отправила за ней Шерил. Уютную тишину в машине нарушало только пыхтенье Денизы, ко-

торая после затраченных усилий никак не могла отдышаться. В зеркало Уилла наблюдала за старушкой, семенившей к дому Бена. Машины ее не было видно, наверное, она приехала на автобусе. Или пришла пешком, если жила неподалеку. Ведь тут полно немощных стариков.

— А Питер уверял, что я смогу ездить с одной ногой, — подала голос Дениза. — Говорить-то легко, а ты попробуй! Одной ногой жмешь на педали, но другой-то упираешься в пол.

— Да что он понимает! — откликнулась Уилла.

После его отъезда они лишь раз поговорили по телефону. Уилла позвонила сама. Прождав весь понедельник, она набрала номер Питера во второй половине вторника, чтобы уж наверняка его не разбудить.

— Алло? — с вопросительной интонацией произнес Питер, хотя, конечно, увидел код Балтимора на определителе номера.

— Привет, милый. Как ты добрался?

— Кошмарно, — буркнул Питер.

— Сочувствую.

— Представляешь, первый отрезок пути я летел эконом-классом.

— Да что ты?

— Рона не смогла достать ничего лучше. Кроме

того, я сидел в середине ряда. Сосед слева всю дорогу спал и храпел, точно трактор, на секунду смолкнет, а потом выдаст колено, от которого запросто хватит инфаркт. Соседка справа, весом не менее двухсот фунтов, поставила к моим ногам огромную сумку, откуда тотчас достала громадный сэндвич с салями и луком, запах убил бы и лошадь…

— Просто ужас!

— Еще до того как погасло табло, она дважды вызвала стюардессу — мол, когда подадут напитки? Наконец тележка приехала, и она взяла две «Кровавые Мэри», хотя еще было рано даже для завтрака, и пакетик орехового ассорти. Ха! Это вообще не еда — хрустящая дрянь, облепленная солью для посыпки тротуаров. После сэндвича из сумки появился бостонский кремовый пирог в вощеной бумаге, которая все время слетала мне на колени, потому что соседка, естественно, включила свой вентилятор. Где-то над Канзасом она заказала обед и принялась за удивительный салат: никаких овощей, только месиво из белой приправы, сухариков и чего-то отдаленно напоминавшего бекон. На подлете к горам она развернула…

— Ты сам-то что-нибудь поел? — спросила

Уилла.

— Нет, конечно.

Потом Питер сказал, что ему пора на гольф. Он не поинтересовался, как там Дениза и Шерил, не спросил об ужине с Шоном.

Дениза тоже не спросила о Шоне — возможно, не хотела заводить разговор при Барри и Ричарде. Но и на другой день она лишь обронила:

— Значит, вы сподобились увидеть Элиссу.

В ответ Уилла что-то промычала и сменила тему.

А вот сейчас, когда на крыльце уже появилась Шерил с сумкой через плечо, Дениза вдруг сказала:

— Наверное, Шон и Элисса ни словом не обмолвились о том, чтобы вы пришли к ним в гости, а?

— Нет, не обмолвились.

— Представляете, за все время она ни разу не пригласила меня к себе.

— М-да.

Тут Шерил открыла дверцу, взгромоздилась на пассажирское сиденье, и разговор иссяк.

Оказалось, до школы добраться просто. Следуя указаниям Денизы, Уилла проехала три квартала по Доркас-роуд, миновала чучело кролика, все еще спрашивавшего, кто его потерял, затем

«Прокат и ремонт велосипедов» и свернула к бейсбольному полю, превратившемуся в заросший бурьяном пустырь. Еще через два квартала они уперлись в безликое кирпичное здание постройки сороковых годов прошлого века. Относительно новая деревянная вывеска «Начальная школа» не вполне прикрывала ту же надпись, высеченную в каменной окантовке парадной двери; в окнах виднелись плакаты и детские рисунки, за лето изрядно выгоревшие.

Уилла подъехала как можно ближе к входу. Едва она принялась вытаскивать Денизу с заднего сиденья, как из школы выскочили, путаясь друг у друга в ногах, две взволнованные молодые женщины — те самые, кого Уилла уже видела в больнице.

— Легче, легче! Не тормошите ее! — закричали они. — Мы сами!

Уилла отступила в сторону, предоставив им выудить Денизу из машины и подвести к входной двери; следом Шерил несла костыли. Словно по волшебству, на крыльце возникла миссис Андерсон.

— Осторожнее, дамы! — воскликнула она. — Дайте ей воздуху!

Директриса приняла у Шерил костыли, учи-

тельницы суматошно помогли Денизе взойти на крыльцо. Миссис Андерсон поздоровалась с Шерил и Уиллой:

— Привет, дорогуша. Добрый день, бабуля.

— Здравствуйте, — сказала Уилла.

— Все еще не уехали?

— Да вот… пока нет.

— Через пять недель начало учебного года. Еще будете здесь?

— Будет! — Шерил подскочила к Уилле, но та, улыбнувшись, ответила:

— Наверное, нет.

Миссис Андерсон тут же потеряла к ней интерес и скомандовала:

— Джинни, ступай в бойлерную, скажи Лоренсу, что Дениза приехала. Он обещал отнести ее в мой кабинет.

— Это необязательно, — сказала Дениза. — Раздобудьте мне кресло на колесиках, и все. Уилла, я вам позвоню, когда меня забирать, да?

— Я буду готова в любое время.

— Дорогу назад найдете?

— А я-то на что? — возмутилась Шерил.

— Ну ладно. — В окружении провожатых Дениза скрылась в здании.

Уилла и Шерил вернулись к машине.

— Скоро в школу, — вкрадчиво сказала Шерил, словно суля лакомство.

— Да, лето всегда пролетает незаметно, — вздохнула Уилла.

Видимо, девочка ждала другого ответа. Она огорченно сморщилась и, пнув покрышку, села в машину.

Питер позвонил, когда в кухне сидел Эрланд, явившийся под надуманным предлогом помочь в доставке Денизы домой. (Парень влюблен в нее, что ли?)

— Кто там? — нахально спросил он.

Уилла не удостоила его ответом. На мобильнике высветилось «Питер», и у нее будто камень с души свалился.

— Привет, милый!

— Как ты? — спросил Питер. Голос его был мягок.

— Все хорошо. Прикидываю, что купить к ужину. Шерил ушла к подружкам поплавать в бассейне их бабушки, а я тут в кухне с Эрландом.

— Просто идиллия.

— Хочу приготовить свою коронную курицу с рисом.

— А я ужинаю в клубе. Наверное, будет что-то чем-то фаршированное. Меня пригласили Джим

и Сара Бёрнс.

— Вот и хорошо.

— Лишь бы Сара не завела рассказ о своих гениальных детках.

— Дома все в порядке?

— Да, утром приходила Мануэла, сделала уборку. По-моему, она спросила о тебе, но я не понимаю ни слова из того, что она говорит.

— Ты не забыл выдать ей деньги, нет?

— Нет, конечно. Как там Дениза?

— Хорошо. — Она не стала говорить, что Дениза самостоятельно одолела лестницу и даже вышла на работу.

— Кто звонил? — спросил Эрланд, когда разговор закончился.

— Питер, разумеется. Кого еще я назову «милый»?

— Так, может, Шон позвонил.

— Нет.

«Какое его собачье дело? — подумала Уилла. — Расселся тут — ноги вытянул на полкухни и даже шапку не снял». Она нахмурилась, но любитель совать нос в чужую жизнь этого не заметил.

— Почему Питер уехал раньше? — спросил он. — Вы поссорились?

— Никто не ссорился. Ему пришлось вернуться

на работу.

— Он юрист, да?

— Да. — Уилла подставила стремянку к шкафчику над плитой, надеясь отыскать рис.

— Он работает по уголовным делам или как?

— Нет, по договорам о слиянии и поглощении.

— А что это?

Уилла не ответила, сомневаясь, что собеседнику это вправду интересно. Она влезла на стремянку и заглянула в шкафчик.

— Лучше бы он защищал преступников, — задумчиво проговорил Эрланд.

— Лучше — для кого?

Ага — рис. В целлофановом пакете, на чашку наберется. Уилла взяла пакет и спустилась со стремянки.

— Ну вот, скажем, вас арестовали и вы имеете право на звонок. Было бы кому позвонить.

— Ты меня очень утешил. — Уилла занесла стремянку в чулан.

— Нет, правда, что делать-то? Вот мне, например, звонить некому.

— А Сэр Джо?

— Он же не адвокат.

— Нет, но он бы нашел тебе адвоката.

— Откуда он знает, где искать?

— Ну что ж, выходит, лучше не попадать под арест.

Эрланд съежился.

— По рецепту нужна грудка, но я, пожалуй, возьму окорочка и просто подержу их в духовке подольше. — Уилла разговаривала сама с собой. — Окорочка гораздо вкуснее.

— Маленьким я собирал полезные советы преступникам, они были в конце комиксов. То есть там не говорилось, что это для преступников, но кому еще понадобятся подсказки, как уничтожить свои следы и не оставить отпечатки пальцев? Или вот: если нужно незаметно завладеть ключом, с него можно снять отпечаток, вдавив его в подтаявший шоколадный батончик. Однако тут я чего-то не пойму: ты просишь слесаря изготовить ключ по отпечатку в батончике, но ведь неизбежно возникнут вопросы.

— Даже если не возникнут, как вставить батончик в станок?

— По-моему, все эти советы лишь для того, чтоб подурачиться с детишками. — Эрланд принялся грызть ногти.

Уилла терпеть не могла эту привычку. Она отвернулась и внесла куриные окорочка в список продуктов.

— А если б Питер захотел, он бы мог сразу стать уголовным адвокатом? — невнятно спросил Эрланд. — Или надо пройти курс обучения?

— Точно не скажу. Да прекрати же ты!

Эрланд отдернул пальцы ото рта, стрельнув испуганным взглядом.

— Не обижайся, но у меня зубы ноют, когда кто-то грызет ногти.

— Ладно, — покорно сказал он.

— Извини, — повторила Уилла. Она поняла, что вышло грубо, и постаралась загладить вину: — Шапку снять не хочешь? Ты же в ней сжарился.

— Ничего, нормально.

— А почему ты ходишь в шерстяной шапке летом?

— Из-за курчавых волос, будь они неладны.

— О, это мне знакомо, — сказала Уилла.

Эрланд окинул ее недоверчивым взглядом:

— Да нет, у меня как будто каждая кудряшка еще имеет свои завитки. Стоит снять шапку, волосы сразу дыбятся и я точно клоун, у которого рыжие патлы торчат по бокам головы.

Уилла не стала говорить, что сейчас он именно так и выглядит.

— В юности я перед сном натягивала чулок на голову, — поделилась она. — Не помогло. Теперь

пользуюсь услугами специалиста.

— Как это?

— В салоне красоты.

Эрланд скептически сощурился.

— Если я здесь задержусь, ты сам все поймешь. Видишь? — Уилла приподняла прядь. — Барашки уже побежали.

Демонстрация, похоже, не впечатлила Эрланда, он опять начал грызть ноготь, но опомнился и убрал руку.

— Жалко, что я не взрослый.

— Детям тоже выпрямляют волосы. Но тебе, по-моему, это не нужно.

— Противно, что я не в ответе за собственную жизнь.

— А. Ну да. — Уилла не принадлежала к тем, кто говорит юнцам, как хорошо быть молодым.

— Вам тот коп не звонил? — вдруг спросил Эрланд.

— Какой коп?

— Ну тот, что расспрашивает, не видел ли кто стрелка.

— Нет, никто не звонил.

— Вчера вечером он позвонил Сэр Джо. Мол, нет ли у кого новых соображений по этому делу.

— Дениза ничего не говорила.

Эрланд яростно вытер рукой нос. Уилла внимательно посмотрела на него и спросила:

— В чем дело?

Молчание.

— Эрланд, что такое?

Парень оглушительно шмыгнул. Уилла подала ему салфетку. Не поднимая глаз, Эрланд взял ее и высморкался.

— Это я, — чуть слышно произнес он.

— Не поняла?

Эрланд нашел сухое место в салфетке и снова высморкался.

— Это я ее подстрелил, — сказал он.

Уилла опустилась на стул.

— Я не нарочно, честное слово. Только пытался остановить того дурака, который размахивал пистолетом. Я не хотел в нее попасть.

— Давай-ка с самого начала, — сказала Уилла.

Эрланд глубоко вдохнул.

— У меня, значит, есть друг. Ну вроде как друг. Магнус его зовут. Познакомились в кружке по химии. Он бомбил раздевалки.

— Что он делал?

— Только не говорите никому, ладно? С этим он уже завязал. А в тот день мы с ним столкнулись в кулинарии. Вышли вместе. Я такой — во! иду

рядом с Магнусом-бомбилой! Чтоб он не отвалил на следующем углу, я взял да и сказал, что у моего брата есть пистолет.

— У Сэр Джо есть пистолет?

— Да. Ну и вот…

— Зачем он ему?

— Что значит — зачем? Есть, и все. А я вот сболтнул. Магнус говорит — покажи. Я обрадовался, что он, значит, зайдет ко мне, и говорю: пошли. Приходим, я открываю дверь, и тут Шерил…

— Шерил была с вами?

— Да, на улице стояла куча народу, все глазели на грохотавшую мойку, и Шерил вместе с Аэропланом тоже вылезла из дома. Увидела нас, подкатила и давай трещать: Эрланд, кто это с тобой? куда вы сейчас? чего затеяли? Не твоего, говорю, ума дело, и мы с Магнусом заходим в дом. Сэр Джо держит пистолет в унте, и я…

— Где держит?

— Ну, унты — обувь такая эскимосская, какая-то девица ему на Рождество подарила. Сэр Джо говорит, что только дурак хранит оружие в тумбочке, потому как грабитель первым делом туда-то и сунется. Ну вот, мы поднимаемся в комнату, я достаю пистолет из унта, и Магнус его сразу выхватил. Осматривает этак, будто разбирается в

стволах, заглядывает в дуло, потом засовывает за ремень. Ладно, говорю, хватит, давай его сюда, а он ноль внимания и с пистолетом за поясом выходит из комнаты. Я кидаюсь следом и уже злюсь, хорош, говорю, Магнус, я серьезно. А он мне — чего ты, говорит, так гоношишься? И спускается к входной двери, а там на крыльце Шерил с Аэропланом — руки ширмочкой, зырит сквозь сетчатую дверь.

— Шерил! — ахнула Уилла.

— Ну да, я ж сказал. Магнус ей — отвали, толстуха! Шерил отпрыгнула, он вышел на крыльцо. Я говорю — все, Магнус, кроме шуток, а он — чё ты, говорит, такой бздун, Эриксон, расслабься. Достает пистолет из-за пояса, вытягивает руку и целится в дом напротив. Он бы, конечно, не нажал собачку, он же не полный идиот, но я уже озверел, потому что все зашло черт-те куда. Знаете, как от злости шумит в ушах? Вот и у меня зашумело, я подскочил и выхватил у него пистолет. Даже не думал, что удастся! Я думал, он его держит крепко. Наверное, не ожидал, что я кинусь, потому и выпустил. А пистолет вдруг… это… выстрелил.

Уилла простонала.

— Я не хотел, — сказал Эрланд.

— Чем ты думал-то? Ты же мог убить Шерил!

— Да. Или Аэроплана.

— Ты идиот!

— Он сам выстрелил, честное слово! Я думал, он на предохранителе. От испуга я его выронил, стою такой, смотрю на него, потом поднимаю голову и вижу — Магнус как чесанул по улице! Сперва думаю — фигня, никто ничего не заметил, народ-то на мойку пялится, только Шерил все видела. Она, такая, вся обалдевшая. А потом смотрю — Дениза сидит на земле. Ой-ой-ой! — думаю.

— Этого Магнуса нельзя было близко сюда подпускать!

— Да знаю я! Знаю! Просто голова пошла кругом. Я хотел удивить. Это же Магнус Олден! Уилла, вы не представляете, каково мне тут. У меня вообще нет друзей. Здесь я всего два года, а в школе все ребята знают друг друга еще с детского сада. Девчонкам я не нравлюсь, учителя меня ненавидят, в спорте я не полный пентюх только в бейсболе, но в единственный раз, когда тренер выпустил меня на поле, я лопухнулся и меня наградили «рюкзаком позора».

Уилла смотрела безучастно.

— Из розового атласа. И стразами выложено девчачье имя «Дезири».

— Это тебя нисколько не оправдывает, — сказала Уилла.

— Я понимаю, — покорно согласился Эрланд.

— Выходит, Шерил знает, кто подстрелил ее мать?

— Знает.

— А почему молчит?

— Чтоб не открылось, чей это пистолет, вот почему. Она же без ума от Сэр Джо.

— И все-таки в данных обстоятельствах…

— Больше всего я боюсь, что обо всем узнает Сэр Джо, — сказал Эрланд. — Я положил пистолет на место, но рано или поздно брат заметит, что из него стреляли.

— Вот и хорошо.

— Нельзя этого допустить. Кроме Сэр Джо, у меня никого.

— И что?

— Он заявит в полицию. Откажется жить со мной, и меня отправят в исправительную колонию. Он вообще не хотел со мной связываться. Я его умолял, упрашивал. Он сказал, его почти не бывает дома, он не сможет обо мне заботиться, а я валялся у него в ногах. Он бы, конечно, сказал «нет», но тогда мне светил интернат, а все знают, как оно там.

Эрланд салфеткой подтер нос. Уилла отвела взгляд.

— Наверное, пистолет можно было бы вычистить, а патрон доложить, — помолчав, сказала она, но потом вспомнила газетные истории о несчастных случаях при чистке оружия и твердо добавила: — Хотя нет, не вздумай.

Эрланд облегченно выдохнул.

— Может, он никогда и не полезет за пистолетом, — предположила Уилла. — Зачем он ему?

— А вдруг потребуется уложить грабителя? Сэр Джо нажмет собачку, а пистолет не выстрелит, и тогда бандит сам его убьет!

— Но там же должны еще остаться патроны? Или как?

— Я не знаю.

— А что, в пистолете нет такого барабана, куда вставляют пули?

— По-моему, так делают только в вестернах.

Уилла задумалась.

— Сперва я хотел его просто выбросить, — сказал Эрланд.

А что, неплохая мысль.

— На помойку, — поддержала Уилла. — Похоронить под яичной скорлупой, кофейной гущей и прочей дрянью.

— Но потом вспомнил о грабителе.

— Да что ему делать в таком… небогатом районе?

Эрланд пожал плечами:

— А вдруг он не знает, что мы тут небогатые?

Хлопнула входная дверь, послышался голос Шерил:

— Уилла, вы дома?

— Надо все рассказать Сэр Джо, — торопливо сказала Уилла.

— Нельзя!

— Другого выхода нет, поверь. Сказать как на духу и надеяться, что он простит.

— Я не смогу.

— Если хочешь, я пойду с тобой.

— И чем это поможет?

В кухню прискакал Аэроплан, следом вошли Шерил, Пэтти и Лори — у всех троих мокрые волосы, обгоревшие носы.

— Угадайте… — начала Шерил, но осеклась. — Эрланд? Чего тебе тут надо?

— Привет, Шерил, — угрюмо поздоровался парень.

— О чем вы говорили?

Уилла и Эрланд ответили хором:

— Так, ни о чем…

— Я рассказал про сама знаешь что…

Шерил возмущенно задохнулась. Подруги ее тоже. Уилла окинула девочек удивленным взглядом. Пэтти прихлопнула ладошкой рот, Лори ойкнула.

— Ты им сказала? — обомлел Эрланд.

— Сам-то разболтал Уилле.

— Это совсем другое! Она из меня вытянула. Ну, Шерил! Может, еще дашь объявление в газету?

— Мы жизнью поклялись молчать, — торжественно объявила Лори. — И никому не скажем. Унесем эту тайну с собой в могилу.

— Ну вот что, — решительно сказала Уилла, — давайте просто обо всем забудем, хорошо?

— Хорошо, — буркнули девочки и, переглядываясь, бочком вышли из кухни.

— Мне конец! — простонал Эрланд.

— Значит, тем более надо поговорить с Сэр Джо.

Парень выглядел убитым, но сейчас хотя бы не отказался сразу.

Вечером Дениза, Шерил, Уилла, Аэроплан и Хал, последнее время к ним зачастивший, смотрели «Космический мусор». Дениза нарочно села так, чтобы они с Халом оказались на разных краях кушетки, и упорно смотрела в экран, но Хал то

и дело вытягивал шею и задавал какой-нибудь вопрос типа «Тебя бессонница не мучает, с тех пор как ты осталась одна? Меня, скажу честно, она просто изводит». Дениза неопределенно хмыкала, Шерил шикала.

Уилла пристрастилась к сериалу. При первых звуках космической музыки ее охватывало радостное предвкушение. Шерил и Аэроплан разделяли ее восторг. Дениза смотрела, сдавшись на уговоры дочери, а Хал даже не притворялся заинтересованным. Время от времени он громко зевал — мол, скукота — и вновь окликал Денизу.

— Ш-ш! — осекала его Шерил.

Уилла сосредоточенно следила за действием, однако мысль о признании Эрланда ее не отпускала. Парня, конечно, не отправят в исправительную колонию, поскольку выстрел был чистой случайностью. А вот у Сэр Джо могут возникнуть большие неприятности. Наверняка есть какой-нибудь закон о надлежащем хранении огнестрельного оружия. Мальчишку-то вряд ли выгонят из дома, хотя кто его знает…

До сих пор она как-то не задумывалась об одиночестве Эрланда — ни отца с матерью, ни родных…

Вспомнилось, как после рождения Шона ее

одолевали мысли о собственной бренности. У ребенка появилась так называемая молочная сыпь — маленькие красные прыщики на щеке, — которой он, видимо, прижался к влажному одеяльцу. Малыш стал такой неказистый и жалкий, что она полюбила его еще сильнее. «Кто, как не мать, будет его так любить? — думала Уилла. — Никто. Даже отец». И вот тогда ее охватил страх, что она запросто может умереть и оставить его беззащитным.

В «Космическом мусоре» пришельцы не только не замечали отличий в цвете кожи, возрасте и сословии пленников, но даже не сознавали, что те говорят на разных языках. К ним обращались на испанском, английском, китайском, и всем они с легкостью отвечали. Субтитров не было, продюсеры, видимо, рассудили, что зрители и так все поймут. Уилле это понравилось.

— Вот бы и в реальной жизни так, а? — сказала она.

— Что? — переспросила Шерил.

— Вот если б люди понимали все языки.

— Но вы же поняли, что Хосе сказал командиру инопланетного корабля.

— Это всего-навсего испанский.

Хал вел себя так, словно рядом никого не бы-

ло, — перегнулся к Денизе и спросил:

— Может, как-нибудь вместе сходим в кино? Чтоб Шон и Элисса сдохли от ревности.

— Наши походы в кино им без разницы, — не отрываясь от экрана, сказала Дениза.

Питер бы ее поправил — «безразличны».

Звякнул дверной звонок. Дверь была не заперта, и Дениза просто крикнула:

— Кто там?

— Я. — Бен Голд вошел и остановился в арке гостиной. — О, «Космический мусор»!

— Здравствуйте, Бен. Садитесь.

— Да нет, я ищу Роберта, — сказал Бен, шагнув к креслу. — Ну разве что на минутку.

— Какого Роберта? — спросила Уилла.

— Кота моего.

— Я не знала, что у вас кот. Такой полосатый? Мы с ним иногда встречаемся на улице.

— Видимо, это он. Ему положено сидеть дома, а он шастает. Какая это серия?

— Где Ли Тань пытается сбежать.

— О, моя любимая.

— Я вот тут приглашаю Денизу сходить в кино, — сказал Хал. — Это ведь полезно для ее ноги, правда, док?

— А? Да, конечно. — Бен, похоже, не слушал. —

А вы знаете, что Ли Таня играет знаменитый актер из Гонконга? Он просто находка для этого фильма. Причем его не звали, он сам предложил свои услуги.

— А где он еще снимался? — поинтересовалась Уилла.

— Вот вы спросили, и сразу вылетело из головы, — укорил ее Бен.

Уилла рассмеялась:

— Извините.

— Уилла, вы же и китайский знаете, верно? — сказала Шерил.

— Ой, нет!

— Уилла говорит на девяноста восьми языках, — сообщила Шерил.

— Да неужто? — удивился Бен.

— Точнее, на пяти, — сказала Уилла.

Бен посмотрел поверх очков:

— На каких же?

— Испанский, итальянский… Когда-то я хотела стать лингвистом, но все кончилось АВЯ.

— Что такое АВЯ? — спросила Шерил.

— Английский как второй язык. Обучение иностранцев.

Шерил отвлеклась на Ли Таня, который возился с задвижкой люка, а Бен заинтересовался:

— Вы можете обучить иностранцев английскому?

— Это моя профессия.

— Надо бы вам зайти в церковь Священного писания. Там полно переселенцев, которые не могут с нами общаться.

— Вы верующий? — Уилла сама смутилась удивлению, прозвучавшему в ее вопросе.

Бен усмехнулся:

— Если б верил, я бы ходил в синагогу. Нет, просто волонтер. Эта церковь и управляет нашей больницей. Вы вообразить не можете, сколько там разных наречий.

— Уилла говорит на всех, — заявила Шерил.

— Вовсе нет, — сухо сказала Уилла.

Стукнули в сетчатую дверь, раздался громкий голос Кэлли:

— Дениза, Бен у тебя?

— Здесь я, — откликнулся врач.

— Ты Роберта искал? Он сидит под фургоном Сэр Джо.

— Спасибо. — Бен выбрался из кресла и вышел в прихожую. Через минуту с улицы донесся его зов: — Роберт! Роберт! Иди сюда, подлец ты этакий!

— Не хочешь в кино, давай сходим в новый

ресторан, где подают жареных цыплят, — сказал Хал.

— От них меня пучит, — ответила Дениза.

Ли Тань распахнул люк и выплыл в открытый космос.

10

Уилла думала, ей придется понукать Эрланда к признанию, но оказалось — нет. Ранним погожим утром четверга она, еще в кимоно, стояла на заднем крыльце, дожидаясь, пока Аэроплан справит первую за день нужду, и тут из своего дома вышел Эрланд, который, похоже, проснулся уже давно. Он громко зевнул, потянулся, посмотрел на небо. Затем повернулся к Уилле и с наигранным удивлением воскликнул:

— О! Здрасьте!

— Доброе утро, — ответила Уилла. Так рано они еще не встречались.

— Знаете, я тут подумал… Наверное, мне стоит поговорить с Сэр Джо.

— Молодец.

— Наверное, он поймет, что я не нарочно.

— В этом я просто уверена. И тебе сразу станет легче, вот увидишь.

— Ну да… ладно… А вы серьезно сказали, что

пойдете со мной?

— Конечно.

— Ага, хорошо. — Эрланд шумно выдохнул.

— Зайти к вам после завтрака? — спросила Уилла.

— В смысле, это… сегодня?

— Лучше раньше, чем позже.

— Да, но сегодня четверг.

Уилла молчала.

— По четвергам у него всегда много работы.

— Тогда, может, в пятницу?

— В пятницу? Хорошо. Нет, знаете что? Давайте дождемся выходных.

— Будешь откладывать, он сам все обнаружит. И выйдет плохо.

— Но я уже приготовился, этого мало, что ли?

— Не мало. — Уилла прибегла к тактическому отступлению. — Тебе виднее.

— Может, в субботу?

— Прекрасно.

— Часов в десять утра. Я за вами зайду.

— Это совсем не обязательно.

— Но если вы придете сами, все будет так выглядеть, словно признание — это ваша идея, — сказал Эрланд. Он явно обдумал ситуацию всесторонне.

— Ну хорошо, — согласилась Уилла. Идея-то ее,

однако парня можно понять.

Эрланд кивнул и с несвойственным ему решительным видом скрылся в доме.

Он несколько удивил Уиллу, постучав в ее дверь ровно в десять утра субботы. Бледный и напряженный, парень заметно нервничал и в ответ на «доброе утро» Уиллы, не улыбнувшись, холодно буркнул «доброе».

Уилла ногой отпихнула Аэроплана, вообразившего, что он тоже приглашен, и следом за Эрландом пошла к его дому. Засунув руки в задние карманы джинсов и выставив локти, парень вышагивал в дерганой мальчишеской манере, и Уилле приходилось идти вприпрыжку, чтобы не отстать.

Она слегка волновалась, словно это ей предстояло сознаться.

Взошли на крыльцо. Эрланд распахнул сетчатую дверь и первым («Тоже мне кавалер!») вошел в дом.

— Эй! — крикнул он. — Смотри, кого я встретил!

В доме пахло беконом и кофе. Вся обстановка прихожей состояла из деревянной лавки, на которой лежал мотоциклетный шлем. Гостиная выглядела удручающе опрятно: огромный плос-

кий телевизор, кушетка и журнальный столик. Ни ковров, ни светильников, ни безделушек, ни картин на стенах. И ни души, но через секунду с кружкой в руках появился Сэр Джо, облаченный в свой выходной наряд: черные кожаные штаны, белая майка. Увидев Уиллу, он замер.

— Привет, красавица, — сказал Сэр Джо.

— Здравствуйте.

— Чем обязан?

— Э-э…

Уилла посмотрела на Эрланда, который, так и не вынув рук из карманов, покачивался с пятки на носок. Поймав ее взгляд, он с трудом сглотнул и повернулся к брату:

— Да я вот сказал ей, что… это… мне надо кое о чем с тобой поговорить, и она решила пойти со мной…

Сэр Джо приподнял бровь, ожидая продолжения.

— Дело, понимаешь, в твоем пистолете…

Сэр Джо кинул взгляд на Уиллу — он явно не хотел, чтобы о пистолете знали посторонние. Уилла смотрела бесстрастно.

— И вот, значит, так вышло, что он случайно выстрелил, — сказал Эрланд.

— Что? — встрепенулся Сэр Джо. — Выстрелил?

Где?

— М-м-м…

— Где это было?

— Ну… это… на крыльце…

Сэр Джо откачнулся и сморгнул.

— Я просто показал его одному парню… из нашей школы… А он с пистолетом выперся на крыльцо. Я не разрешал, он сам… Я хотел забрать у него пистолет, и тут он… это…

— Черт бы тебя побрал! Ты же мог в кого-нибудь попасть!

Эрланд и Уилла затаили дыхание. Сэр Джо охнул.

— Значит, все-таки попал. Это ты подстрелил Денизу.

— Все вышло случайно, клянусь! Я только хотел, чтобы тот козел перестал размахивать пистолетом.

— Ты привел знакомого, когда меня не было дома. Нагло нарушил правило.

— Я просто…

— Ты залез в мои унты.

Уиллу охватило нелепое желание захихикать.

— А вы? — повернулся к ней Сэр Джо. — Вам-то какой интерес?

— Я знаю, что Эрланд искренне раскаивает-

ся. И просто хотела удостовериться, что вы это поняли.

— Теперь, наверное, в суд подадите?

— Как? — Это было настолько неожиданно, что сперва Уилле послышалось «суп подадите».

— Такие, как вы, всегда так поступают, да?

— Я не понимаю, о чем вы.

— А тогда что вам нужно?

— Я уже сказала: хочу удостовериться, что вы поняли — Эрланд раскаивается. — Уилла помолчала. — И он боится, что вы заявите в полицию.

— В полицию, — повторил Сэр Джо. — Ну да.

Пауза.

— Вряд ли я буду связываться с полицией.

Опять пауза.

— Понимаете, я заполучил этот пистолет уже давненько. И не вполне, так сказать, законным путем.

— Понятно. — Уилла придала лицу неосуждающее выражение.

— Не в том смысле, что украл или чего там.

— Разумеется.

— Учитывая, что у меня нет разрешения, я, пожалуй, не стану беспокоить полицию.

— Это разумно, — одобрила Уилла. Она посмотрела на Эрланда. Закусив губу, тот не сводил глаз

с брата. — И еще Эрланд боится, что его выгонят из дома.

— Вот как? — Сэр Джо, похоже, удивился и отхлебнул из кружки. — Что ж, это надо обмозговать. — Он изобразил усиленную работу мысли и через четверть минуты выдал решение: — Да нет, какого черта!

Уилла не поняла, что он имеет в виду.

— Пятнадцать — возраст непростой, — сказал Сэр Джо.

— Да-да, верно, — радостно подхватила Уилла.

— У него даже водительских прав еще нет.

Уилла сочувственно прицокнула языком.

— Так я могу остаться? — спросил Эрланд.

Сэр Джо пожал плечами:

— Живи.

Эрланд сдернул шапку, явив копну пружинками закрученных волос, и облегченно выдохнул: «Уф!»

— Но Денизе — ни слова, — предупредил его Сэр Джо.

— А почему? — спросила Уилла.

— Я думал попросить прощенья, — сказал Эрланд.

— Нет, — отрезал Сэр Джо.

— Я давно хотел извиниться.

— По-моему, ей станет легче, — сказала Уилла, — если она узнает, что все произошло случайно.

— С чего вы взяли? А ты, парень, соображай — вот она-то может заявить в полицию.

— Да? Ну ладно, — покорно сказал Эрланд.

Уилла хотела возразить, но подумала: скажи спасибо, что все прошло так гладко.

Во вторник после обеда Уилла и Шерил повезли Денизу к ортопеду, дабы гипсовый панцирь сменить на лонгету-сапожок. Когда Дениза об этом оповестила, Уиллу царапнуло огорчение. Значит, теперь надобность в ней отпадет. Как-то это все неожиданно.

Пребывание в Балтиморе незаметно затянулось. Гостевая комната уже казалась почти родной, при встрече жители окрестных домов приветственно улыбались, человек, которого дважды в день тащили на буксире три терьера, начал отпускать замечания о погоде, чучело кролика на углу наконец-то обрело хозяина либо отправилось на помойку. Отношения с Денизой напоминали те, что возникают у соседок по комнате, вместе проживших бог знает сколько времени: Уилла знала, что до завтрака Денизу лучше не донимать разговорами, а та не дого-

варивала фразы, рассчитывая, что собеседница сама их закончит.

— Эти, что на той стороне улицы, слишком много о себе понимают, — говорила Дениза. — Такие спесивые и…

— Заносчивые? Надменные? — добавляла Уилла. Еще немного, думала она, и мы начнем друг друга поправлять в анекдотах.

В последнем телефонном разговоре Питер спросил:

— Это хитрый способ меня бросить? Мы что, превращаемся в такую пару, когда жена постоянно живет в деревне, а муж в городе?

— Боже мой, не выдумывай! — возмутилась Уилла. — Радуйся, что предоставлен себе.

Чаще Питер звонил сам, что казалось только разумным, поскольку она не знала его расписания гольф-матчей, ужинов в клубе и прочих дел. Но стоило ей взять трубку, как муж начинал говорить отрывисто и ворчливо, словно это она ему позвонила. Уилла радовалась, увидев его имя, высветившееся на телефоне, но сам разговор ее тяготил. Однако она притворялась, что все в порядке, стараясь казаться веселой и оживленной. Рассказывала о новшествах Шерил в выпечке, шутила — дескать, Аэроплан сильно скучает по

Питеру.

О Денизе особо не распространялась. Она так и не сказала, что подопечная ее вышла на работу, а гипс меняет на лонгету.

Смотровую Дениза покинула в синем полотняном сапожке, доходившем до середины голени. Молоденькая медсестра в розовой униформе несла ее сумочку и костыли, но шла Дениза самостоятельно.

— Гляньте на меня! — крикнула она, хромая к Уилле и Шерил. — Эта штуковина на липучках, ее можно снять и принять душ. Я уж не чаю побрить ноги.

— Вот, возьмите. — Медсестра передала Уилле вещи Денизы. — Осторожнее, больная. Не переусердствуйте, помните, что сказал доктор.

— Да-да, конечно, — показно согласилась Дениза, а затем вскинула кулаки и гаркнула: — Наконец-то свободна!

Однако она все же оперлась на Уиллу, выходя из здания, и навалилась на нее, усаживаясь в машину.

Вечером Уилла сообщила Питеру:

— Теперь Дениза носит лонгету.

— Значит, она может сесть за руль?

— Пока нет. Но ходит без костылей.

— И по лестнице поднимается?

— Садится на ступеньку, затем пересаживается на следующую, и так — до самого верха. На ногах пока не рискует, — сказала Уилла, умолчав о том, что этот способ подъема освоен уже довольно давно.

Она опять задерживалась, но вины за собой не чувствовала, поскольку выяснилось, что Дениза еще не готова вести машину. Да и просто в передвижениях по дому и переноске чего-то увесистого ей пока что требовалась помощь.

— Но уже виден свет в конце тоннеля, — сказала Уилла. — Скоро она будет справляться сама.

— Так позвони Роне, пусть забронирует билет.

— Ладно. Только еще чуть-чуть подожду.

Уилла готовила ужин, когда следующим вечером пришли Ричард и Барри. Услышав звонок, Шерил с криком «Я открою, я открою!» кинулась в прихожую, следом за ней поспешил Аэроплан. Девочка провела гостей в кухню, где Уилла нарезала хлеб, а Дениза расставляла тарелки.

— Это ж надо! — воскликнул Ричард. — Она уже сама разгуливает!

— Скорее, ковыляю, — сказала Дениза.

Нынче Ричард был в джинсах и рубашке поло, но папка под мышкой придавала ему деловой

вид. Барри, не изменивший своим просторным штанам на завязках, держал в руке огромную рулетку.

— Мы по делу, — сказал Ричард. — Хотим глянуть вашу туалетную комнату.

— Зачем это? — спросила Дениза.

— Миссис Минтон продает свой дом, я занимаюсь оформлением бумаг. Цена значительно вырастет, если там сперва оборудовать туалетную комнату.

— Миссис Минтон переезжает? — удивилась Шерил.

— Да. На первом этаже у нее нет туалета, представляете?

— Боже мой, как же она обходится? — спросила Уилла.

— Понятия не имею. Барри хочет глянуть на ваш туалет, здесь такая же планировка.

— Валяй, — разрешила Дениза.

Барри вернулся в прихожую, было слышно, как он открыл одну дверь, потом другую.

— Любопытно! — крикнул Барри. — Здесь туалет не под лестницей, а в нише напротив.

— Под лестницей у меня платяной шкаф, — сказала Дениза.

— Я уже понял, — откликнулся Барри. Голос его

звучал глухо, вжикнула рулеточная лента.

— Куда она переезжает? — спросила Дениза.

— Кажется, в Нью-Джерси, — сказал Ричард.

— Ты бы выиграла лишних два фута, если б устроила туалет под лестницей! — крикнул Барри.

— Я ничего не устраивала! — ответила Дениза. — Наверное, это хозяйка. Тут все так и было, когда мы въехали. — Она захромала в прихожую, все потянулись следом. Через плечо Барри Дениза оглядела туалет. — А что на этом месте в доме миссис Минтон?

— Ничего, только древний комод. Да, Ричард?

— Ага, застеленный полудюжиной кружевных салфеток.

Барри защелкнул рулетку.

— Интересно, где твоя хозяйка раздобыла такую махонькую раковину?

— Пойдемте с нами, сами увидите, — пригласил Ричард всю компанию. — Лучшее место для туалета, конечно, под лестницей, если туда подведена канализация.

— Шерил будет скучать по миссис Минтон, — сказала Дениза. Гурьбой они двинулись к выходу. — Правда, милая? Знаете, Уилла, она всегда мечтала о бабушке.

Уилла ответила дежурной улыбкой, но сердце ее чуть-чуть сжалось.

Сходя с крыльца, Дениза оперлась на руку Барри. Аэроплан, не колеблясь, направился к дому миссис Минтон, словно прекрасно понимал цель похода.

— И кустарник здесь нужен новый, поприглядне, — сказал Ричард.

Сейчас задушенные сорняком кусты представляли собой невзрачные заросли. Дорожка к дому была вся в трещинах и щербинах.

— Возможно, домом заинтересуются молодожены, — предположил Барри. — В смысле первого семейного жилья.

Как это грустно, подумала Уилла. Дом, в котором у кого-то прошла целая жизнь, для молодой пары — всего лишь первый временный вариант.

За сетчатой дверью миссис Минтон разговаривала с Беном.

— А, вернулись, — сказала она, заметив Барри и Ричарда. — Вам Бенов кот не попадался, нет? Ой, Дениза! Гляди-ка, ты уже без костылей!

— У Денизы туалет расположен в нише, что слева от кухни, — сообщил Ричард. — А под лестницей у нее платяной шкаф.

— Я и без него обходилась, — сказала миссис

Минтон. — Гости вешали пальто на лестничные стойки.

Стуча ходунками, она повела компанию в сумрачное нутро дома. Пустота под лестницей смотрелась странно. Прихожая казалась обитой войлоком, впечатлению способствовал толстый темно-красный ковер, издававший удушливый шерстяной запах, от которого свербело в носу.

— Вот если б удалось достать маленькую раковину, как у Денизы, можно было бы в нише оборудовать туалет, а под лестницей устроить чуланчик, — сказал Ричард. — Чуланчики покупателям нравятся.

— А что там в Нью-Джерси, миссис Минтон? — спросила Уилла, немного страшась услышать о какой-нибудь богадельне, но старуха, просветлев лицом, сказала:

— Дочка у меня там, Мари. Во дворе у нее прелестный гостевой домик, совершенно отдельный, но рядышком с главным домом.

— Ой, как хорошо! Жаль, у меня нет дочки. — Слова эти выскочили сами собой.

— Я готова стать вашей дочерью, Уилла, только позовите, — сказала Дениза.

Уилла растрогалась и уж совсем расчувствовалась, когда Шерил обхватила ее за талию и

уткнулась головой в грудь.

— Моя-то обо мне беспокоится, — с гордостью сказала миссис Минтон. — Давно уж к себе зовет.

— Вон как вам повезло! — порадовалась Уилла.

— Так и ваши дети о вас, наверное, заботятся.

— Ну да…

— Уилла, вы богатая? — спросила Шерил.

— Что? Да нет, не особо.

— Что за вопросы, Шерил Карлайл! — одернула ее Дениза.

— Я просто подумала, не сможет ли Уилла построить гостевой домик в нашем дворе, — сказала девочка.

Уилла ласково прижала ее к себе.

— И неважно, что об этом скажет Пол, — пробурчал Бен.

— Кто? — в один голос спросили Дениза и Уилла.

— Ну, Пол… или как там его… Питер… муж ее.

Расслышав пренебрежение в голосе Бена, Уилла окинула его любопытным взглядом.

— Я долго сопротивлялась, — сказала миссис Минтон. — Ценю, знаете ли, независимость. Да еще боялась, что переезд плохо скажется на собаке. Пес-то уже старенький, у него свои привычки. А потом думаю — была не была! Почему, думаю,

не пожить рядом с Мари? Одной-то все тяжелее и тяжелее.

— Могу представить, — кивнула Уилла. — Как же вы сама-то в туалет поднимались?

— О, это пустяки. Хватаешься за перила и этак себя подтягиваешь. А там на площадке заготовлены вторые ходунки. Позволила я себе этакую роскошь. По страховке-то выдают только одни. Но дело, понимаете, не в том. Ради чего жить — вот главная проблема в моем возрасте.

Повисло неловкое молчание, потом Уилла, не сдержавшись, спросила:

— И ради чего вы живете?

— Оказалось, в старости на все уходит уйма времени. Помыться, отсчитать таблетки, закапать глазные капли… Вы не поверите, как это заполняет день.

— А-а. — Уилле, пока что не утратившей резвости, это вряд ли могло пригодиться.

— Но, бывает, все жутко надоест. Понимаете? Ну вот одеваешься и думаешь: опять эти приевшиеся цвета, хоть бы что-нибудь новенькое. Но их, новеньких, на свете не существует. Или овощи — все одно и то же: шпинат, помидоры, кукуруза… Почему не придумают какой-нибудь новый овощ? А то я, похоже, все уже перепробовала.

— Брокколини, — вдруг сказала Шерил, выпустив талию Уиллы.

— Что, милая?

— Это новый овощ.

— Ах, вон как.

— А ради чего живете вы, Уилла? — спросил Бен.

— Я?

— После ухода Генри стало хуже, — задумчиво проговорила миссис Минтон. — Мужчины придают жизни смысл, вы заметили?

— Да, заметила, — сказала Уилла.

— Вот что я сделаю, — вмешался Барри. — У меня есть хороший водопроводчик, завтра мы с ним придем и разберемся, что тут с трубами.

— Ну смотри сам. — Миссис Минтон недоверчиво покачала головой.

Гости двинулись к выходу. Аэроплан, которого не пустили в дом, маячил на крыльце, прижавшись носом к сетчатой двери. Увидев, что все возвращаются, он завертелся юлой, радостно виляя хвостом.

После духоты прихожей воздух показался невероятно свежим. Взяв под руки Ричарда и Барри, Дениза ковыляла между ними. Аэроплан, весело полоща ушами, кинулся за палкой, которую бро-

сила Шерил.

— Вы не ответили на мой вопрос, Уилла, — сказал Бен.

— Напомните — какой? — Уилла разыграла недоумение.

Но Бен не стал повторять вопрос.

— Я тут думал над способом вашего отца, — сказал он. — В смысле — дробить день на крохотные кусочки. Вам не кажется, что он пошел неверным путем?

Уилла наморщила лоб.

— Знаете, вот когда меня одолевает жалость к себе, я поступаю иначе: расширяю обзор, покуда не предстану крупинкой на земном шаре.

— А это не заставляет вас почувствовать себя… ничтожным, что ли?

— Так я и впрямь ничтожен. Все мы ничтожны. Мы просто бесконечно малые существа, летящие в безграничной Вселенной, которой абсолютно все равно, не забыли ли мы выключить духовку.

Такое утешение Уиллу рассмешило, и Бен тоже улыбнулся, ничуть не обидевшись.

— Ага, вон он! — Бен сошел с тротуара. — Иди сюда, чертяка!

Он вернулся с Робертом, перекинутым через руку, точно шаль, и на том разговор закончился.

После ужина они втроем играли в «Верю — не верю», и тут Питер позвонил по городскому телефону. Трубку взяла Шерил.

— Алло? О, привет, Питер!.. Сейчас узнаю… — Девочка прижала трубку к груди и посмотрела на Уиллу: — Он спрашивает, можете ли вы поговорить.

— Иду. — Уилла спихнула Аэроплана, улегшегося ей на ноги.

— Сейчас подойдет. Только у нас игра в самом разгаре. — Шерил передала трубку Уилле. — Ход ваш, не забудьте.

— Алло?

— Ты где? Твой мобильник не отвечает.

— Ой, я оставила его в своей комнате. Извини. Как дела? День прошел хорошо?

— Не совсем.

— Что такое?

— А как ты думаешь? Я один слоняюсь по дому, у меня вроде бы есть жена, но я уже забываю, как она выглядит. На ужин пойти не с кем, в доме ничего вкусненького.

— Посмотри в холодильнике, там должно быть рагу из морепродуктов.

— Я сказал, ничего вкусненького.

— Я тебе сочувствую. — Накручивая теле-

фонный провод на палец, Уилла посмотрела в гостиную. Шерил и Дениза, одинаково сморщившись, ждали ее возвращения.

— Это все, что ты можешь сказать?

— Что?

— Уилла, ты меня слушаешь?

— Конечно, — сказала Уилла, хотя слушала вполуха. А вернувшись в гостиную, за игрой следила вполглаза.

11

Погода установилась чудесная: жара вполне переносима, влажность чуть-чуть уменьшилась. Однако дождь был очень нужен. С самого приезда Уиллы чахлая травка в палисадах, выходивших на Доркас-роуд, сидела на сухом пайке. И когда на рассвете четверга заморосил дождик, шорох его был так непривычен, что спросонья Уилле померещилось, будто она слышит поливалки на гольф-поле Тусона. На секунду ее охватила паника: она попыталась вспомнить, когда же это умудрилась вернуться домой.

За завтраком Дениза сказала, что в дождь на работу не пойдет. А Шерил решила отменить утреннюю прогулку с Аэропланом. Оказалось, пес был с ней вполне солидарен: когда Уилла, во-

оружившись зонтиком, вывела его на улицу, он торопливо задрал лапу на куст, а затем обратил на нее умоляющий взгляд, явно желая вернуться в дом.

— Ой, какая ты неженка! — укорила его Уилла. Она уже полюбила эти утренние прогулки, задававшие тон ее дню. Однако смилостивилась и позволила псу заскочить на крыльцо.

После обеда прояснилось, но Дениза даже не заикнулась о работе.

— Может, посмотрим, смогу ли я сесть за руль? — спросила она. — Как вы считаете?

— Отличная идея, — поддержала Уилла, хотя в душе что-то этому воспротивилось.

Укутав ногу Денизы полиэтиленовым пакетом, дабы не промочить лонгету, пошли к машине. Сперва Дениза отодвинула сиденье и поправила зеркала, настроенные под Уиллу. Потом долго искала место для раненой ноги, приговаривая:

— Ой, так неудобно! Лапища моя непременно помешает, если вдруг придется резко затормозить.

Наконец она еле-еле выехала на улицу и на черепашьей скорости добралась до конца квартала, где мучительно медленно выполнила правый поворот. После еще трех таких поворотов Дениза

подъехала к дому и облегченно выдохнула:

— Фу-у! На сегодня хватит. — Она вынула ключ из замка зажигания и отдала его Уилле: — Придется вам еще немного послужить моим шофером.

Мысль, что она может быть чьим-то шофером, Уиллу позабавила, хотя последнее время за рулем она себя чувствовала гораздо увереннее. Уилла хорошо освоила привычные маршруты — супермаркет, школа, банкомат — и приноровилась к капризам старой машины.

На другой день она, как всегда, отвезла Денизу в школу, но ей уже стало ясно, что скоро все это закончится. Уилла как будто прощалась со всеми — вот так же она смотрела на своих мальчиков накануне их отъезда в колледж. Темно-русые волосы Денизы, блестящие как атлас, даже когда некрасиво заложены за уши; милые пухлые щеки Шерил; изящные завитки шерсти на морде Аэроплана — все это она впитывала, сохраняя в памяти. Уилла предчувствовала, что будет скучать даже по островерхому колпачку Эрланда, собачьим взглядам Хала на Денизу и кустистым седым бровям Бена Голда, торчащим, словно антенны, направленные на собеседника.

Но обратный билет она так и не забронировала, и когда Питер предложил сделать это за нее,

Уилла прибегла к неубедительным отговоркам. Во-первых, Дениза пока что не может сама водить машину.

— Пусть попросит соседей, — сказал Питер. — Наверняка этот твой доктор охотно согласится.

— Этот мой?

— Ну как его там…

Уилла вздохнула.

— И дело не только в машине, — сказала она. — Ей нельзя поднимать тяжести. И не одолеть лестницу в подвал.

— А чего ей там делать?

— Там же стиральная машина и сушилка, ты забыл?

— С которыми прекрасно управляется Шерил, ты не помнишь?

— Да, но…

— Послушай, маленькая. Сегодня пятница. Если ты приедешь на выходных, я смогу встретить тебя в аэропорту.

— Не надо, это лишнее.

— А мне хочется. Кроме того, так я буду уверен, что по приземлении тебе не взбредет в голову улететь обратно.

— Ха-ха-ха. Как там дома?

— Одиноко. Даже твоей карнегии. Выглядит

она неважно.

— О господи, что с ней?

— Не знаю, как-то она поблекла.

— Что значит — поблекла? Она всегда матовая.

— И вроде как сморщилась.

Питер выдумывал. Уилла была почти уверена, что тугорослые кактусы не увядают в одночасье.

— Что ж, печально, — бессердечно сказала она, разгадав его блеф.

— Хм. Так что сказать Роне — суббота или воскресенье?

— Такое впечатление, что в будни тебе на работу. Какая для тебя разница — выходные, не выходные?

Близился вечер, Уилла думала, что подать к ужину, и потому не особо выбирала слова. Ледяное молчание Питера было почти осязаемым.

— Что ж, не смею тебя задерживать, — наконец сказал он и дал отбой.

А в субботу позвонила сестра. Уилла пропустила бы ее звонок, но, к счастью, в этот момент была в комнате, рядом с мобильником.

— Элейн? У тебя все хорошо?

— Ты где? — сердито спросила сестра. — До тебя не дозвонишься.

— Как так? Ты звонила на мобильный?

— Нет, на домашний.

— Я же говорила, я в Балтиморе.

— Так это когда было. И ты все еще там?

— Да.

— Черт. Я в Фениксе, на конференции.

— Ты в Аризоне?

Элейн не удостоила ответом.

— Я знать не знала, — сказала Уилла. — Ты оставляла сообщение?

— Нет. Просто повесила трубку. А то еще, думаю, придется разговаривать с Дереком.

— С кем?..

— То есть с Питером. Извини. Питер, Дерек — какая разница, верно?

Уилла хоть и привыкла к сестриной беспардонности, но опешила и даже села на кровать, прижимая трубку к уху.

— Эй, ты там? — спросила Элейн.

— Да, я слушаю.

— Похоже, вернуться ты не успеешь. А завтра вечером я улетаю.

— Если б ты предупредила заранее…

— Зачем? Ты что, прилетела бы раньше?

— Наверное. Мы же столько не виделись.

Когда Уилла думала об Элейн, ей приходилось напоминать себе, что к облику сестры необходи-

мо добавить возрастные детали — седые пряди в волосах, огрузневшую фигуру.

— Только не говори, что я не попыталась встретиться.

— Нет, конечно. Жалко, что не увидимся, — сказала Уилла.

Однако скучала она по шестилетней девочке, некогда уплетавшей завтрак, но вовсе не по басовитой женщине на другом конце линии.

Уилла хотела убрать телефон в сумочку, но увидела, что пришла эсэмэска. Открылось фото Иэна. На фоне бревенчатой избушки сын стоял рядом со стариком в егерской форме и крупной девушкой в походном одеянии. Сам он был в потертых джинсах и линялой ветровке. Уже несколько лет он носил бородку клином, но всякий раз Уилла ежилась, увидев растительность, которая подчеркивала острые черты его лица. Иэн был в новых очках без оправы, в народе прозванных «дедушкиными». «Привет мам мы тут за провиантом надеюсь у тебя все ок», — написал он. Где это «тут», не сообщил. Уилла изучила фотографию, ища подсказки. Избушка — это, видимо, магазин, вон над дверью вывеска «У Беннета», по краям которой два красных диска кока-колы, похожие на кнопки. По возрасту девушка могла

быть подругой Иэна, хотя точно не скажешь. Они стоят рядом, но друг друга не касаются. Нет, скорее всего, это просто знакомая — вид уж больно расслабленный и равнодушный.

Уилла справилась с ответной эсэмэской: «Рада получить весточку, все еще в Балтиморе». Спустившись в гостиную, она показала фото Денизе:

— Это Иэн, брат Шона.

— Ох ты! Они совсем не похожи, правда?

— Да, всегда отличались. Я вот не пойму, это его девушка? Как по-вашему?

Дениза вгляделась в снимок.

— Не, вряд ли.

— У него были подруги, но всякий раз ненадолго, — сказала Уилла. — Я уже сомневаюсь, что когда-нибудь стану бабушкой.

— А вы взгляните на это с другой стороны. — Дениза вернула телефон. — Нет внуков — нет беспокойства, что на их долю выпадет конец света.

Уилла рассмеялась:

— Ну разве что!

А в воскресенье Денизе позвонила мать Пэтти и Лори.

Уилла никогда с ней не встречалась; она услышала, как Дениза поздоровалась с какой-то Фран,

но имя это ей ничего не сказало.

— Что? — спросила Дениза. — Повтори-ка… Ты шутишь?

Уилла и Шерил, готовившие имбирное печенье, на секунду отвлеклись, что-то уловив в ее голосе.

Но услышать, что там говорят Денизе, они, конечно, не могли.

— Кто еще об этом знает?.. Ничего себе… — Дениза прикрыла макушку ладонью, точно кипой. — Ладно, Фран. Спасибо, что сказала. Я разберусь. Пока.

Она повесила трубку и посмотрела на Уиллу с Шерил:

— Фран Дюмон говорит, это Эрланд меня подстрелил.

Уилла и Шерил замерли.

— И ты, Шерил, это знала. И вы, Уилла, тоже. Вы всё давно знали.

— Не то чтобы давно… — промямлила Уилла.

— Знали и мне не сказали.

Уилла почувствовала, что краснеет. А у Шерил, заметила она, побелели сжатые губы.

— Я это узнаю́ от постороннего человека. А вы вообще собирались меня просветить?

Уилла и Шерил молчали.

— Кто еще знает? — спросила Дениза.

— По-моему, больше никто, — сказала Уилла. — Сэр Джо, конечно, в курсе, но…

— Он знает? — вскинулась Шерил.

Уилла кивнула.

— И что сказал?

— Какая разница, что он сказал? — крикнула Дениза. — Главное, что скажу я! Господи! Похоже, знали все, кроме меня. Я себя чувствую полной дурой.

— Пожалуйста, не надо так, — сказала Уилла. — Мы ничего… не замышляли, честное слово! Просто не хотели никаких неприятностей.

— «Мы»! — зло повторила Дениза. — Уилла и Шерил — сладкая парочка. Так и знала, что вы вклинитесь между нами! Снаружи вся такая аристократка, такая бодренькая, культурная, благовоспитанная и легко… легко…

— …весная? — грустно подсказала Уилла, и в ответ Дениза просверлила ее взглядом.

— А внутри проныра, которой неймется влезть в чужую жизнь! — Дениза прохромала к черному ходу и вышла, хлопнув сетчатой дверью.

Уилла и Шерил переглянулись.

— Это она со зла, — сказала Шерил.

— Иди поговори с ней.

— Пошли вместе.

— Мне не стоит. Поговорите вдвоем.

С явной неохотой Шерил поплелась во двор.

В своей комнате Уилла открыла окно и прислушалась. Она не собиралась подслушивать, просто хотела знать, разговаривают ли Дениза и Шерил. Однако в торцевое окно звуки со двора не долетали.

Ей было так плохо, что она достала телефон и, сев на кровать, собралась позвонить Питеру, но передумала. Известно, что он скажет: «А что я говорил? Чего еще ждать, если вмешиваешься в жизнь людей, которых ты даже не знаешь?»

Уилла решила посмотреть рейсы домой. Домой! Само слово уже утешало. Ждать до понедельника, когда откроется офис Роны, не было сил, хотелось уехать немедленно. Прямо сегодня вечером, если получится.

Не получилось. Либо она не справилась с задачей, поскольку никогда не бронировала билет онлайн. В любом случае ближайший рейс, который она отыскала, был в 6.45 утра. Это еще терпимо, подумала Уилла. Надо только пережить ночь. Если лечь пораньше, общение с Денизой сведется к минимуму.

Уилла ввела данные своей кредитки (что отняло много времени и вышло только со второй

попытки), а потом все же позвонила Питеру на городской телефон, надеясь отделаться сообщением. К ее радости, откликнулся автоответчик.

— Привет, милый, — сказала она. — Это я. Просто хочу известить, что завтра утром вылетаю домой, рейс прибывает в одиннадцать двадцать, если ты не раздумал меня встретить. — Потом назвала номер рейса и пропела: — Пока-а!

Она была почти уверена, что голос ее не выдал, но, закончив сообщение, позволила лицу обмякнуть, а спине сгорбиться.

«Все я сделала шиворот-навыворот, — подумала Уилла. — Надо было сразу сказать Эрланду, что ему следует во всем признаться Денизе. Но я сосредоточилась на том, как уберечь его от возможного гнева Сэр Джо. И что греха таить, ужасно себе нравилась в роли конфидента. О Денизе-то я думала меньше всего. Чего же теперь удивляться, что она взбеленилась?»

Нет никого страшнее разгневанной женщины.

Ладно. Проехали. Уилла поднялась и достала чемодан из шкафа.

Она упаковалась, оставив лишь то, что понадобится на вечер, потом на второй кровати аккуратно разложила дорожное платье, пригладила волосы, освежила помаду и, собравшись с

духом, спустилась в гостиную. На кушетке Дениза читала «Балтимор сан», развернутая газета скрывала ее лицо. Через прихожую Уилла прошла в кухню; Шерил, сложив перед собою руки, праздно сидела за столом, в центре которого стояла тарелка со свежеиспеченным имбирным печеньем.

— По-моему, печенье удалось, — сказала Уилла.

— Нормальное, — ответила Шерил.

— Выглядит превосходно.

Шерил промолчала.

— Что бы такое сготовить на ужин? — спросила Уилла.

— Не знаю.

— Может, фаршированные яйца или салат из тунца? — предложила Уилла, поскольку их воскресный обед был плотным.

Шерил пожала плечами.

— А если сэндвичи с беконом, латуком и томатами?

— Я их терпеть не могу.

— Вот это да! Ты первый человек, от кого я такое слышу.

— Они царапают нёбо, — сказала Шерил и, помолчав, добавила: — Можно просто горячие сэндвичи с сыром.

— А вот их *я* терпеть не могу.

— Ну тогда разогреем пиццу.

— Отличная мысль! А у нас есть пицца?

Уилла надеялась, что пиццы нет — поход в магазин помог бы заполнить прорву времени. Но в морозилке лежала пицца «пепперони».

— Вдобавок можно приготовить салат. — Шерил как будто немного ожила — сползла со стула и заглянула в холодильник, проверяя содержимое овощного контейнера. — Я сделаю свою заправку, ладно?

— Кто бы спорил, — сказала Уилла.

Казалось, она участвует в спектакле школьного драмкружка, у которого всего одно достоинство: исполнители хоть как-то выучили свои роли.

Только за ужином Уилла известила о своем отъезде. Все заняли свои обычные места, но ели молча. Дениза сидела идеально прямо, в кои-то веки демонстрируя безупречные застольные манеры, Шерил лишь безмолвно переводила взгляд с нее на Уиллу.

— Ну вот, завтра утренним рейсом я улетаю в Тусон. — Уилла отложила корку пиццы на край тарелки и салфеткой отерла руки. — Я решила сказать сейчас, потому что утром вы еще будете спать.

Дениза перестала жевать.

— Вы уезжаете? — спросила Шерил.

— Рейс в 6.45. Я уйду тихонько, как мышка.

— Вас никто не гонит, — проговорила Дениза.

— Да, я это понимаю, но если еще задержусь, Питер решит, что я его бросила, — весело сказала Уилла.

— Не стоит так горячиться.

— Конечно, конечно, но… Можно воспользоваться вашим принтером, чтобы распечатать посадочный талон?

Дениза молчала так долго, словно вообще не собиралась отвечать.

— Разумеется, — наконец сказала она.

— Спасибо.

Ужин закончили в полной тишине. Дениза сама отнесла свои тарелки в мойку. Секунду постояла, глядя, как Уилла и Шерил убирают со стола, и вышла вон. В кухне как будто стало пасмурно.

Уилла наполнила раковину горячей водой, плеснула моющего средства. Шерил достала из ящика чистое посудное полотенце.

— Уилла, вы не можете побыть еще немного? — спросила она.

— Нет, к сожалению. — Уилла губкой драила вилки и ножи.

— А я размечталась, что вы построите гостевой домик в нашем дворе.

Уилла улыбнулась:

— А как же Питер?

— И он бы там жил, а вы бы стали школьным ресурсом. Миссис Андерсон обожает ресурсы!

Уилла подала ей ополоснутые вилки и наткнулась на выжидательный взгляд. Сейчас Шерил напоминала девочек со старых открыток: нежный румянец на щеках, губы сердечком, ярко-серые глаза в кайме длинных густых ресниц. Все-таки она необыкновенно красивый ребенок, подумала Уилла.

Она где-то читала, что у человеческих детенышей врожденная вера в их право на маму с папой, и потому для них развод родителей — катастрофа. После приезда в Балтимор Уилла начала задумываться, не распространяется ли эта убежденность и на бабушек с дедушками. И уж безусловно, существует обоюдная вера, ибо сейчас казалось немыслимым, что у нее нет внуков.

Даже если на их долю выпадет конец света.

После того как Уилла распечатала посадочный талон, Шерил предложила сыграть в «Верю — не верю».

— Может, в «Сумасшедшие восьмерки»? —

спросила Уилла. В «Верю — не верю» вдвоем играть не интересно, а Дениза демонстративно уселась за компьютер. Пока шла игра, сопровождавшаяся вскриками и азартным шлепаньем карт, она сидела с каменным лицом, уставившись в монитор.

В половине девятого, когда даже для Шерил еще не настало время отбоя, Уилла сказала, что, пожалуй, пора на боковую, ибо завтра ей рано вставать.

— Аэроплана вывести? — спросила она, надеясь, что позже Дениза сама это сделает (всего-то и надо постоять на крыльце, пока пес отливает), но та, не отрываясь от монитора, буркнула:

— Как угодно.

— Да он, наверное, еще не хочет, — сказала Шерил.

Уилла посмотрела на Аэроплана, тот вскочил и завилял хвостом.

— Хочешь, значит? Ну пошли.

Задувал ветерок, рваные облака временами затушевывали лунный лик. Уилла и Аэроплан прошли на улицу, пес оросил фонарный столб и двинулся дальше, привлеченный каким-то запахом.

Стук каблуков по асфальту напомнил Уилле об

ее детской мечте жить в большом городе с тротуарами, где каждый вечер она будет засыпать под звук чьих-то шагов за окном. И вот пожалуйста: она привычно вышагивает по тротуару.

Вся такая бодренькая, культурная, благовоспитанная и легковесная.

Вот если б ей пришлось сочинить клок-данс, ее танец отличался бы от того, что тогда исполняли девочки. Нет, у нее танцовщица бешеным вихрем пронеслась бы по сцене и скрылась в кулисах, представ перед публикой лишь размытым цветным пятном. Фьють — и все. Финита.

Аэроплан поднял голову и фыркнул, углядев кота, пробиравшегося вдоль живой изгороди перед домом миссис Минтон.

— Роберт! — позвала Уилла.

Кот остановился и посмотрел на нее. Уилла бочком двинулась к нему, притворяясь, будто заинтересована чем-то совсем другим. Чтобы хрустом камешков не спугнуть животное, она обошла разбитую дорожку и, приблизившись к коту, схватила его. К ее удивлению, кот не оказал абсолютно никакого сопротивления. Он застыл у нее в руках и, точно корабельный ростр, глядел вдаль, ожидая, куда его понесут.

— Давай-ка домой, — сказала Уилла.

В сопровождении Аэроплана она подошла к дому Бена. Теперь кот попытался вырваться, но Уилла крепче прижала его к себе и, взойдя на крыльцо, нажала кнопку звонка. Вспыхнул свет, за сетчатой дверью возник Бен.

— Роберт, чтоб тебя! — сказал он. — Спасибо, Уилла. Я даже не заметил, что он удрал.

Бен взял кота, Уилла смахнула серую шерсть с блузки.

— Он шлялся возле дома миссис Минтон.

— Зайдете? — спросил Бен.

— Нет, спасибо, нам пора возвращаться. Знаете, когда я была маленькой, у нас кошки свободно гуляли по улицам, а некоторые там и жили.

— И в моем детстве было так же. Но вот говорят, что каждый год кошки убивают уйму певчих птиц.

— Ах, вон что. Тогда понятно.

— Не надо бы заводить кота, но я не могу позволить себе собаку — всякий раз она будет облаивать моих пациентов. И потом, я просто обожаю кошек.

— Я всегда считала добрым знаком, если человек любит кошек. Это говорит о том, что он не стремится всем управлять.

— Я не питаю иллюзий, что управляю Робер-

том, — улыбнулся Бен. Он выпустил кота, тот вытек из его рук и скрылся в доме.

— Ну что ж, зато я получила возможность попрощаться с вами, — сказала Уилла. — Завтра я уезжаю.

— Так скоро? — вскинул бровь Бен.

— Боюсь, я уже надоела Денизе.

— Никогда в это не поверю.

— Да нет, правда, у нас у каждой своя жизнь.

— С вашей стороны было очень любезно приехать в такую даль и позаботиться о ней.

От теплоты в его голосе Уилла чуть не расплакалась.

— Вряд ли это любезность, поскольку у меня был свой интерес. Сказать по правде, в тот момент я вроде как не знала, куда себя деть.

— И тем не менее. Черт возьми, а у меня уже зародился хитрый план: вы покупаете дом миссис Минтон и помогаете нам с переселенцами.

— Это было бы забавно.

— А что, у нас даже сирийцы есть!

Бен хвастался, точно мальчишка.

— Да ну? — улыбнулась Уилла.

— Им никак не дается звук «п».

— Правда? — заинтересовалась Уилла, но одернула себя и протянула руку: — Что ж, может, в

другой жизни я ими займусь. До свиданья.

Бен подал ей руку и спросил:

— Как вы доберетесь в аэропорт?

Аэроплан, обнюхивавший его кроссовки, насторожился, решив, что говорят о нем.

— Вызову такси, — сказала Уилла.

— Позвольте я вас отвезу.

— Спасибо, но я уеду очень рано.

— Во сколько?

— Где-то без четверти пять. Я всегда боюсь опоздать на самолет.

— Вот и хорошо. Я вернусь как раз к приему пациентов.

— Ну…

— Решено. Увидимся утром. — Бен потрепал пса по голове и ушел в дом.

Когда Уилла вернулась с прогулки, в гостиной была только Дениза — лежа на кушетке, она листала журнал. На журнальном столике стоял ополовиненный бокал вина.

— Вот и мы, целые и невредимые, — сказала Уилла.

— Угу. Спасибо. — Дениза перевернула страницу.

С тяжелым сердцем Уилла поднялась к себе.

Под дверью в комнату Шерил виднелась по-

лоска света. Уилла тихонько постучалась и окликнула:

— Шерил?

Послышались шаги, дверь распахнулась. Шерил была в пижаме, но постель еще не разобрала — подушка пирамидой стояла в изголовье.

— Я просто хотела проститься, — сказала Уилла. — Я уеду в аэропорт, когда ты еще будешь спать.

Шерил молча ее обхватила и уткнулась в нее лицом.

— Мама вовсе… — невнятно проговорила она. От ее дыхания животу стало тепло.

— Что, милая?

Шерил подняла голову:

— Мама вовсе не считает вас легко… какой-то.

— Ничего. Это пустяки, даже если она так думает.

— Нет, не думает. Через день-другой она отойдет, вот увидите. Вы обратили внимание, что она не хочет заявлять в полицию?

Об этом Уилла не задумывалась, но вялая отмашка от серьезных событий, как в случае с беременностью по пьяни или прерванной учебой в колледже, — это, похоже, в характере Денизы.

— Вот и хорошо, — сказала Уилла. — Значит,

Эрланд может не волноваться. — Она поцеловала Шерил в макушку. — Пока, душенька. Я буду по тебе скучать. Хорошенько заботься о моем кактусе, ладно?

— А что надо делать?

— Изредка поливай, но не чрезмерно. Помни, он стойкий и не любит, когда с ним нежничают.

— И потом вы приедете посмотреть, как он поживает?

— Конечно. — Уилла не стала говорить, что не собирается возвращаться.

Перед сном она хотела позвонить Шону — просто известить о своем отъезде и сказать, что была рада познакомиться с Элиссой. Но стоит ли? После их совместного ужина он ни разу с ней не связался, ему, наверное, безразлично, уезжает она или нет. И потом, знакомство с Элиссой вовсе не обрадовало.

Это были нехорошие мысли, и Уилла их тотчас прогнала. Однако звонить сыну не стала. И Питеру не перезвонила. Сообщение он должен давно уже получить, пусть встретит ее, если захочет. А коли нет, она и сама найдет дорогу домой.

Уилла поставила будильник на четверть пятого. Полчаса ей хватит, чтоб собраться, а кофе она выпьет в аэропорту. Уилла надела ночную

рубашку, уложила платье в чемодан, умылась и почистила зубы. Выключив свет, скользнула под одеяло и блаженно прикрыла глаза.

Это был ужасно длинный день.

12

Кто его знает, насколько Бен обязателен. Он вполне мог опоздать или не прийти вообще. Однако ровно в 4.45 Уилла, на цыпочках спускаясь по лестнице, услыхала тихий стук в дверь. Она поставила чемодан в прихожей, справилась с замком и прошептала:

— С добрым утром.

— С добрым, — ответил Бен, дыхнув мятной зубной пастой.

На улице было чуть светлее, чем в доме, но в предрассветном сероватом сумраке он читался безликим силуэтом.

— Это все ваши вещи? — спросил Бен, взяв чемодан.

Ответить Уилла не успела, ибо из гостиной донесся шорох, вслед за которым возник медленно двигавшийся белый столб с едва различимым овалом лица — закутанная в простыню Дениза. Видимо, на ночь она не переоделась — слышался стук сапожка-лонгеты, которому вторил цокот

когтей Аэроплана.

— Привет, Бен, — поздоровалась Дениза. Голос ее немного сипел.

— Доброе утро.

Всем корпусом Дениза повернулась к Уилле:

— Послушайте, из-за меня вам уезжать не надо.

— Да нет, пора уже. Хозяйничайте тут сами.

— Ну чего вы такая обидчивая? Я-то думала, мы прекрасно ладим! Даже размечталась, что вы поселитесь у нас насовсем. Ну да, вчера я маленько сорвалась, но встаньте на мое место! Вы с Шерил как две подружки, у вас свои секреты… А я ненавижу, когда от меня что-то скрывают и шушукаются за моей спиной: смотри, Денизе ни слова!.. Меня это бесит! Особенно после поступка Шона! Это больно.

Почему так бывает, подумала Уилла, что человек, за что-нибудь извиняясь, опять начинает злиться?

— Мне очень жаль, Дениза, — сказала она. — Я не хотела причинить вам боль. Надеюсь, вы меня простите.

Уилла ее обняла, но Дениза даже не шевельнулась, чтобы ответить ей тем же. Может, потому, что была замотана в простыню. Уилла прижалась

щекой к макушке Аэроплана, пахнувшей поношенным свитером. Пес тихонько заскулил, Уилла расценила это как грусть и нехотя выпрямилась.

— Можем ехать? — спросила она.

Помешкав, Бен кивнул и посторонился, дав ей дорогу.

— Пока, Дениза, — сказал он. — Позже я к вам загляну, если можно.

Дениза не ответила. Наверное, она осталась на крыльце и смотрела им вслед, потому что входная дверь не хлопнула.

Маленькая «королла» с зажженными фарами и работающим двигателем стояла у тротуара. Только урчанье мотора и пока еще сонный щебет птиц на деревьях нарушали тишину. Все окна темны, на дороге ни одной машины. Казалось, даже шепот потревожил бы царящий покой.

Бен положил чемодан в багажник, Уилла устроилась на переднем сиденье. В машине заплесневело пахло старыми газетами, на самоклеящемся листке, прилепленном к приборной доске, значилось «стеклоомыватель». Бен сел за руль, и Уилла заметила, что он небрит — под светом потолочной лампочки посверкивала седая щетина. В ковбойке с закатанными рукавами он больше смахивал на фермера, нежели на врача.

— У вас с Шерил секреты от Денизы? — спросил Бен, выезжая на улицу.

Уилла оценила, что вопрос задан только сейчас, хотя интерес был вполне естествен.

— Это касательно выстрела, — сказала она. — Выяснилось, что это случайность, и Шерил не хотела досужих разговоров.

— Конечно, случайность. В такую девушку никто не будет стрелять намеренно.

Слава богу, он не спросил, кто виновник этой случайности.

Проехали дом Кэлли, потом дом Хала. На этой улице столько людей спят в одинокой постели, потом одиноко просыпаются и начинают свой одинокий день. Уилла уже скучала по ним. Она представила Кэлли, которая в ярких туфельках и с пластиковым стаканом кофе в руке поспешает на работу, и Хала, который бредет к дому Денизы, надеясь, что уж нынче-то она согласится куда-нибудь с ним пойти. И саму Денизу, которая всякое свое пылкое высказывание заканчивает самодовольным «Вот так вот!», как будто ставя печать.

— Вы уверены, что поступаете правильно? — спросил Бен, словно читая ее мысли.

— Да, уверена.

Свернули на Рубен-роуд. И здесь окна были

темны, а крыльца безлюдны. Радио тихонько бурчало выпуск новостей, но Бен протянул руку и его выключил.

Уилла достала из сумочки посадочный талон. Почему-то на каждой десятой строчке принтер оставил царапину. Уилла встревожилась, что одна такая царапина угодила на штрихкод, — в поездках она всегда находила повод забеспокоиться. Потом, опасаясь тошноты, приказала себе смотреть в окно. Миновали жилые кварталы, выехали на автостраду Джонс Фоллс. Затем через развязку вновь оказались в городском районе, где потихоньку просыпалась жизнь. Из фургонов, припаркованных в два ряда, грузчики доставали ящики с овощами, женщина поднимала решетку на двери кафе, человек в красном фартуке раскладывал газеты на дорожном отбойнике.

— Вы можете передумать, — сказал Бен, словно в разговоре не было долгой паузы. — Я развернусь и доставлю вас обратно.

— Наверное, у Денизы другие соображения по этому поводу, — улыбнулась Уилла.

— Она будет только рада.

— Вы смеетесь? Она же сказала, что я краду у нее дочь.

— Уж этого она точно не говорила.

— Ну другими словами.

— Я ведь там был, вы не забыли? Ей не понравилось, что вы утаили правду, вот и все.

— Нет, я шушукалась за ее спиной.

— Ладно, как вам угодно.

— Мне не *угодно*.

— Можно убраться восвояси, поджав хвост, как побитая собака, а можно сказать: ты права, Дениза, мне следовало быть откровеннее. Обещаю, этого не повторится.

— Я не поджала хвост. Я не побитая собака.

— Хорошо, будь по-вашему.

Город остался позади. Светлело небо над пустырями с редкими пакгаузами, нефтяными цистернами и опорами высоковольтной линии. Уилла смотрела на проплывавший за окном пейзаж, словно это объясняло ее молчание.

— Моя жена говорила, что ад ей представляется как супружество с Ганди, — сказал Бен.

— Что-что?

— Ну вот смотрите: Ганди во всем хороший. По сравнению с ним любой будет выглядеть грубияном, крикуном и эгоистом.

Уилла задумалась. Они обогнали лимузин с непроглядно тонированными стеклами.

— Моя мать, выходит, была замужем за Ган-

ди, — наконец сказала Уилла.

Бен окинул ее коротким взглядом.

— Отец мой был настолько мягок, что считал невежливым брать трубку, едва телефон звякнет. Он всегда позволял телефону дозвонить.

Бен хмыкнул.

— «Надо выходить за такого или быть такой», — думала я.

— Возможно, вы еще передумаете, — сказал Бен.

— Простите?

— Существуют и другие варианты.

— В одиннадцать лет их не находишь.

— В одиннадцать — нет.

— То-то и оно. — Уилла убрала посадочный талон в сумочку.

Здесь, далеко за городской чертой, был виден розовеющий горизонт. Молчание становилось тягостным, как после ссоры, но Уилла не знала, чем его нарушить. Любая тема — пейзаж за окном, погода, свободная дорога — казалась надуманной. Видимо, Беном владело схожее чувство. Когда на съезде к аэропорту он включил поворотник и сказал: «Ну вот, подъезжаем», в голосе его как будто слышалось облегчение, что наконец-то он избавится от обузы. За окном появились реклам-

ные щиты долговременных парковок, мотелей и фирм по прокату машин.

— Какой терминал? — спросил Бен, точно заурядный таксист, и Уилла сухо ему ответила, точно заурядная пассажирка.

От огней аэровокзала хотелось сощуриться. Автомобильные очереди. Легковушки с открытыми багажниками, автобусы, выстроившиеся друг за другом, сигналящие такси. Вокруг пугающе лихорадочная людская суета.

Бен встал за универсалом, водитель которого вытащил из машины переноску с домашним питомцем и отдал жене. Женщина, сделав губы трубочкой, сквозь сетку заворковала с любимцем.

— Не выходите, Бен, просто откройте багажник, — сказала Уилла.

Но тот, будто не слыша, вылез из машины, и она следом за ним выбралась в предотъездную суматоху.

Бен вынул чемодан из багажника, поставил на попа, вытянул ручку.

— Спасибо, Бен, — сказала Уилла. — Я вам очень признательна.

Заметив его высокие черные кроссовки, какие носят школьники, она опять подумала, насколь-

ко же он ей симпатичен. Уилла хотела его обнять, но Бен уже протянул руку:

— Пока, Уилла.

— До свиданья, Бен.

Он задержал ее руку в своей.

— Знаете, давно хотел сказать — мне нравится, как вы глядите на окружающих.

— Как я — что?

— Например, когда Шерил что-то вам рассказывает, у вас подрагивают губы, словно вы сдерживаете улыбку. Или Дениза что-нибудь выдаст, и у вас простодушно распахнутся глаза. Или этот ваш лукавый взгляд на Сэр Джо, возомнившего себя неотразимым.

Уилла чуть расстроилась и через секунду поняла — почему. Она подумала, он скажет: «Мне нравится, как вы выглядите». Точка.

— Ну ладно, бывайте. — Бен резко выпустил ее руку, чуть ли не отбросил, и шагнул к водительской дверце, оставив Уиллу на тротуаре.

Надо было сказать, что ей тоже нравится, как он смотрит на людей, подумала она.

Змеевидная очередь на досмотр была длинной, но двигалась быстро. Однако перед сканером все застопорилось из-за человека, который, похоже, летел первый раз в жизни. Он не знал, что

нужно разуться, снять ремень, вынуть ноутбук из рюкзака, и каждое новое указание для него было полной неожиданностью. Потом, кто бы сомневался, зазвонила рамка металлоискателя, и недотепе пришлось вернуться, чтобы выложить из карманов монеты, ключи и баночку с пилюлями.

Будь здесь Питер, он бы сквозь зубы чертыхался, а Уилла умиротворяла бы его сдержанной сочувственной улыбкой.

Выход на посадку был в конце сияющего коридора, распахнувшегося залами ожидания. В море пустых кресел островками сидели одинокие пассажиры, уставившиеся в смартфоны, уборщики апатично катили мусорные баки. В своем зале ожидания, где в столь ранний час почти никого не было, Уилла села в абсолютно свободный ряд и достала из сумочки телефон. Она решила послать сообщение Шерил — просто ласковую весточку, которую та получит, проснувшись.

Однако на экране высветился пропущенный звонок. От Питера. Он звонил вчера в 8.40 вечера, когда Уилла, видимо, выгуливала Аэроплана. Уилла ругнула себя, что не проверила телефон. Но Питер оставил сообщение. Уилла нажала кнопку и поднесла телефон к уху.

«Это Питер». Голос его прозвучал так резко, что Уилла чуть отстранила руку с телефоном. «Завтра у меня дел по горло. Да будет тебе известно, я тоже человек, и у меня своя жизнь. Так что добирайся домой сама. Пока».

Щелчок.

Уилла опустила телефон и посмотрела на экран. Почти половина шестого. А в Тусоне еще ночь. Однако она перезвонила Питеру, хотя знала, что на ночь он отключает телефон. Прошли гудки, потом раздался спокойный добродушный голос мужа, предложивший оставить сообщение. «Пожалуйста, говорите медленно и внятно», — сказал он медленно и внятно, словно подавая пример.

— Привет, милый, это я. Прости, что не сообразила узнать о твоей занятости. Ничего, я возьму такси, увидимся дома. Целую!

Уилла убрала телефон в сумочку и, взяв чемодан, отправилась на поиски кофе.

Казалось, чемодан, волочившийся за ней, чем-то напоминает кислородный баллон, с которым не расстаются сердечники.

В самолете ее место оказалось в середине ряда, но оба соседа не выглядели источником беспокойства. Мужчина возле окна сразу после взлета заснул. Перед тем он надел пухлый подголовник,

наводивший на мысль об отрубленной голове на подушке. Седая женщина у прохода, полная, но не настолько, чтобы нарушить границы чужого пространства, только улыбнулась и открыла журнал о рукоделии. Так что опасность свернуть себе шею в разговорах с соседями Уилле не грозила.

Сначала она смотрела на съеживающийся пейзаж внизу, где миниатюрные кровли образовывали прерывистые линии, похожие на сороконожек. Но потом за окном возникла непроглядная белизна облаков, и Уилла достала детектив, который читала на пути в Балтимор. Она уже забыла, в чем там дело, пришлось вернуться на первую страницу. Обилие многозначительных деталей, которые, видимо, следовало брать на заметку, быстро утомили. Через пару глав веки ее отяжелели, и она, закрыв глаза, откинулась в кресле.

Уилла не думала, что уснет. Обычно в поездках она не спала. Но тут вдруг очутилась в заграничном городе с мощеными улицами и древними замшелыми зданиями. Впереди она увидела ребенка — девочку в бумазейном клетчатом платье. Уилла знала, что девочка ей обрадуется, и хотела ее окликнуть, но издала только надорванный пронзительный писк, от которого проснулась. В ушах ее еще звучал собственный вопль. К сча-

стью, соседка его не слышала либо тактично притворилась глухой.

Уилла закрыла глаза, но сон этот уже не вернулся.

Видимо, какое-то время она спала, потому что, открыв глаза, увидела, что соседка пьет воду со льдом. Значит, бортпроводница уже прокатила свою тележку. Подумав, что надо, наверное, пополнить запас влаги в организме, Уилла посмотрела в проход, но тележки там не было. Пить, в общем-то, не хотелось, Уилла опять откинулась в кресле и прислушалась к разговору пары, сидевшей в следующем ряду. Супруги спорили, надо ли выдавать какому-то Динку карманные деньги, если он не убрал свою постель.

— Во всех книгах сказано, карманные деньги не должны зависеть от исполнения ребенком домашних обязанностей, — доказывала женщина.

Уилла не расслышала, что ответил муж. Женщина, видимо, тоже не разобрала, потому что переспросила:

— Что-что?

— Чушь собачья, — громко выговорил мужчина.

Соседка Уиллы сунула салфетку в пустой стакан, встала и пошла в хвост самолета. Выждав

минуту, Уилла последовала за ней; обезьянничать не хотелось, но лучше сходить в туалет сейчас, чтоб потом никого не беспокоить.

Обеспокоить соседку, которая вернулась раньше, все-таки пришлось, но, по крайней мере, та была к этому готова и не застегнула ремень.

Мужчина у окна так и спал. Уиллу всегда удивляло, как можно выдержать долгий перелет, ни разу не наведавшись в туалет.

Сейчас она достигла состояния, когда поездка кажется нескончаемой. Уже не было сил переносить гул двигателей, мертвый консервированный воздух и юношей в костюмах, обсуждающих «спрос», «установление контактов» и «деловую встречу». Уилла представила, как вызовет стюардессу и вежливо скажет:

— Я хочу выйти. Будьте любезны, принесите мне парашют. Я доберусь сама.

Потом состояние это прошло, Уилла прикрыла глаза и впала в этакую полудрему, ни на секунду не теряя ощущения своей напряженной хмурости.

Но вот наконец-то двигатели заныли в иной тональности, самолет начал снижаться, внизу возник песочного цвета аризонский пейзаж. Пейзаж вовсе не родной, ну да ладно.

Едва самолет коснулся земли, как все вокруг включили телефоны. Повсюду тренькало, щебетало, позванивало. На всякий случай Уилла проверила свой мобильник — вдруг Питер передумал и оставил новое сообщение. Минуту-другую она выжидала, глядя на экран. Нет, ни звонков, ни писем, ни сообщений. Ничего.

Однако это ее ничуть не огорчило. Напротив, ей как будто… полегчало, что ли.

Опустив телефон, Уилла уставилась в спинку впередистоящего кресла.

В аэровокзале возникло ощущение, будто все это время картинка стояла на стоп-кадре. Все те же взъерошенные измученные мамаши с вопящими младенцами, все те же пожилые пары в огромных кроссовках, все те же бизнесмены с зачехленными ноутбуками через плечо. Все они казались нарисованными. Или фигурками в кукольном домике.

Уилла прошла мимо рядов ядовито-оранжевых кресел с покатыми спинками. Мимо сияющих витрин с шоколадками и электроникой. Встала в очередь на эскалатор, увозивший к выходу, но в последний момент отшагнула в сторону, едва не сбив парнишку, согнувшегося под необъятным рюкзаком.

— Извините, — пробормотала Уилла, оглядываясь в поисках билетной кассы.

В своей новой жизни она снимет комнату. Или поселится в доме миссис Минтон. Или подыщет апартаменты с бассейном для Шерил. Будет учить переселенцев английскому или школьников — испанскому. Или займется чем-нибудь совершенно иным, о чем даже не мечталось. Возможности безграничны.

Она себе видится фигуркой в платьице (вроде силуэта на двери дамской комнаты), что бежит по земному шару, плывущему сквозь космос.